

ЮРИЙ
ГАГАРИН

108

МИНУТ,
КОТОРЫЕ
ПОТРЕЯСЛИ
МИР

ГАГАРИН КАК МЕЧТА

КОСМОНАВТ ГЕОРГИЙ ГРЕЧКО КАК-ТО РАССКАЗЫВАЛ о том, почему великий Королев выбрал Юрия Гагарина для первого полета человека в космос: «Я тогда был инженером, готовил к запуску ракеты. Когда мы, инженеры, смотрели на будущих космонавтов, сравнивали объективно: у кого лучше образование, воспитание, знания технические. И скажу честно, здесь Гагарин не был первым. Узнав, что Королев отобрал для первого полета Гагарина, мы его не совсем поняли. Но потом, когда весь мир его приветствовал, мы поняли и признали: Королев был прав. Согласитесь, Гагарин был одним из лучших и ярчайших представителей нашего народа. Простой, улыбчивый, приветливый, верный». Улыбка Гагарина – вот что, наверное, интуитивно предопределило выбор. А потом, на волне триумфа советской науки и техники, стало на годы едва ли не главной «визитной карточкой» страны, социального строя, целой эпохи. И даже сегодня, когда опросы общественного мнения порой бесстрастно фиксируют крепнущее среди молодого поколения невежество относительно еще недавнего нашего прошлого (в прошлом году около трети россиян не могли назвать дату первого пилотируемого космического полета), улыбка Гагарина продолжает пробиваться к нам сквозь годы.

В определенной мере наш первый космонавт, наш прорыв в космос, наш Гагарин – все эти реалии относительно недавнего прошлого хотя и обрастают со временем легендами и мифами, уже давно превратились в своего рода нашу национальную мечту. Но не ту, которая обращена лишь в будущее – неопределенное и далекое, а мечту как проявление уверенности в себе и в собственных силах, как принцип поведения и отношения к жизни, мечту в то, что мы, если очень захотим и постараемся, все же сможем рвануть к звездам. А то и просто нахватать их с неба. И это не будет неким пафосным «русским чудом». «Чудо» – это как-то не по-гагарински. Просто работа такая. И она нам – по силам. ■

[01]

**ВЕРБИЦКАЯ
ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА**

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета [01]

[02]

[05]

[03]

[06]

[04]

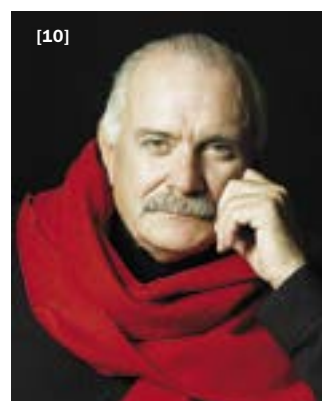
[07]

[08]

[09]

[10]

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

**БОГДАНОВ
СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ**

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, проректор Санкт-Петербургского государственного университета [02]

**ВИНОКУРОВ
СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ**

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами [03]

**ДЗАСОХОВ
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ**

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО [04]

**ДОБРОДЕЕВ
ОЛЕГ БОРИСОВИЧ**

Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания» [05]

**ИГНАТЕНКО
ВИТАЛИЙ НИКИТИЧ**

Генеральный директор ИТАР – ТАСС [06]

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ ГРИГОРИЙ
ВАЛЕРИЕВИЧ)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата [07]

**КОСТОМАРОВ
ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ**

Президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина [08]

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ**

Министр иностранных дел Российской Федерации [09]

**МИХАЛКОВ
НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ**

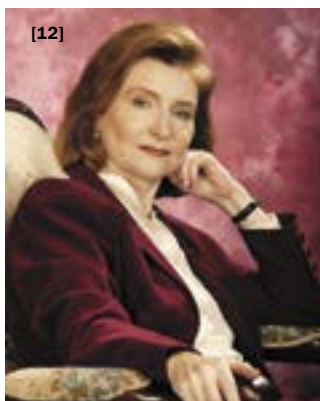
Президент Российского фонда культуры [10]

**МУХАМЕТШИН
ФАРИТ МУБАРАКШЕВИЧ**

Руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству («Россотрудничество») [11]

[11]

[12]

[17]

**НИКОНОВ
ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Исполнительный директор
правления фонда «Русский
мир», президент фондов
«Политика», «Единство
во имя России» [17]

[13]

[14]

[18]

[19]

[15]

[16]

[20]

[21]

**НАРОЧНИЦКАЯ
НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА**
Президент Фонда истори-
ческой перспективы, глава
отделения Некоммерческо-
го фонда «Институт демо-
кратии и сотрудничества»
в Париже [12]

**ПИОТРОВСКИЙ
МИХАИЛ БОРИСОВИЧ**
Директор ФГУК «Государ-
ственный Эрмитаж» [13]

**ФУРСЕНКО
АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Министр образования
и науки Российской
Федерации [14]

**ЮРКОВ
ЕВГЕНИЙ ЕФИМОВИЧ**
Заместитель генерального
секретаря Международной
ассоциации преподава-
телей русского языка и
литературы, заведующий
кафедрой филологического
факультета СПбГУ [15]

**ЯКУНИН
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ**
Президент ОАО «Россий-
ские железные дороги»,
председатель попечитель-
ского совета Фонда Андрея
Первозванного и Центра
национальной славы [16]

**МОРГУНОВ
СЕРГЕЙ ЕВДОКИМОВИЧ**
Член правления фонда
«Русский мир» [18]

**КАЛИНА
ИСААК ИОСИФОВИЧ**
Руководитель
Департамента
образования
Москвы [19]

**ПРОКОФЬЕВ
ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Заместитель директора
департамента
Генерального секретариата
МИД Российской
Федерации [20]

**ШАРКОВ
АНАТОЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ**
Начальник департамента
Референтуры Президента
Российской Федерации [21]

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

РУССКИЙ МИР

- 06** Время реформ
- 10** Мартовские тезисы
- 12** Космические встречи
на рижской земле
- 14** Балтийские соседи

СИТУАЦИИ

- 36** Новые герои
для нового времени
- 39** Ученые без границ
- 42** Ведь не даром...
- 48** План по памяти

НАСЛЕДИЕ

- 52** Непрочитанный
- 58** К Языкову...

ПЕРВЫЙ В КОСМОСЕ

- 16** Друзья Юрия Гагарина
- 22** Пять дней с Гагариным
- 26** Космический город
- 30** Клуб космических
оптимистов

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

64 Синеглазая царица

67 Василий с острова

ИНТЕРВЬЮ

70 «Будущее России
за болезненным
синтезом науки
и бизнеса»

76 Глубинка

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

78 Вкус блокадного
хлеба

РЕПОРТАЖ

82 Невысокий блондин
в вологодском валенке

ПУТЕШЕСТВИЕ

86 Монастырская республика

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Елена КУЛЕФЕЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Виталий МЕНЬШИКОВ
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Денис ТЕРЕНТЬЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Гарднеровский пер., 3, стр. 4

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке:
ИТАР-ТАСС

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ВРЕМЯ РЕФОРМ

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ДУХОВЕНСТВО И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВЫСКАЗАЛИСЬ ОБ УСЛОВИЯХ УСПЕШНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РЕФОРМ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

ТРЕТЬЕГО МАРТА В ХРАМЕ ХРИСТА Спасителя состоялась международная конференция «Великие реформы императора Александра II – успешный пример модернизации», посвященная 150-летию со дня отмены крепостного права в России. В мероприятии, организованном фондом «Русский мир» и Русской православной церковью, приняли участие Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, государственные, политические и общественные деятели, российские и зарубежные ученые. Конференция началась с молебна святителю Филарету, митрополиту Московскому, и литии по императору Александру II. Затем участники возложили цветы к памятнику императору-освободителю. В конференц-зал пригласили 150 человек, но гостей оказалось заметно больше. Мест не хватало, люди толпились в проходах, не расходились после перерыва, что неудивительно: и тема болезненная, и выступающие сумели задеть за живое.

Хватило мудрости

С точки зрения патриарха, подлинная модернизация страны всегда опирается на нравственные принципы. Ее могут провести только те люди, которые относятся к правде и милосердию с глубокой серьезностью. «Модернизация без нравственных измерений превращается в безудержную погоню за мирскими благами и удовольствиями, – сказал патриарх. – Не случайно в манифесте об отмене крепостного права признается, что побуждающим мотивом для дворянского сословия в освобождении крестьян стало уважение крестьянского достоинства. Сила нравственного начала в человеке способна стать двигателем общественного обновления и принести истинное благо для всех». Другой тезис касался социальной ответственности и готовности жертвовать ради дела силы, время, средства. В XIX веке правящему классу России хватило мудрости отказаться от части привилегий. Патриарх Кирилл так

прокомментировал одну цитату из манифеста об отмене крепостного права: «Самый благотворный закон не может сделать людей благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством закона. Довольство приобретается и увеличивается нашим неослабным трудом, благоразумным употреблением сил и средств, строгой бережливостью и вообще честною, в страхе Божием жизнью». Эти слова надо на растяжках в Москве вывешивать, чтобы пробудить сознание современного человека». Его Святейшество особо отметил, что в те годы реформ на плечи православной церкви легла «вся тяжесть ответственности за то, чтобы народное сознание восприняло эти реформы». Во многом этому способствовал незаурядный талант автора текста манифеста – святителя Филарета, который «более чем кто-либо другой понимал народную душу». Кроме того, реформы, впервые после преобразований Петра I, не копировали чужой опыт, а были ориентированы на народную традицию. «Тысячелетняя история России сформировала мощный духовный и культурный код нашего народа, стержнем которого, безусловно, является религиозная традиция. Этот ценностный базис разделя-

ют и другие страны, прежде всего Украина, Белоруссия, Казахстан, Молдавия и др. Вероятно, сейчас было бы правильно разрабатывать проект развития и модернизации не только для одной страны, но для всех стран, цивилизационно близких друг к другу».

Патриарх коснулся и язв современного общества – коррупции, неуважения к закону, алкоголизма, наркомании, преступности. Эти проблемы невозможно преодолеть искусственно, сверху, потому что «всякое преобразование – это не дорога с односторонним движением, а взаимный процесс, и никакая модернизация не может быть основана человеком, который считает, что весь мир ему должен, поскольку счастье возможно только после возврата долга». В конце выступления патриарх Кирилл высказался о своевременности и постепенности преобразований. «Нехватка этих принципов в истории политических и экономических изменений в России всегда приводила к потрясениям и бунтам. Даже самые здравые и логичные реформы не находили отклика у простого народа, если совершались стремительно, без оглядки на предшествующий опыт и традицию. Реформы Александра II и сегодня могут служить образцом того, как ответственная власть должна реагировать на необходимость глубоких общественных перемен».

Представители законодательной власти зачитали приветствие председателя Госдумы РФ Бориса Грызлова. Аудитория шумно прореагировала на слова: «Во время правления Александра II, наверное, впервые в российской истории государственная политика стала выходить за пределы привычного деспотизма, пренебрежения к правам личности, игнорирования нужд российского общества. Эта эпоха имеет несомненную вдохновляющую линию сегодня для нас, продолжающих эпоху модернизации России».

АЛЕКСАНДР БУРЬИ

АЛЕКСАНДР БУРЬИ

Фактор свободы

Когда слово взял руководитель Федерального архивного агентства Андрей Артизов, беседа повернула к вечной теме – роли личности в истории. «Александр II обладал даром чувствовать общественные настроения, но при этом не идти на поводу, принимать трудные решения, – сказал г-н Артизов. – Личный вклад императора в великие реформы недостаточно изучен и проанализирован. Сегодня такое изучение чрезвычайно актуально. В наших архивах хранится более 380 тысяч дел по отмене крепостного права». Глава агентства назвал несколько впечатляющих цифр. После освобождения 23 миллионов крестьян число рабочих на фабриках увеличилось вдвое, если сравнивать данные 1854 и 1881 годов, а количество самих фабрик – втрое. По мнению Андрея Артизова, формула успеха реформ XIX века кроется в уровне их подготовки, проработанности. «Впервые в истории отечества, – сказал он, – это была гласная подготовка документов с участием многих учреждений, комиссий, преобразования выделялись масштабом – охватом всех основных сфер жизни общества – и ненасильственными методами. Реформы были системными, проводились единым пакетом и в строгом подчинении закону».

Тему продолжил исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, подчеркнувший, что, в отличие от многих предшественников и последователей, Александр II исключил элемент импровизации: практическим шагам предшествовали все-

сторонние обсуждения, «пробные шары», региональные эксперименты, тщательная проработка проектов законов. Впервые в истории России был создан детально проработанный пакет реформ, которые были увязаны друг с другом, и их реализация была точно спланирована по времени. Над реформой работала целая плеяда талантливых деятелей, им помогала большая команда образованных администраторов. «Благодаря системности работы, которая сочеталась с огромным энтузиазмом и идеализмом, государственная машина Российской империи при всей своей неповоротливости продемонстрировала в тот момент несвойственные ей продуктивность и оперативность, – сказал Вячеслав Никонов. – Важно подчеркнуть, что самые удачные в нашей истории реформы вызрели на национальной почве. Нигде в мире не было таких земств, не существовало такой армии». Мир заговорил о российском экономическом чуде: население удвоилось за полвека, урожайность поднялась в два раза с 1880-х по 1912 год, вернулся политический и военный вес на международной арене. «Из реформ убитого царя выходила другая Россия – раскрепощенная энергия, заинтересованность инициативой граждан стали важнейшим государственным ресурсом, – сказал Вячеслав Никонов. – Хочу процитировать наказ великих реформ от самого Александра II: «Истинные условия спокойствия в мире заключаются не в неподвижности, которая невозможна, и не в шаткости политических сделок, а в практической мудрости, необходимой для того, чтобы при-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

мирать историю – этот незыблемый завет прошлого – с прогрессом, законом настоящего и будущего».

А директор Института российской истории РАН Юрий Петров заметил, что в оценках великих реформ часто скатываются к двум крайностям: советской, где Россия предстает отсталой и зависимой от иностранного капитала, и современной, где это время представляется всеобщим благоденствием. Откуда же тогда выросли последующие революции? Юрий Петров сделал интересный доклад на тему экономических последствий отмены крепостного права. Ученые разных стран изучают феномен реформ Александра II. Одни исследования делают акцент на роли государства в экономике: создание казенных банков и целых отраслей промышленности, строительство железных дорог, построение налоговой и таможенной политики. «Последние исследования американских историков, например Пола Грегори, показывают, что государство в России было не столько инвестором экономики, сколько получателем дохода от экономического роста, который в целом происходил независимо от налогов и сферы влияния государства», – сказал Юрий Петров. Инвесторами выступили иностранные государства – это второй фактор успеха. Перед Первой мировой войной объем иностранных инвестиций составлял около 1 миллиарда рублей, на них был создан, к примеру, весь криворожский металлургический бассейн. «Это любимая тема наших западных коллег, – отметил ученый, – но, я считаю, и этот фактор не реша-

ющий. Инвестиции появились, потому что климат был благоприятный, страна вошла в стадию устойчивого развития. Все-таки российских инвестиций было больше, а решающим фактором стала свобода, которую трудно уловить в количественных параметрах, но все же можно». 45 процентов доходов от российской промышленности пришлось на текстильную отрасль, а фабрики основывали в подавляющем большинстве выходцы из крепостных и монастырских крестьян. Мощное развитие страны отразилось на демографии: на одну российскую семью в начале XX века в среднем приходилось по шесть детей, перед Первой мировой войной каждый десятый житель планеты проживал в нашей империи. Но была и обратная сторона этого процесса, связанная с отсталостью системы здравоохранения: умирало 50 процентов младенцев до года и еще треть детей в возрасте до пяти лет. Реформы Александра II должны были завершиться аграрными изменениями, но реформа Столыпина была проведена не в 80-е годы XIX века, а лишь через сорок пять лет после отмены крепостного права. «Была упущена реформаторская инициатива, потеряно драгоценное время, – дал оценку историк. – Именно нерешенность аграрного вопроса, вероятно, привела к социальным взрывам». В заключение Юрий Петров рассказал о том, что сейчас в его институте иницируется огромный проект «История России», который представит современные воззрения ученых на историю России с древнейших времен до наших дней. ■

МАРТОВСКИЕ ТЕЗИСЫ

МАРИНА ИВАНОВА

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ, 9 ФЕВРАЛЯ ВСТУПИВШИЙ В ДОЛЖНОСТЬ ДЕКАНА ФАКУЛЬТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ МГУ, НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ В «РИА НОВОСТИ» РАССКАЗАЛ О ТОМ, КАК ОБУСТРОИТЬ СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ БУДУЩИХ ЧИНОВНИКОВ.

РИА НОВОСТИ

СОТВОРИВ МИР, ГОСПОДЬ РАСПРЕДЕЛЯЕТ земли между народами. Иисус переживает: «Отец, так нельзя. Жуткие скалы, горы, ледники ты даешь швейцарцам, а русским – 11 часовых поясов, нефть, газ, уголь, металлы, плодородные земли. Это же несправедливо!» «Подожди, сынок, – отвечает Господь, – я еще не распределял правительства». С этого анекдота начал разговор с журналистами Вячеслав Никонов, исполнительный директор фонда «Русский мир», президент фондов «Политика», «Единство во имя России», а теперь еще и новый декан факультета государственного управления (ФГУ) МГУ. Г-н Никонов обозначил 12 тезисов на тему проблем и перспектив подготовки кадров для госуправления, назвав их мартовскими.

Первый тезис звучит так: российскую систему подготовки кадров государственного управления нужно приблизить к той, которая существует в наиболее развитых странах и доказала способность производить состоявшихся руководителей государств, госорганов

и большого бизнеса. Проще говоря, создать отечественный аналог Maxwell School (США), Kennedy School of Government Гарвардского университета, Woodrow Wilson School в Принстонском университете – но, конечно, с учетом нашей специфики. «Российского госуправления не может быть, так же как не может быть российской таблицы умножения», – заявил Вячеслав Никонов. По второму тезису, нашей системе образования надо шире переходить на общепринятые стандарты образования, приглашать ведущих зарубежных специалистов в нашу страну, практиковать зарубежные обмены, стажировки, программы двойных дипломов. Эту задачу Вячеслав Никонов считает главной задачей ФГУ. Пункт третий: госорганы должны формулировать заказ на специалистов с пояснениями, какими компетенциями должны обладать выпускники. «Эта проблема понемногу начала решаться, – заметил Вячеслав Никонов. – В моем случае – через создание наблюдательного совета при факультете из числа представителей тех госорганов, кото-

рые заинтересованы в наших выпускниках. Так мы обеспечиваем обратную связь. Но вообще, конечно, должна быть система госзаказа».

Четвертый пункт: нужна серьезная реформа госуправления. Правда, здесь г-н Никонов сузил проблему до создания конкурентной среды в государственном аппарате и преимуществ тем, кто имеет специальные дипломы по государственному управлению. «Сейчас госслужба комплектуется во многом по принципу знакомств, что укрепляет негативный отбор, и это нужно ломать, – сказал он. – Сделать это можно только сверху, вводя соответствующие квалификационные требования, конкурсные экзамены, квалификационные испытания. Такие меры откроют каналы движения вверх лучшим. Сейчас многие из лучших выпускников, не имеющих связей, застревают на низших ступенях госструктур и идут в бизнес». В-пятых, в числе преподавателей должны быть практики. Преподают же в китайских и американских школах госуправления чиновники в рангах президента и вице-премьера. «На нашем факультете уже есть ряд практиков, – пояснил Никонов, – например, бывший министр культуры Михаил Швыдкой возглавляет кафедру управления в сфере культуры, там же состоит Денис Молчанов, руководитель департамента образования правительства РФ». Из пятого пункта вытекает шестой: студенты должны проходить полноценную практику в госорганах – желательно там, где потом они будут работать. Седьмой тезис не обсуждал только ленивый: стандарты образования должны стать более гибкими. В современных программах много ненужных дисциплин, которые корнями восходят к общественно-политическим дисциплинам советского времени, но заменить их невозможно: за каждой нормой стоят конкретные люди с выстраданными курсами, чьи-то интересы. Сравнивая набор дисциплин у себя на факультете с Maxwell School, занимающей сейчас верхнюю строчку мирового рейтинга, Вячеслав Никонов назвал целый список. Ряд преподаваемых предметов ни в одном российском вузе нет вообще. И смех, и грех, но это – стратегическое планирование, оценка международных отношений, сравнительная международная политика и фактор культуры в международных отношениях. «Все это нужно в образовательные программы включить, если нет преподавателей – пригласить из лучших мировых вузов, – предложил декан. – И что касается магистерских программ, они должны быть совместимы с программами ведущих школ госуправления мира, чтобы потом студенты могли сдать экзамены в том же Maxwell School, – с США и Японией такие договоренности есть».

Затем исполнительный директор фонда «Русский мир» сказал, что главное отличие западной образовательной системы от нашей состоит в том, что у них «люди начинают по-настоящему учиться тогда, когда у нас заканчивают, – в аспирантуре. Именно на этом этапе создается серьезный отрыв западных выпускников от наших». Значит, надо провести реформы и здесь. При этом, девятый тезис, требуется более глубокая специализация подготовки управленцев, постепенная передача им управления учреждениями разного профиля. Это нужно для того, чтобы больницами руководили не хирурги, а профессиональные менеджеры, – то же касается театров, учебных заведений и всего остального. Вячеслав Никонов категорически настаивает на том, что управленец – это отдельная профессия. Десятый тезис: нужно приблизить проблематику подготовки специалистов к потребностям страны и современного мира. «Например, у нас на ФГУ кризисный менеджмент понимался раньше прежде всего как кризисное управление на предприятиях, а не как кризисное управление Северным Кавказом или ситуацией на Манежной площади», – пояснил Вячеслав Никонов. Этим же пунктом можно решить еще одну проблему – подготовку управленцев для некоммерческих организаций, чего в России практически нет. Одиннадцатый тезис Вячеслава Никонова: «Ребятам надо воспитывать». Прежде всего – прививать лидерские качества, психологию победителя и вытраивать национальную черту – способность месяцами объяснять, почему это нельзя сделать, вместо того чтобы сделать. В воспитание, по мнению нового декана, также должно входить обучение ораторскому искусству и умению писать в публицистическом стиле. В соответствии с этими идеями на ФГУ, одной из немногих российских управленческих школ, требуется ЕГЭ по русскому языку. Но главное в воспитании – прививка этических норм, ценностей чести, служения, справедливости, совести. «В МГУ есть этический кодекс, – рассказал Вячеслав Никонов, – я прочел его. Хороший кодекс, только ему не очень следуют».

И в завершение небольшой лекции бывший преподаватель истфака МГУ, а ныне декан ФГУ Вячеслав Никонов обозначил тезис о выделении государственного управления в отдельную дисциплину научного знания. «Вот этой самой рукой, – Никонов поднял свою правую руку, – в 1989 году я подписал постановление ЦК КПСС о введении политической науки в СССР. Через пару месяцев в ВАК появилась политология как направление. Так вот эта рука у меня снова чешется. Вот и все мои раздумья в течение первого месяца работы на ФГУ, для которого я избрал лозунг – «Искусство управлять великой страной». ■

КОСМИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ НА РИЖСКОЙ ЗЕМЛЕ

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ [РИГА]

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЮРИЯ ГАГАРИНА, 9 МАРТА, В ЛАТВИЙСКОЙ СТОЛИЦЕ ПРОШЛА НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЗГЛЯД ИЗ КОСМОСА». В НЕЙ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ ПРИЕХАВШИЙ К ЗЕМЛЯКАМ В РИГУ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ АНАТОЛИЙ СОЛОВЬЕВ И ЕЩЕ ОДИН УРОЖЕНЕЦ ЛАТВИИ, НАХОДЯЩИЙСЯ В МОМЕНТ ПРОВЕДЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ НА ОРБИТЕ, – КОМАНДИР КОРАБЛЯ «СОЮЗ ТМА-М» АЛЕКСАНДР КАЛЕРИ. СВЯЗЬ С КОСМОСОМ БЫЛА УСТАНОВЛЕНА С ПОМОЩЬЮ ТЕЛЕМОСТА РИГА – МКС.

ПЕРЕД НАЧАЛОМ КОНФЕРЕНЦИИ, проходившей в рижском Музее истории медицины им. П. Страдыня, участники смогли осмотреть не только экспозицию космической биологии и медицины, но и выставку марок и почтовых конвертов на космическую тему из личной коллекции Анатолия Яковлевича Соловьева. В сопровождении посла РФ в Латвии Александра Вешнякова космонавт, родившийся и выросший в Риге, вошел в зал под аплодисменты участников встречи.

Анатолий Яковлевич отметил, что как раз в эти минуты в Смоленской области, на родине первого покорителя космоса, проходят торжественные мероприятия, посвященные дню рождения Юрия Гагарина. «В этот день, 9 марта, мы по традиции всегда навещали маму Юрия, она жила в очень скромном домике, где и мне в начале 80-х посчастливилось побывать вместе с Алексеем Леоновым, – рассказал Анатолий Соловьев. – Анна Тимофеевна нас уже ждала, она всегда к этому дню жарила котлеты и варила картошку для Юриных друзей. На столе – самые простые приборы, да и в доме ее не было ни одной детали, которая бы выпадала из скромного деревенского быта. Для нас это были волнующие моменты общения с мамой человека, которым по праву гордится все человечество...».

Космонавт напомнил о неограниченном вкладе в развитие космической науки, который внесли такие легендарные личности, как С. Королев, М. Келдыш, Ф. Цандер, Б. Черток. «Сейчас в России проходят Королевские чтения, посвященные гениальному конструктору, ученому и прекрасному организатору, благодаря которому и был совершен первый в мире космический полет человека и выход его в космос. Думаю, чтения, посвященные жизни академика Мстислава Келдыша, нашего с вами земляка, чье 100-летие в этом году будет отмечаться, можно было бы провести и в Латвии. Обидно, что мы так мало сегодня о нем знаем, – посе-

товал Анатолий Соловьев. – Я уверен, эта тема настолько интересна и глубока, что могла бы дать пищу для ума подрастающим поколениям». Справедливость высказанных упреков признал выступивший в конце конференции президент Латвийского сената Академии наук Янис Страдынь. С горечью он добавил, что недавно была демонтирована мемориальная доска на доме, где родился Мстислав Келдыш. Академик призвал участников конференции обратиться в Рижскую думу с предложением в столетнюю годовщину великого ученого установить на его родном доме достойную мемориальную доску.

За происходящим в зале следила симпатичная маленькая коричневая дворняжка, неподвижно стоящая на столе. Это уникальный экспонат рижского музея – чучело собаки Чернушки. Отважная Чернушка была равноправным участником космической конференции, даже можно сказать – ее героиней, поскольку именно 9 марта 1961 года, за месяц до Юрия Гагарина, на корабле «Восток» она совершила успешный полет вокруг земной орбиты. Анатолий Соловьев отметил роль четвероногих друзей человека, ставших космическими первопроходцами (всего в космосе побывало 48 собак). Что интересно: условия невесомости лучше всего переносили простые дворняжки, а вот породистые псы перегрузок не выдерживали. Сам Анатолий Яковлевич, выполняя в космосе различные научные программы, работал с саламандрами, улитками и перепелками. Один раз у него на орбите даже вылупился птенец, что стало мировой научной сенсацией. Свой рассказ космонавт сопровождал фотографиями и видеокадрами из фильмов, снятых им во время тренировок и орбитальных полетов. Вот идет подготовка к работе в космосе, вот тренировки на центрифуге. А вот – старт космического корабля. Как выразился Соловьев, «тебя как лопатой снизу подбрасывают вверх, и все – через 10 минут ты уже на орбите!» А однажды друзья-космонавты на станции «Мир»

подшутили, встречая его: на стыковочном узле красовалась надпись, сделанная фломастером, «Соловьев, заходи!». Внизу еще птичку пририсовали – наверное, перепелку? Эта картинка провисела здесь все время, пока станция «Мир» не сошла с орбиты.

Анатолию Соловьеву уже со второго полета приходилось работать в открытом космосе. В последнем полете выходов у него было целых семь! Всего же на счету космонавта-рекордсмена 16 выходов в открытый космос. Как рассказал Анатолий Соловьев, находясь на расстоянии 300–400 километров от поверхности Земли, он при помощи специальной оптической техники иногда высматривал свой родной город и даже видел очертания Домского собора и башни Петра...

После выступления заслуженного космонавта был сделан перерыв, поскольку он вместе с небольшой делегацией поехал на латвийское телевидение для участия в сеансе космической связи с МКС – с командиром экипажа первого модернизированного пилотируемого корабля «Союз ТМА-М» Александром Калери. Остальные участники конференции смотрели прямую трансляцию космического телемоста на большом экране. В телестудию были приглашены старший брат Александра, Евгений Калери, его дочь Анна и бывший классный руководитель Зоя Петровна Чурнасова из Юрмальской русской школы, где когда-то учился нынешний звездный Герой России. Это звание было присвоено ему в 1992 году за успешное осуществление длительного космического полета на орбитальной станции «Мир» и проявленные при этом мужество и героизм с вручением знака особого отличия – медали «Золотая Звезда».

Пока готовилась прямая трансляция, учительница рассказала, как уже в школьные годы Саша готовил себя к будущей профессии, о которой он всегда мечтал, – даже в холодное время года он спал на балконе, а рано утром совершал пробежки по 2–3 километра.

Память у него была блестящая, учился будущий космонавт прекрасно и школу окончил с золотой медалью.

В этот момент на экране появился и сам герой передачи. Александр Юрьевич поприветствовал своих родных, земляков и участников Гагаринской научной конференции. На вопрос, какая сейчас обстановка на корабле, командир экипажа рассказал, что все идет в штатном режиме, на борту обычный рабочий день. Экипаж, в состав которого входят российский космонавт Олег Скрипочка и американский астронавт Скотт Келли, в данный момент занят подготовкой к спуску на Землю. Рижан волновало, как выглядит наша планета с высоты орбитального полета, что ей угрожает в экологическом плане, не затронул ли недавний метеоритный дождь космический корабль и как космонавты спасаются от космического мусора. Александр Калери успокоил землян, заверив их, что в целом наша планета еще вполне жизнеспособна, хотя более бережное отношение к ней и аккуратное использование ее богатств и ресурсов, конечно, не помешают. Система защиты помогает им уберечься от разных опасностей в виде метеоритов и мусора, поэтому оснований для беспокойства нет. На вопрос своей племянницы, существуют ли инопланетяне, Александр рассказал, что как раз недавно космонавты смотрели комедию «Карнавальная ночь», поэтому он ответил цитатой из фильма: «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – это науке неизвестно. Наука пока не в курсе дела!»

Общение с космосом в прямом эфире ЛТВ продолжалось около часа, а вечером по 1-му латвийскому каналу был показан повтор программы. И тысячи латвийцев смотрели звездную передачу с участием своего земляка-космонавта, радуясь, что и их страна сумела дать миру таких отважных героев-покорителей Вселенной, как Анатолий Соловьев и Александр Калери. С праздником вас, земляки! 🇷🇺

БАЛТИЙСКИЕ СОСЕДИ

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ [РИГА]

ЭТИ ДВА ГОРОДА, ПО-СОСЕДСКИ РАСПОЛОЖИВШИЕСЯ НА БЕРЕГАХ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ, ИЗНАЧАЛЬНО БЫЛИ ОБРЕЧЕНЫ НА ДРУЖБУ, КОТОРОЙ НЕ МОГЛИ ПОМЕШАТЬ НИ ВОЙНЫ, НИ СМЕНЫ ВЛАСТЕЙ И РЕЖИМОВ, НИ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ. С НАЧАЛА XVIII ВЕКА РИГУ И ПЕТЕРБУРГ СВЯЗЫВАЮТ КУЛЬТУРНЫЕ, ТОРГОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. ТЕМЕ НЕРАЗРЫВНЫХ УЗ ЛАТВИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ И СЛАВНОГО ГОРОДА НА НЕВЕ БЫЛА ПОСВЯЩЕНА ВЫСТАВКА «РИГА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: ЛЮДИ, ВРЕМЕНА, ТРАДИЦИИ», ПРОШЕДШАЯ В ФЕВРАЛЕ–МАРТЕ СНАЧАЛА В РИГЕ, А ЗАТЕМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.

У ВЫ, В ЛАТВИИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ не принято говорить о том, что весь цвет латвийской культуры – знаменитые художники, музыканты, писатели, общественные деятели, ученые, инженеры, медики, в честь которых названы улицы, театры, академии и школы, – когда-то учились своему делу в Санкт-Петербурге, получая поддержку со стороны Российской империи. Именно Санкт-Петербург в середине XIX века стал второй родиной для будущих отцов идеи независимости Латвии – так называемых младолатышей, боровшихся с засильем немецких баронов.

Этой теме на презентации выставки, проходившей в Музее истории Риги и мореходства, был посвящен отдельный стенд, из которого посетители узнали, что начало движению за независимость Латвии было положено писателем и фольклористом Кришьянис Валдемарсом. Когда-то при поддержке генерал-губернатора Прибалтийского края Александра Суворова – внука знаменитого полководца – он стал студентом Тартуского университета, где основал кружок развития латышского языка и культуры. Так и возникло движение младолатышей. Позже Валдемарс по протекции Суворова получил должность чиновника в Министерстве финансов, благодаря чему ему удалось спасти латышские земли от разграбления, он способствовал открытию 11 мореходных училищ в Латвии и Литве. Вместе со своими единомышленниками, в числе которых был будущий соби-

ратель латышских дайн Кришьянис Баронс, Валдемарс основал в Петербурге газету на латышском языке, которая выходила с 1862 по 1865 год и внесла огромный вклад в формирование общественного мнения зарождающейся латышской интеллигенции. Газета резко критиковала немецких дворян и выступала за создание новой латышской словесности. В 1915 году, несмотря на финансовые трудности военных лет, Императорская Академия наук за казенный счет издала 6-томник латышских дайн под редакторством Кришьяниса Баронса, вошедший в золотой фонд латышского народного творчества. Присутствующий на открытии выставки праправнук знаменитого собирателя дайн, Янис Баронс, поблагодарил организатора мероприятия – общественный фонд N.E.V.A. – за дань памяти и уважения его предку, которым он гордится, так же как и вся Латвия.

Всего же стендов, подробно рассказывающих о взаимном проникновении культур Риги и Санкт-Петербурга, было 18. Один из авторов материалов, историк Олег Пухляк, обратил внимание на поразительное сходство обоих городов. Но это понятно: ведь многие видные латышские архитекторы получили образование в Петербурге, что и отразилось на их творчестве.

В XIX веке Петербургская Академия художеств выпустила в свет целую плеяду блистательных латышских художников, в числе которых были Карл Гунн и Юлий Феддер. Самый популярный пейзажист Латвии Вильгельм Пурвитис, выходец из бедной крестьянской семьи, учился в Императорской Академии художеств и был любимым учеником великого русского мастера Архипа Куинджи, который за свой счет вывозил в Европу его и Яниса Розенталя – будущего основоположника латвийской школы портрета. Вернувшись в Латвию, Пурвитис основал в Риге Академию художеств, став ее первым ректором. «До сих пор мы бережно сохраняем связи между нашими *alma mater*, – сказал на открытии выставки ректор Латвийской академии художеств Алексей Наумов. – По договору с Петербургской академией художеств наши студенты по обмену проходят курс обучения в Санкт-Петербурге, мы обмениваемся преподавателями, идет обмен выставками. Одна из ближайших выставок, посвященных 90-летию нашей академии, тоже пройдет в городе на Неве».

Как отметил автор проекта, председатель фонда N.E.V.A. Андрей Яковлев, Рига тоже не раз принимала многих представителей русской интеллигенции, которые здесь творили, отдыхали, лечились. В юрмальских домах творчества – художников в Дзинтари и писателей в Дубулты – отдыхали знаменитые артисты, живописцы, писатели. Отдельный

стенд на выставке был посвящен творчеству одного из самых издаваемых и переведенных на многие языки мира латвийских писателей – Валентина Пикуля, родившегося в Ленинграде. В 1962 году писатель переехал в Ригу, где и было создано подавляющее большинство его исторических романов. Валентин Саввич скончался в июле 1990 года от сердечного приступа. По словам вдовы писателя, Антонины Ильиничны, сейчас выходит 11-е по счету собрание сочинений его книг. «Если первое собрание сочинений Валентина Пикуля выходило в 21 томе, то нынешнее – в 42 томах. Именно Рига оказалась для Валентина Саввича благодатной почвой, на которой он смог создать такое огромное количество художественных произведений, ведь он приехал сюда автором лишь двух романов. Бывший моряк, всю жизнь посвятивший изучению истории России, Валентин Пикуль мудро сумел связать прошлое и настоящее таким крепким морским узлом, который пока еще никому не удалось развязать». Узнав, что журнал «Русский мир.ru» издается в Москве, автор исторических материалов и исследований, представленных на выставке, рижский историк Эрик Жагарс тут же предложил организовать такую же выставку, посвященную двум столицам – Риге и Москве: «Поверьте, интересных исторических материалов о связях наших городов имеется не меньше, чем с Петербургом. Это же громадная тема! Но, возвращаясь к Питеру, скажу, что этот город всегда притягивал латышей, ведь у себя на родине в немецкие времена они не могли развиваться, здесь их нещадно притесняли. В Петербурге латыши могли получить прекрасное образование, именно поэтому Северная Пальмира долгое время была для них культурной столицей. Положа

руку на сердце, можно сказать, что вся латышская интеллигенция вышла из питерского гнезда. Готовя материалы для выставки, мы больше концентрировались на культурной составляющей, избегая излишней политизации, в том числе и оценки событий 1917–1920 годов, поскольку деятельность наших соотечественников сегодня рассматривается неоднозначно. Да практически каждый десятый красногвардеец был выходцем из Латвии. Почему? В Первую мировую войну в Питер из Риги были эвакуированы многие промышленные предприятия и заводы вместе с рабочими, которые тут осели и стали активными революционерами. В Петербурге была очень большая латышская диаспора, ну представьте – имелись три книжных латышских магазина, издавалось несколько газет и журналов на латышском языке, действовало около десяти различных культурных обществ. Между прочим, латышский след есть и в истории с убийством Кирова. Ведь жена его убийцы, Николаева, с которой у Кирова был роман, латышка, ее звали Милда Друле. На этом основании некоторые историки выдвинули версию убийства из ревности. Как бы там ни было, но ведь консула Латвии в 1934 году сразу же выслали из Петербурга: власти сочли его замешанным в преступлении, поскольку именно он познакомил Милду с Кировым... Во время Второй мировой войны латыши отметились по обе стороны фронта, как вы знаете, были стрелковые латышские полки, защищавшие Ораниенбаум и Ленинград, но были и полицейские батальоны, штурмовавшие город на Неве. Непростая у нас история, но ее надо знать и стараться не искажать. Поэтому я надеюсь, и жителям Санкт-Петербурга тоже будет интересно познакомиться с нашей выставкой». ■

ДРУЗЬЯ ЮРИЯ ГАГАРИНА

**ОКСАНА
ПРИЛЕПИНА**
ФОТО **АНТОНА БЕРКАСОВА**

С 9 ПО 12 МАРТА НА РОДИНЕ Юрия Гагарина прошли XXXVIII Международные общественно-научные чтения, посвященные памяти первого космонавта планеты. Сюда съехались практически все живые легенды космоса, среди них – дважды Герои Советского Союза Алексей Леонов, Виктор Горбатко, Борис Волынов. Алексей Леонов – автор идеи Гагаринских чтений, бессменный председатель оргкомитета и ведущий торжественного вечера, куда за полгода вперед не достать билет. На 77-летие со дня рождения Юрия Гагарина приехали и те, кто готовил первый полет и был засекречен (оттого

ЮРИЙ ГАГАРИН ЛЮБИЛ ПЕСНЮ «ЛАНДЫШИ» И КНИГИ ХЕМИНГУЭЯ, В ШУТКУ УГОНЯЛ АВТОМОБИЛИ, ХОДИЛ В ГОСТИ ЧЕРЕЗ БАЛКОН ШЕСТОГО ЭТАЖА, ОБИЖАЛСЯ НА ДЕВУШЕК, КОТОРЫМ НЕ НРАВИЛСЯ, И НАЗЫВАЛ СВОЮ ЖИЗНЬ ОДНИМ СЧАСТЛИВЫМ МГНОВЕНИЕМ.

мы не знаем их имен), и Герои России: начальник Центра подготовки космонавтов Сергей Крикалёв, Анатолий Березовой, Юрий Лончаков; начальник управления пилотируемых программ Федерального космического агентства Алексей Краснов, молодые космонавты, ученые, представители органов власти, общественных организаций, деятели искусства, музейщики, зарубежные

гости, студенты и школьники. Организаторы – Объединенный мемориальный музей Ю.А. Гагарина, администрация Гагаринского района, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

Достойные земляка

На родине первого космонавта 9 марта развесили яркие растяжки «Юрий Гагарин – смолянин». С погодой вез-

ло, и к 11 часам сотни жителей и гостей собрались на митинг неподалеку от киноконцертного зала «Комсомолец». Город блестел чистотой, пестрил флагами, удивлял парой хороших дорог в центре и количеством припаркованных машин из разных регионов, а улыбчивые сотрудники ДПС казались внешне похожими на космонавта номер один. «Нас было двадцать, теперь осталось четверо. – Голос Алексея Леонова, знакомый и уютный, понесся через площадь. – Космонавт №5 – Валерий Быковский, №11 – перед вами, №14 – Борис Волынов, №21 – Виктор Горбатко. Вот и все. Трое здесь. И пока мы сюда ходим, пока приходите вы,

мы будем помнить. Если мы не будем праздновать 50-летие со дня первого полета, то кто же отметит 100 лет?» Алексей Леонов больше, чем кто-либо, потрудился для сохранения памяти о Юрии Гагарине. Для этого он считал своим долгом как можно больше сделать для родного города своего друга. Четыре года назад Леонов добился, чтобы в смоленском городке открыли самый крупный в Восточном полушарии деревообрабатывающий комбинат на 1300 рабочих мест и чтобы построили 24 коттеджа на 200–300 квадратных метров каждый для работников. Через два года комбинат будет пущен в эксплуатацию. «И в этот

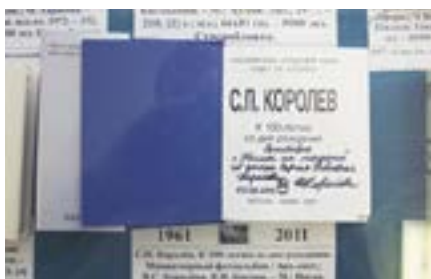
день я хочу вам пожелать быть достойными своего отечества и своего земляка», – сказал в микрофон командир отряда космонавтов Юрий Лончаков. Космонавты приехали в Гагарин задолго до митинга. Пока не собрались народ и пресса, они сходили на могилу матери, Анны Тимофеевны Гагариной. А после митинга разъехались по школам и средним учебным заведениям разговаривать с детьми. Алексей Леонов отправился в школу его же имени – открывать скромный музей, Леонову же посвященный.

Полетим на Марс

В городе в этот день прошло несколько мероприятий. Заложили Центр детского творчества стоимостью 250 миллионов рублей, провели церемонию спецгашения конвертов с автографами первых космонавтов (они будут переданы «Почтой России» в музеи Смоленской области и станут предметами коллекционирования), открыли три новые выставки в Объединенном музее Ю.А. Гагарина. Одна из экспозиций называлась «Космос на ладони» и состояла из миниатюрных книг по 14 разделам, связанным с космосом. «Самый интересный раздел называется «Космические путешественницы» – это 57 книг, побывавших в космосе на борту кораблей, – говорит коллекционер Олег Лобачев, автор выставки, владелец 10 тысяч маленьких книжечек. – Самый ценный экземпляр – «Чудо из чудес», высказывания Пушкина и Гоголя на пяти языках. В нее вставлена вторая микрокнижка, с тем же содержанием, но размером 6 на 9 миллиметров. Эта «мальшшка» летала в космос с транспортным кораблем. А вот тут, смотрите, «Фотоальбом» с дарственной надписью дочери С.П. Королева». Космонавты из действующего отряда отправились в село Клушино, где родился Юрий Гагарин. Там стоит деревянный дом с сохранившейся мебелью, сделанной руками отца Юрия, колодец, осталась землянка, где семья ютилась в годы фашистской оккупации. Многие тут были не раз, но приезжают снова, привозят молодежь. Дело в том, что у космонавтов есть примета: кто из молодых летчиков-испытателей выпьет воды из клушинского колодца, тот обязательно поработает в космосе. «Сбывается, – подтверждает Юрий Лонча-

Выставка
миниатюрных книг
«Космос на ладони»

Землянка Гагариных
в селе Клушино
Гагаринского
района, где
семья пережила
фашистскую
оккупацию

ков. – Традиция существует уже 38 лет». С надеждой посмотрел в полную кружку самый молодой кандидат в космонавты-испытатели, 25-летний Святослав Морозов. В ноябре прошлого года в отряд набрали 7 новеньких – всего в отряде сейчас 40 человек, некоторые уже побывали в космосе. Новичкам предстоит полтора года общекосмической подготовки, госэкзамен – и терпеливое ожидание очереди, испытание космической техники. Саратовец Святослав Морозов – из семьи ядерного физика и врача, окончил МАИ, работал инженером в РКК «Энергия», прошел конкурс в отряд космонавтов. Раньше существовало несколько отрядов космонавтов от разных ведомств: Минобороны (военные летчики), РКК «Энергия» (инженеры) и

Института медико-биологических проблем (медики, биологи). С 2011 года образован единый отряд на базе Центра подготовки космонавтов, подчиняющегося Роскосмосу. «Я фанат космоса, иначе невозможно выдерживать тяготы подготовки, – говорит Святослав, – это и мечта, и вершина в карьере инженера. Только побывавший в космосе сможет создавать по-настоящему хорошую технику. Люди стремятся за пределы Земли, чтобы добиться поставленной цели, а не ради карьеры и даже не из-за красивой картинки из космоса. Хотя те, кто летал, говорят, что наша планета непередаваемо красивее самой совершенной компьютерной графики. Шансы попасть в экипаж от года к году увеличиваются». В тот же набор, что и Святослав, попал Андрей

Бабкин, выпускник МАИ 1995 года. Он рассказал, что сейчас экипажи формируются из тех, кто десять лет дожидается своей очереди, – многие ушли в кризис 90-х. Но, к счастью, ситуация улучшилась. «В этом году мы ожидаем появления шестиместного корабля, финансирование хорошее, новый космодром строится, в марте 2012-го – следующий полет, так что наши планы самые оптимистичные». Космонавт-испытатель полковник Константин Вальков хвалит молодежь и считает, что со времен Гагарина мало изменились требования к кандидату в космонавты и почти на том же уровне остался смертельный риск. «Да, техника стала надежнее, – соглашается он, – но испытание космической техники – по-прежнему очень большой риск. Помните, как все начиналось? Первые пилоты воспринимались как циркачи, проделывающие трюки на глазах испуганной и изумленной публики. Спустя много лет появилась профессия летчика. Космонавт только сейчас понемногу становится про-

Будущие космонавты пьют из колодца около дома, где родился Юрий Гагарин, – значит, полетят в космос

фессией, а риск-то от этого не уменьшается». Но естественный страх не останавливает таких, как Вальков. Он радуется, что Россия – полноправный участник международных программ, что успешно проходит эксперимент «Марс-500» по изучению психологической совместимости людей в условиях космического полета. «Думаю, в течение десяти лет человечество полетит на Марс, – считает Константин. – По современным меркам это очень большой срок». О позитивных изменениях говорил и Сергей Крикалёв, одновременно советский и российский космонавт, который в общей сложности провел в космосе более 803 суток. «Мы продвинулись далеко, – говорил он. – Стало больше и космических станций, и экспериментов. Космонавтика вышла на новый

уровень: к МКС уже летают европейские корабли, людей приходит больше. Осталось только поднять престиж профессии». В подготовку нынешних космонавтов Юрий Гагарин внес свой вклад. «За короткое время он заложил те принципы производственно-военных отношений и педагогики подготовки, которые и сегодня остаются современными», – сказал Алексей Леонов.

«Ландыш» значит «плохи дела»

Гости собрались в ДК «Комсомолец» на торжественный вечер. Здесь не было случайных людей – почти все так или иначе причастны к космосу и Гагарину. Здесь в полной мере проявилась магия преемственности поколений, идеализма умных лю-

дей, радости встреч и глубокого уважения к Юрию Гагарину. Великие старики говорили о прошлом, молодежь жадно впитывала, артисты старались. Выражения «удивительный человек» и «лучистая улыбка» не сходили с уст. Алексей Леонов рассказал о своей первой встрече с Гагариным, которая состоялась ровно через два года после запуска искусственного спутника Земли. «Я прибыл в Сокольники в авиационный госпиталь, чтобы пройти испытание на соискание должности летчика-испытателя, – рассказал он. – Меня переодели в пижаму, завели в палату, где я увидел молодого человека, раздетого по пояс – было жарко. Он читал редкую по тем временам книгу «Старик и море» Хемингуэя. Лицо Юры в тот день врезалось в мою память на всю жизнь. Мы подружились почти сразу, уже через полчаса он рассказал мне о себе все: что он вернулся с Севера, летает на МиГ-15Р, что у него семья, дочка Леночка, которой всего лишь 9 месяцев, и ему очень нужно быстро пройти комиссию, чтобы захватить полярную ночь и подтвердить 1-й летный класс. Это «быстро» затянулось на месяц, но нам повезло, и мы оба попали в первую двадцатку космонавтов». Те, кому повезло, играли в рулетку с судьбой. Статистика того времени говорит о гибели 26 процентов летчиков-испытателей. «В такой ситуации каждый мужчина долго думает и принимает единственно верное решение – он соглашается, – сказал Виктор Планов, главный специалист научно-технического центра по управлению полетами РКК «Энергия». – Юрий Алексеевич сделал то же самое, хоть и понимал, какая гигантская ответственность

ГАГАРИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

давит на его плечи. Эти 108 минут он должен был использовать так, чтобы это оказалось полезно последующим. У Сергея Королева ведь был принцип: каждый следующий полет – колоссальный шаг вперед».

Церемония
спецгашения
конвертов

Но говорить о страхах или трудностях принято не было, особенно при начальстве. Алексей Леонов рассказал, что перед полетом Юрия Гагарина они условились о кодовом слове – «Ландыш». Если Гагарин по общей связи говорит «Ландыш» – это означает: «Плохи мои дела, ребята». Возможно, позывной родился из музыкальных пристрастий Гагарина. Его любимой песней была «Ландыши», а любимой застольной – «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат»... Название цветка Юрий, к счастью, не произнес. «Центра управления полетами в привычном смысле слова тогда не было, – вспоминает космонавт №11, – вместо этого все космонавты разбегались по разным городам, где стояли радиостанции всех волн. Я был крайним – на Камчатке, с позывным «Заря-3». Помню, на связь без разрешения выходить было нельзя. А как обходными путями связь получить, чтобы узнать, как у Юры дела? Связь на наземке, а там барышня сидит и говорит: «Связь засекречена». Я ей кричу: «Так это ж я и есть! Это для меня засекречено!» Она в ответ: «Чем докажете?» А чем, действительно? Никто не знал наших имен и фамилий. Когда же Юра успешно приземлился – мы не находили себе места, об этих чувствах очень точно написал смоленский поэт: «От радости сердце сжималось, восторгов бурлила река, сто восемь – какая же малость, но в них спрессовались века».

Народный артист СССР Иосиф Кобзон вкратце рассказал историю дружбы с космонавтами: «Я познакомился с Алексеем Леоновым и Борисом Волиновым, когда они еще не были засекречены и не летали в космос. Потом они стали героями страны, но это никак не повлияло на нашу дружбу». Песни Кобзона в «Комсомольце» звучали по-особенному – казалось, даже «Надежда» написана только про Га-

гарина, зал плакал, подпевал, на большом экране мелькала архивная фотохроника. «А вы заметили фотографию, где стоят Сергей Павлович Королев, его жена и ребята в спортивных костюмах? – спросил Борис Волинов. – Это был наш первый отпуск в Сочи, где мы изображали спортивную команду, нас переодели, чтобы не привлекать внимания. Мы даже не писали заявлений о приеме, нам только давали листок о неразглашении с тремя нулями секретности, а мы даже и не предполагали, для чего нас отбирают. Для испытательной работы, думали мы, – но чтобы в космос?! Даже мысли об этом не возникало, мы даже между собой ни о чем не могли поделиться. Я проходил комиссию одновременно с Володией Комаровым – разговаривая, мы все время оглядывались». Тему подхватил и Виктор Горбатко: «Мы с Юрой были соседями и на работе – кабинеты через стену, и квартиры на шестом этаже были соседними, правда, в разных подъездах. Когда нам было лень спускаться по лестнице, мы ходили в гости через балкон. У него было отличное чувство юмора. Помню, летим в ЦУП, который тогда еще был в Евпатории, а не в Королеве. Пролетаем над Кубанью, он и говорит: «Сейчас дам тебе парашют – прыгай на родину. Все знают, что, как только ты въезжаешь в Краснодар, у тебя аж слезы на глаза наворачиваются: белогвардейчиной запахло». А если без шуток, Юра

был не только другом, но одним из лучших 108 людей, которые в космосе побывали».

Послушать космонавтов, так в Звездном городке люди и не жили без розыгрышей. Однажды Юрий Гагарин, после обмывания новенького «москвича» космонавта Георгия Шонина, с друзьями «угонял» машину, то есть укатывал вручную в другой гараж. Еще веселее стало, когда после возвращения «москвича» в салоне нечаянно оказалась перчатка «соучастника» угона – Бориса Волинова.

Взяли да запустили

Те, кто готовил первый полет, оставались в тени космонавтов даже на Гагаринских чтениях. «Познакомьтесь, это Дмитрий Лавров, – представляет во время перерыва своего знакомого Леонид Китаев-Смык, врач первого отряда космонавтов. – Изобретатель Лавров участвовал в создании первого космического корабля, вносил яркие технические новации. Он работал в лаборатории Сергея Даревского, которая сделала всю начинку «Востока-ЗА». Но Дмитрий впервые участвует в Гагаринских чтениях – до сих пор его имя не появлялось нигде, его как будто и не было».

Воспоминания Дмитрия Лаврова о Гагарине совсем не классические: «Когда первая двадцатка к нам приехала, мы на них и внимания особого не обратили – у нас таких лейтенантов... В волейбол вме-

Поздравление
из космоса
от экипажа МКС-26
участникам
Гагаринских
чтений

Старые друзья
Алексей Леонов
и Иосиф Кобзон

сте играли – обычные мальчишки. Юра внешне ничем не выделялся, девчонки на него не обращали внимания, он обижался. Мне было 24 года. Мы много работали, не высыпались, и, честно сказать, для нас 12 апреля 1961 года ничего не произошло. 11 апреля зашли к нам Титов и Гагарин, мы «поигрались» на проверочной аппаратуре, тренажере, который тогда еще работал не от программ, а на ручном управлении. На следующий день я поднялся на лифте вверх, выставил показания приборов и спустился вниз, по технике безопасности на случай взрыва ракеты при старте. Вслед за мной поднялся Гагарин. Вот и все. Когда мы узнали в ЦУПе, что Юра успешно приземлился, то вздохнули свободно: «Ну, слава богу. Человек жив, по шапке не получим, а может, даже

премию дадут». И действительно, спиртика нам выкатили. Я серьезно говорю, на нас никакого особого впечатления факт полета не произвел. Взяли да запустили – работа такая. Наши головы были больше заняты новыми системами парашютирования. Даже 14 апреля, когда мы летели на митинг в Москве, при приземлении во Внуково я просто обалдел, увидев рядом фотографии Хрущева и Гагарина. Хрущев понятно, а Юра – с какой стати?! Мы не представляли, что сделали что-то такое, что может быть предано какой-то огласке или вызвать резонанс. Я тренировал будущих космонавтов, они летали, садились. Главное чувство, которое мы испытывали во время первого полета, – страх за человека, который летит в нашем шарике. Кстати, это я придумал Гагарину первый позыв-

ной: «Шар-1», мой был – «Земля». Мы не думали громкими фразами. Помню, в 1967 году на конференции в Югославии, где 4 октября было объявлено Международным днем космонавтики, все брали автограф у Поповича. Подошел и я. Он опешил: «Дед, ты обалдел, что ли!»

Как вспоминает Олег Деревянко, который в 1961 году тоже был молодым инженером, и его не потрясли события 12 апреля. Он разрабатывал систему вентиляции первого космического корабля. «Мы почувствовали, что сделали что-то большое, только на митинге 14 апреля. Вообще, честно сказать, тот коллектив, в котором я работал, больше отдавал предпочтение Титову, нежели Гагарину, – рассказал Деревянко. – Но, видимо, те, кто принимал окончательное решение в пользу Юрия, глубже знали людей и жизнь».

После окончания торжественной части Гагаринских чтений началась научная работа: сотни докладов за три дня по пяти секциям: «История пилотируемой космонавтики и ракетно-космической техники», «Профессия – космонавт», «Космонавтика и общество», «Музеи космонавтики: опыт, проблемы, перспективы», «Космонавтика и молодежь». Уже почти сорок лет людям есть что сказать и что исследовать в жизни первого космонавта. И это притом, что он прожил всего 34 года. Перед полетом в космос летчик-космонавт сказал: «Вся моя жизнь кажется одним прекрасным мгновением». ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПЯТЬ ДНЕЙ С ГАГАРИНЫМ

**ВИТАЛИЙ
МЕНЬШИКОВ***

НА МОЕМ ПИСЬМЕННОМ СТОЛЕ ПОЧТИ ПОЛВЕКА НЕСЕТ БЕССМЕННУЮ ВАХТУ МАЛЕНЬКИЙ БРОНЗОВЫЙ РЫЦАРЬ – ТОЧНАЯ КОПИЯ ТОГО, ЧТО КРАСУЕТСЯ НА ГЕРБЕ ВЕНЫ, УКРАШАЮЩЕМ 100-МЕТРОВЫЙ ШПИЛЬ ГОРОДСКОЙ РАТУШИ...

«**П** ОДНЯТОЕ ЗАБРАЛО означает, что жители Вены готовы приветствовать чужеземного гостя, если он пришел с миром, открытой душой и добрыми намерениями», – объяснял бургомистр города г-н Йонас, вручая каждому из гостей сувенир. Я сразу обратил внимание на удивительное сходство рыцаря с фотопортретом нашего первого космонавта, на котором Гагарин запечатлен в гермошлеме с поднятым защитным стеклом. Сам же Юрий весело улыбался, разглядывая миниатюрного стража покоя и благополучия старого европейского города...

«Поехали!»

Утром 10 мая 1962 года я торопился в венский аэропорт «Швехат». Волновался и все никак не мог успокоиться: редакция «Правды» поручила мне, своему собственному корреспонденту в Австрии, сопровождать Юрия Гагарина во время его пятидневной поездки по стране. ...Белоснежный Ил-18 приземлился около полудня. Высокий трап состыковался с бортом самолета, распахнулся люк, и вот уже по ступенькам спускается Юрий Гагарин, за ним – его жена Валентина. К тра-

пу хлынула толпа, со всех сторон несло: «Вилькоммен ин Вин! Сервус, Гагарин!» («Добро пожаловать в Вену! Здравствуй, Гагарин!») Впереди всех с огромным букетом цветов президент Австро-Советского общества дружбы профессор Гуго Глазер. По его приглашению чета Гагариных и прибыла в Австрию. Взволнованно жму руку первому космонавту, все заготовленные заранее слова приветствия почему-то вылетели из головы. А вокруг – море людей. Толпа, светясь улыбками, плотным кольцом

первый в космосе

ВСТРЕЧА С ГАГАРИНЫМ

обступила Гагарина. Никто не скрывает любопытства, все стремятся хотя бы дотронуться до первого космонавта. Но это не так просто – вокруг Гагарина сразу несколько полицейских: в начале 60-х на территории Австрии активизировалось неонацистское подполье, участились вылазки ультраправых, пошел отсчет террористических актов профашистских боевиков...

Наконец кортеж лимузинов, возглавляемый «фольксвагеном» дорожной полиции с мигалками и мегафоном, двинулся из аэропорта в сторону Вены. Юрий и Валентина ехали в открытой машине. Гагарин то и дело поднимал руки, отвечая на приветствия венцев. Стоя на обочине, они махали шляпами, улыбались, громко кричали: «Сервус, Гагарин!», кое-кто бежал следом и бросал в машину цветы.

Первый день – официальные визиты. Юрий Гагарин встретился с президентом Австрии Адольфом Шерфом, федеральным канцлером Альфонсом Горбахом, вице-канцлером Бруно Питтерманом, бургомистром Вены Францем Йонасом. Знаменитая открытая улыбка космонавта, его природная скромность, искренняя готовность к общению с людьми независимо от их

социального статуса удивительным образом наполнили добросердечностью и дружелюбностью суховатую ауру контактов «на высшем уровне». ...Ночью мы возвращались в Вену после встречи с жителями альпийской «глубинки». Решили чуток передохнуть в придорожном гастхаузе. В таверне народу полным-полно, все столы заняты. Пустовал только один, с важной табличкой «Резервирт».

Едва мы переступили порог, как хозяин вышел из-за стойки. С поклоном пригласил русских гостей к «почетному» столу. Владелец мини-гостиницы сразу узнал первого космонавта! По всем каналам европейского телевидения транслировалось его пребывание в Австрии. Узнали Юрия и сидевшие в зале австрийцы. Со всех сторон понеслось: «Сервус, Гагарин!» Какой-то молодой лесоруб бросился к радиоле, нажал кнопку проигрывателя пластинок, оглянувшись с улыбкой на Гагарина и – крутанул регулятор громкости на полную мощность!

Под сводами таверны загудело музыкальное «эхо» старта космического корабля «Восток». Прорываясь сквозь какофонию шумов, имитировавших запуск ракетных двигателей, зазвучал отсчет: «...фюнф, фир, драй, цвай, айнс, нуль!» А затем по-русски,

под задорную мелодию, в таверне прозвучало знаменитое гагаринское «ПОЕХАЛИ!». Все, кто был в гастхаузе, дружно стали хлопать и притоптывать, подпевая популярному тогда в Австрии шлягеру «Путь к звездам». Песню проигрывали несколько раз к удовольствию гостей и самого хозяина.

«Хорошо поприветствовал нас трудяга, – засмеялся Юрий Гагарин. – Стало быть, в нашем лице и все наше родное Отечество!»

Циклоны холодной войны

Гагарин прилетел в Австрию, когда не только над Альпами, но и над всеми континентами бушевали циклоны холодной войны. От информационных перегрузок искрились телетайпы мировых агентств. К резким перепадам давления на умы, психику и воображение людей, переживших Вторую мировую, и тех, кто родился после 1945-го, особенно чувствительны оказались австрийцы. «Аритмия» в тексте и подтексте вопросов, адресованных Гагарину с первых же шагов пребывания космонавта в Вене, дала о себе знать на пресс-конференции в клубе австрийских журналистов «Конкордия». На встречу с Гагариным собралось около 300 австрийских и иностранных представителей СМИ.

Сегодня полезно вспомнить: успешный полет космического корабля «Восток», с первым в мире космонавтом на борту, вызвал шок у откровенных врагов мирного сосуществования двух супердержав, главных соперников в «космической гонке» – США и СССР. Наш пионер прорыва человечества во Вселенную всего на несколько ме-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

сяцев опередил старт американского астронавта с мыса Канаверал... Понятно, что без «трудных» вопросов не обошлось, однако словесной дуэли не получилось. Гагарин достойно парировал, мягко говоря, нелояльные выпады в адрес нашей страны и нашей космонавтики. А легендарная гагаринская улыбка просто обезоруживала самых непримиримых «дуэлянтов». На этом, правда, дело не закончилось. Одна венская газета поместила заметку, в которой пыталась настроить читателей против советского космонавта. В ней, в частности, отмечалось: как же это так – офицер Советской армии разъезжает по

стране, да еще в военной форме? Далее сообщалось, что группа студентов Венского университета якобы выступила против приглашения Гагарина к ним на лекцию о космосе, а ректор будто бы пренебрег негативным мнением студенчества. Пресс-атташе советского посольства предупредил Гагарина о возможности провокации. Но Гагарин встретился со студенческой аудиторией. Было приятно наблюдать за тем, как студенты приняли Гагарина. Ему задавали много вопросов о пребывании в космосе, самочувствии при перегрузках и в состоянии невесомости. В общем, обошлось без провокаций.

Предостережение

...В первый же день визита в Австрию Гагарин возложил венок к величественному памятнику советским воинам-освободителям на Шварценбергплац.

Мы стояли сзади Гагарина, отступив на шаг. Юрий расправил на венке муаровую ленту. Отдал честь соотечественникам, павшим в жестоких уличных боях. Задумался. На лице погасла знаменитая улыбка...

Мог ли Гагарин, да и мы все, представить себе, что в ночь на 13 апреля 1964 года – в очередную годовщину освобождения Вены Красной армией – неонацисты заложат на постаменте памятника адскую машину? Взрыв, к счастью, предотвратили дежуривший у памятника полицейский и венские саперы... К 1962 году, по данным МВД Австрии, в стране были арестованы и осуждены 150 ультраправых боевиков.

Таким же молчаливым и сосредоточенным запомнился Гагарин во время посещения бывшего фашистского концлагеря Маутхаузен.

Маутхаузен был сооружен гитлеровцами вслед за аншлюсом, в 1938 году. Он расположен на вершине высокого каменистого холма придунайской долины Вахау и сохранен в первозданном виде – в знак памяти

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

и как предостережение потомкам. Каждую весну этот страшный мемориал оказывается в бело-розовом пышном кольце цветущих фруктовых садов, раскинувшихся внизу. Но стоит лишь подняться к стенам Маутхаузена, и вы будто переступаете порог Дантова ада. И здесь на воротах та же надпись: «Оставь надежду, всяк сюда входящий...» Высокие стены из серых каменных блоков увиты колючей проволокой. Казематы, орудия пыток, бараки для узников, печи крематория...

Гагарин надолго задержался у большой мемориальной плиты возле лагерной стены. Молча извлек из кармана блокнот и стал тщательно списывать перечень жертв фашистского геноцида.

С июня 1938 по май 1945 года в Маутхаузене погибли 122 767 узников. Из них 32 180 – граждане СССР, 30 203 – поляки, 12 923 – венгры... Тут гибли югославы, чехи, немцы-антифашисты, австрийцы-борцы Сопротивления, французы, испанцы, итальянцы, греки, бельгийцы, голландцы, норвежцы... Нашли смерть и 34 американца, и 17 англичан... В Маутхаузене был зверски замучен генерал Дмитрий Михайлович Карбышев. Мать космонавта через несколько лет после гибели сына в авиакатастрофе

вспоминала в мемуарах: «Сейчас, по прошествии времени, вижу, что сын уже тогда ощущал себя... человеком, не забывающим, что такое война, какие ужасы несет она людям. Припомнилось, как он рассказывал об Австрии». Поведал родным Гагарин и о том, что испытал у мемориальной плиты в Маутхаузене. «Юру так поразили тогда эти цифры горя, что он записал их, прочитал нам... Тот Юрин рассказ мне особенно запомнился. Сидели мы за столом: Юра, Алексей Иванович (отец космонавта. – Прим. авт.), я, Зоя (родная сестра Юрия Гагарина. – Прим. авт.)... Сын говорил негромко, а как до описания издевательств фашистов над людьми дошел, голос его прервался. Встал он, к окошку подошел... Я чувствовала, что ему виделись дни оккупации, издеательства фашистов над нашей семьей, над Бориской (младшим братом Гагарина. – Прим. авт.), над нашими соседями, над советскими людьми. Знала, что вспоминал он и об участии Валентина (старшего брата Гагарина. – Прим. авт.) и Зои, угнанных тогда в неволю. Постоял немного, успокоился, сел рядом с Зоей и обнял ее. Сурово, сдержанно произнес:

– Какое счастье, что наш народ выдюжил в этой борьбе, что он раз-

громил фашистов, дал молодому поколению советских людей возможность жить такой творческой жизнью, летать в космос.

Юра не любил громких слов, стеснялся произносить их, но тут сказал: – Я дал там клятву отдать все силы борьбе за мир. Все силы! Рассказать, показать, что наша страна делает все, чтобы предотвратить новую войну».

«Гагаринская оттепель»

Теплым майским вечером в Вене состоялась замечательная встреча первого космонавта с активистами Австро-Советского общества дружбы. Известный венский хирург Франц Давид уловил главное в визите Гагарина в Австрию: «С приездом нашего общего друга, русского космонавта, в сердцах многих и многих австрийцев наступила «Гагаринская оттепель». Подобно теплему фёну (южный воздушный поток с акватории Средиземного моря. – Прим. авт.), который зимой, перевалив через Альпы, быстро растапливает на улицах Вены снег и гололедицу, улыбка Гагарина, его слово правды о себе и его стране сотворили чудо! Растопили тревожные мысли, навеванные многим австрийцам циклонами холодной войны. Их порождает бродящий по Австрии, да и за ее границами, призрак новой, Третьей мировой войны. Но «Гагаринская оттепель» – прямое, открытое, искреннее обращение русского героя к аудитории моих сограждан – развеяла разрисованные североатлантическими СМИ пугающие миражи будто бы грядущего столкновения на земле и в космосе Советского Союза с Соединенными Штатами...»

Одно могу сказать точно: в крупных промышленных городах Австрии на многотысячных митингах-встречах с первым космонавтом люди улыбками и громом аплодисментов встречали слова Юрия Гагарина. Те самые, с которыми он обратился ко всем людям планеты, вернувшись из полета в космос:

– Облетев Землю в корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди! Будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать ее! ❀

* Автор – историк-международник, консультант Союза художников России.

КОСМИЧЕСКИЙ ГОРОД

**АЛЛА
БЕРЕЗОВСКАЯ**
[РИГА]

АБСОЛЮТНЫМ КОСМИЧЕСКИМ рекордсменом по сей день остается рижанин, полковник российских ВВС, космонавт №65 в России и 205-й в мире Анатолий Соловьев. На его счету пять полетов на МКС «Мир», 16 выходов в открытый космос – непревзойденный мировой рекорд, в общей сложности – 72 часа, проведенных в космическом пространстве вне корабля. Латвия по праву может гордиться и Александром Калери, летчиком-космонавтом с порядковым номером 73 (268-й – в мире). Родился Александр в Юрмале, здесь же окончил среднюю школу, после чего поступил в Московский физико-технический институт. В 1992 году совершил свой первый космический полет на ТК «Союз ТМ-14», был награжден медалью «Золотая Звезда»... И вот сейчас Александр Калери вновь работает на орбите. Кстати, космонавт Талгат Мусабаев, который с 1994 по 2001 год совершил три длительных орбитальных полета общей продолжительностью 342 суток, в 70-е годы учился в Рижском институте инженеров гражданской авиации – вот вам еще один рижский космический след. Можно упомянуть и тридцатого летчика-космонавта СССР Юрия Артюхина, почетного гражданина латвийского города Даугавпилса. (К сожалению, в 1998 году Юрий Петрович умер на 69-м году жизни.) Что связывало его с Латвией? Дело в том, что его отец в 1941 году погиб в небе неподалеку от латвийской границы, вступив в бой с фашистским истребителем. За месяц до старта «Союза-14» в Звездный городок пришло сообщение о том, что красные следопыты – школьники и комсомольцы Даугавпилсского мебельного комбината – нашли в болоте останки самолета Петра Павловича Артюхина. То, что в кабине именно он, удалось установить по номеру сохранившегося ордена

НАВСКИДКУ МОЖНО НАЗВАТЬ ДЕСЯТЬ ВЕСКИХ ПРИЧИН, ПОЧЕМУ ЛАТВИЮ МОЖНО ОТНЕСТИ К СТРАНАМ, ИМЕЮЩИМ ТЕСНЫЕ СВЯЗИ С КОСМОСОМ. ВО-ПЕРВЫХ, ИМЕННО В РИГЕ В 1887 ГОДУ РОДИЛСЯ СОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ, АВТОР ТЕОРИИ МЕЖПЛАНЕТНЫХ ПОЛЕТОВ, ПИОНЕР РАКЕТНОЙ ТЕХНИКИ ФРИДРИХ АРТУРОВИЧ ЦАНДЕР, ОРГАНИЗАТОР СОЗДАНИЯ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ РАКЕТЫ НА ЖИДКОМ ТОПЛИВЕ. ВО-ВТОРЫХ, ЗДЕСЬ ЖЕ В 1911 ГОДУ ПОЯВИЛСЯ НА СВЕТ ОДИН ИЗ ВЕДУЩИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОВЕТСКИХ КОСМИЧЕСКИХ ПРОГРАММ, МСТИСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ КЕЛДЫШ. ВЫ ВСЕ ЕЩЕ НЕ СОГЛАСНЫ? ТОГДА ПРОДОЛЖИМ!

Красной Звезды, которым летчик был награжден за участие в боях на Халхин-Голе...

В 70–80-е годы XX века латвийские ученые принимали активное участие в реализации союзных космических программ. Это и академик А.Р. Силинь, и профессор А.Н. Трухин, успешно работавшие над созданием чистого кварцевого стекла для иллюминаторов космических кораблей. Академики Т.Н. Миллер и А.Ф. Алкснис много потрудились над проблемой терморегулируемых поверхностей и термоизоляции космических кораблей, а академик Ю.О. Янсонс – над использованием композитных материалов. По справедливости надо упомянуть и нема-

лый вклад латвийских ученых Института неорганической химии и НИИ химии древесины в разработку передовых космических технологий и материалов.

Чернушка была первой

Отдельная тема – космическая биология и медицина. С ней можно ознакомиться в рижском Музее истории медицины им. П. Страдыня. Специальная экспозиция была открыта здесь в 1971 году по предложению ведущего советского физиолога академика В.В. Парина, организатора медико-биологических экспериментов на искусственных спутниках Земли и космических кораблях. Рижский музей собрал множество разнообразных экспонатов, посвященных теме освоения космоса. Особая гордость рижан, неизменно привлекающая внимание как детей, так и взрослых, – чучело собаки Чернушки, которая за месяц до полета Юрия Гагарина, 9 марта 1961 года, была отправлена на орбиту на непилотируемом корабле «Восток». Совершив виток вокруг Земли, Чернушка благополучно вернулась на Землю, доказав возможность безопасного пребывания живых существ в космосе и надежность техники приземления. А после подарила людям нескольких замечательных, хотя и совершенно беспородных щенков.

В центре экспозиции музея – кресло-катапульта с корабля «Восток». Как рассказал журналу «Русский мир.ru» сотрудник музея и большой

Анатолий
Соловьев

из архива Академии космонавтики

ИЗ АРХИВА АКАДЕМИКА КАЛНБЕРЗА

Экспозиция
в рижском
Музее истории
медицины

но, построив собственный дом на берегу озера, академик оборудовал в нем настоящий музей-усадьбу.

И генеральский китель в подарок!

Здесь, безусловно, все интересно, но есть вещи, от которых буквально дух захватывает. Как вам, например, генеральский мундир летчика-космонавта СССР Георгия Берегового со всеми орденскими планками и двумя звездами Героя Советского Союза? «В 1983 году Георгий Тимофеевич был направлен ко мне на лечение из Центра подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина, – рассказывает Калнберз. – Ему потребовалась хирургическая операция, которую я провел 17 мая 1983 года, оперировал вместе со своим сыном Константином, тоже хирургом. Все прошло благополучно. Потом мы с ним очень подружились, вместе гуляли, генерал был у меня в гостях, мы попарились в бане... И вот в благодарность за успешное лечение, зная мое увлечение космосом, Георгий Тимофеевич преподнес мне в подарок свой китель. Знаете, как Ермак со своего плеча! Это, конечно, был царский подарок, отказаться от которого я не смог...».

Еще одна реликвия – книга «Союз» – «Аполлон» с автографами советских космонавтов и американских астронавтов. Портрет С.П. Королева, подаренный латвийскому академику его дочерью Наталией, коллегой хирурга Калнберза. Фотоснимок Земли, сделанный в 1974 году с борта орбитальной станции «Салют-3», с дарственной надписью выдающегося ракетного конструктора Владимира Николаевича Челомея. «В те годы он часто отдыхал в правительственном санатории «Рижское взморье», – вспоминает Калнберз. – У него были небольшие проблемы со здоровьем, и я охотно давал консультации и проводил некоторые лечебные мероприятия. Академик, лауреат Ленинской и Государственных премий, дважды Герой Социалистического Труда В.Н. Челомей подарил мне для коллекции уникальную шариковую ручку. Известно, что шариковая ручка была изобретена венгром Ласло Йожефом Биро в 1938 году. Ручка, подаренная В.Н. Челомеем, это верх совер-

энтузиаст космонавтики Артис Эрглис, среди рижан бытует легенда, что это – «гагаринское кресло», но на самом деле в музее хранится его технологический дубликат. «На протяжении многих лет наш музей дружит с отрядом космонавтов, многие из них бывали в Латвии, отдыхали в Юрмале, лечились у нас. И, как правило, они обязательно посещали нашу экспозицию, – говорит Артис. – У нас собрана коллекция подарков от космонавтов, фотографии с их автографами. Они делились с нами своими воспоминаниями о полетах. Например, в бортовой аптечке имелся лекарственный препарат фенибут (ноофен), разработанный на латвийском предприятии «Олайн-фарм». Это успокаивающее средство, которое используется для снятия нервного и эмоционального напряжения. Так вот, космонавты между собой называли его «всё до фени»!

Космический доктор

Но есть в Латвии еще один удивительный во всех отношениях музей, где разделу «Космос» посвящены стенды с эксклюзивными фотографиями и уникальными экспонатами. Его основателем и владельцем является Герой Соцтруда, академик Академии медицинских наук СССР, лауреат Госпремий СССР, заслуженный врач Латвии, хирург Виктор Константинович Калнберз, обладатель медали имени Юрия Гагарина. Сын латышских коммунистов Виктор Калнберз родился в 1928 году в подмосковном Кунцево, где и прошло его детство. По соседству с домом располагался аэроклуб. Как и все мальчишки, Виктор живо интересовался всем, что было связано

с покорением воздушного океана. И эту любовь будущий космический доктор, как его между собой называют коллеги и друзья-космонавты, пронес через всю жизнь. Виктор Константинович создал в Латвии Институт травматологии и ортопедии, к нему не раз обращались за помощью политические деятели, ученые, звезды кино и эстрады, летчики-космонавты. Многие из них становились его друзьями. Зная давнюю страсть Калнберза к фотографированию, именитые пациенты в знак благодарности оставляли ему фотографии с автографами великих людей, книги, сувениры и пр. Так у латвийского хирурга собралась огромная коллекция ценнейших экспонатов. Сначала фотоснимки украшали стены его рабочего кабинета в Институте травматологии и ортопедии,

ИЗ АРХИВА АКАДЕМИКА КАЛНБЕРЗА

Генеральский
китель – царский
подарок...

РИГА И КОСМОС

шенства. Она была создана для американских астронавтов. Ею можно писать на потолке, под водой, в невесомости. Внутри стержня ручки сохранялось давление. У американских астронавтов, летавших на Луну, были с собой ручки, часы, которые после возвращения вручались как сувениры главам государств и выдающимся личностям. Такой экземпляр, облетевший Луну, был вручен В.Н. Челомею, а он передал ее мне. Четверть века спустя, в 2008 году, у меня гостили корреспонденты и очень заинтересовались этой космической ручкой. Задали вопрос, а можно ли ею что-то написать. Я растерялся: прошло более двадцати пяти лет, может, паста уже засохла и ручка не функционирует? Попробовали, оказалось, она отлично пишет и в обычном положении, и вверх тормашками!» С разрешения Виктора Константиновича

я тоже подержала в руках легендарную ручку, побывавшую на Луне. И она поразила меня своей удивительной легкостью – ну как пушинка на ладони.

Здесь был Сын Земли

Сколько мы уже насчитали причин для именования Риги космическим городом? Восемь? Прилагаю еще две. Одна, правда, почти анекдотическая... 12 апреля 1961 года на волне всеобщего ликования тогдашний первый секретарь ЦК КПЛ Арвид Пельше предложил... переименовать латвийскую столицу в город Гагарин. Но имя первого космонавта в итоге все же было благоразумно присвоено Гжатску в Смоленской области, неподалеку от которого 9 марта 1934 года родился космонавт номер один.

И все же однажды Рига и человек, которого называли Сыном Земли и Гражданином Вселенной, все-таки встретились. Правда, об этом знаменательном событии сегодня даже жители Латвии уже подзабыли. И в Интернете недавно даже шли споры, был Гагарин в Риге или не был. Так вот – он здесь был! Правда, всего два дня. Первое подтверждение этого факта я обнаружила в академической библиотеке, разыскав старые подшивки местных газет за 10 и 11 октября 1963 года.

Фото со всеми автографами академику Калнберзу подарили друзья-космонавты в 60-е годы. 1-й ряд – Владимир Комаров, Юрий Гагарин, Валентина Терешкова, Андриан Николаев, Константин Феоктистов, Павел Беляев. 2-й ряд – Алексей Леонов, Герман Титов, Валерий Быковский, Борис Егоров, Павел Попович

дававший в Англию, из-за плохой погоды совершил посадку в Рижском аэропорту «Румбула». На борту лайнера находились Юрий Гагарин с женой Валентиной, Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Николай Петрович Каманин и секретарь ЦК КПЛ Волдемар Леин, внешне очень похожий на Леонида Брежнева. Это сходство, кстати, спустя несколько десятилетий привело к ошибке латвийских журналистов, утверждавших, что Гагарина сопровождал Леонид Ильич.

Как только смолк шум турбин, по трапу первым спустился улыбающийся Юрий Гагарин с супругой. Нежданных высоких гостей встречали летчики, техники и работники аэропорта. Каким-то чудом о прилете первого в мире космонавта прознали и репортеры популярной в Латвии газеты «Советская молодежь». Фотограф Юрий Глаголев был, наверное, единственным в тот день человеком, которому удалось зафиксировать встречу Юрия Гагарина в рижском аэропорту, а затем и его беседу с летным составом. Как потом рассказывали участники встречи, разговор шел не только о космосе и полетах, но и об охоте в Латвии, о рыбалке, о делах житейских. Юрий Алексеевич охотно раздавал автографы, фотографировался.

«...Кто-то протягивает в спешке собранный букет цветов. И все просят автографы. Нет длинных приветственных речей, да здесь они и не нужны. Глаза светятся радостью: не в кино, не на обложке журнала – перед нами настоящий, близкий, дорогой Юрий Гагарин...

– Я побывал во многих странах, – говорит Юрий Алексеевич, – и везде нас, советских людей, встречали тепло и приветливо. Совсем недавно я вернулся из Франции, был там с неофициальным визитом по приглашению 14-го Международного конгресса по астронавтике. Народ Франции принял нас сердечно, радушно... Я впервые в Риге. Среди вас много молодых и, конечно, комсомольцев. Хочется пожелать вам везде и во всем быть настоящими ленинцами!» – так писала рижская «Молодежка» в репортаже 10 октября 1963 года.

А вот партийная пресса – газета «Советская Латвия» – ограничилась

из архива Академика Калнберга

из архива Академика Калнберга

Дружба с Георгием Береговым началась в 1983 году

Эта ручка облетела вокруг Луны и в итоге приземлилась в Латвии

9 октября 1963 года.
Встреча в рижском
аэропорту. Рядом
с Юрием Гагариным
в светлом плаще –
фоторепортер Юрий
Глаголев

ЮРИЙ ГЛАГОЛЕВ

ЮРИЙ ГЛАГОЛЕВ

Счастливой
обладательницей
гагаринского
автографа стала
юная рижанка.
Узнает ли она себя
сейчас, спустя почти
полвека?..

в тот день всего лишь маленьким сообщением в 10 строк в нижнем углу на второй полосе. Как «молодежникам» удалось утереть нос старшим товарищам, журналу «Русский мир.ру» рассказал автор исторического фотоснимка, бывший рижанин и фотожурналист «Советской молодежи» Юрий Глаголев, ныне – гражданин Израиля.

Из первых рук

«Скорее всего, сенсационную новость моей коллеге журналистке Людмиле Вишневской сообщил по телефону кто-то из летчиков, – предполагает Юрий. – Она подбежала ко мне, велела захватить фотоаппарат, и мы помчались в аэропорт на редакционной машине. Помню, были

ужасно взвинчены, боялись опоздать. Но в итоге приехали даже немного раньше. Как только трап подкатили к самолету, я начал снимать, стараясь запечатлеть каждое мгновение... Из-за волнения я практически вообще ничего не слышал, что говорил Юрий Гагарин, боясь оторваться от фотокамеры и упустить хороший кадр. Потом уже, встав рядом с космонавтом номер один, я попросил кого-то из летчиков меня тоже сфотографировать вместе со звездными гостями...

А вот дальше был почти детектив, – продолжает Юрий Глаголев. – Понятное дело, мы хотели быть единственными обладателями сенсационной новости и исторических фотоснимков и никому

ничего не рассказывали до позднего вечера. Но поскольку наша газета печаталась вместе с «Советской Латвией», то в типографии все раскрылось. Началось сильное давление на наших редакторов со стороны партийных товарищей, но снимки все же мы им не отдали! Поэтому партийная газета вышла 10 октября лишь с кратким текстовым сообщением. В «Советской молодежи» был опубликован один мой снимок, на котором рядом с Гагариным стоит счастливая девочка, ставшая обладательницей уникального гагаринского автографа. Вот бы сейчас найти ту юную рижанку, ей сегодня, наверное, уже лет под шестьдесят будет...».

Бывший рижский фоторепортер сохранил в своем архиве исторический негатив от 9 октября 1963 года. С согласия Юрия Глаголева журнал «Русский мир.ру» публикует на своих страницах несколько редких рижских кадров с Юрием Гагариным.

Но и главная партийная газета республики все же сумела исправить положение: через день, 11 октября 1963 года, в ней был опубликован подробный репортаж о пребывании Юрия Гагарина в латвийской столице. Из него известно, что звездные гости 9 и 10 октября осмотрели достопримечательности города, посетили Братское кладбище, где возложили венки на могилы павших героев. Побывали они и в местных магазинах. Латышские друзья преподнесли в подарок Валентине Гагариной духи «Рижская сирень». Председатель рижского горисполкома Я. Пакалнс вручил космонавту номер один значок почетного гражданина Риги. Юрий Алексеевич поблагодарил за оказанную честь и сказал, что ему очень понравилась Рига, о которой он много слышал, но побывал здесь впервые. И уж полной победой партийных газетчиков можно назвать записку с приветствием и наилучшими пожеланиями читателям «Советской Латвии», которую перед самым отлетом из Риги написал на листке бумаги великий Гражданин Вселенной, украсив ее своей размашистой и известной на весь мир подписью – Гагарин. ■

КЛУБ КОСМИЧЕСКИХ ОПТИМИСТОВ

**ЛЮБОВЬ
РУМЯНЦЕВА**
[САНКТ-ПЕТЕРБУРГ]

В ЮНОШЕСКОМ КЛУБЕ КОСМОНАВТИКИ, КОТОРЫЙ НАХОДИТСЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ДВОРЦЕ ТВОРЧЕСТВА ЮНЫХ, ЦАРИТ ПРЕДПРАЗДНИЧНОЕ НАСТРОЕНИЕ. СВЯЗАНО ОНО НЕ ТОЛЬКО С ТЕМ, ЧТО В КЛУБЕ ГОТОВЯТСЯ ОТМЕЧАТЬ 50-ЛЕТИЕ ПЕРВОГО ПОЛЕТА ЧЕЛОВЕКА В КОСМОС. ГЛАВНАЯ РАДОСТЬ – НА ПИЛОТИРУЕМОМ КОРАБЛЕ «ГАГАРИН», КОТОРЫЙ ЗАПУСТЯТ В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ, БУДЕТ И ВЫПУСКНИК КЛУБА – ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ АНДРЕЙ БОРИСЕНКО.

У ВХОДА В КЛУБ ВИСИТ СТЕН-газета «Ура! Наши в космосе!». Львиная доля всех фотографий и материалов посвящена Андрею Борисенко. Он теперь в клубе – герой номер один, и его полета на Международную космическую станцию все ждут с нетерпением. Рядом с его фотографиями и снимки симпатичной девушки – Екатерины Ивановой. Она тоже летчик-космонавт, дублер Светланы Савицкой. Правда, ей так и не довелось попасть в космос, хотя много лет она провела в отряде космонавтов.

– Видите, у нас есть уникальная фотография, – показывает на стенд руководитель клуба Ирина Александровна Борисова. – На ней, как теперь оказывается, изображены трое космонавтов. Ленинградец Георгий Гречко, пришедший к нам в гости, чтобы рассказать ребятам о своем опыте. Но разве знали мы тогда, что среди внимательно слушающих его истории ребят сидят два будущих космонавта – Катя Иванова (3-й выпуск) и Андрей Борисенко (17-й выпуск)? Так что фотография – уникальная.

ПРЕДСТАВЛЕН ЮНОШЕСКИМ КЛУБОМ КОСМОНАВТИКИ

Всю жизнь на орбите

Уникальна не только фотография. В ЮКК (так сокращают «Юношеский клуб космонавтики») уникально абсолютно все. Клуб ненамного моложе первого полета человека в космос – его создали осенью 1961 года, и в этом, «космическом» году собираются отмечать свой собственный 50-летний юбилей.

– В тот год всю страну затопила эйфория, только ленивый не грезил космическими полетами, – вспоминает Ирина Борисова. – Клуб назвали в честь Германа Титова – потому что первый детский клуб космонав-

Уникальное фото – три космонавта в кадре.

Перед клубовцами выступает Георгий Гречко, среди слушателей – студентка Екатерина Иванова и ученик Андрей Борисенко. Середина 80-х годов

тики появился в Таврическом дворце, и ему, разумеется, присвоили имя Юрия Гагарина. Клубы космонавтики для ленинградских мальчишек и девчонок создавались везде – в 60-е годы их было около восьми. К нам мы набирали 120 человек – и уже через три дня запись приходилось закрывать.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЮНОШЕСКИМ КЛУБОМ КОСМОНАВТИКИ

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЮНОШЕСКИМ КЛУБОМ КОСМОНАВТИКИ

Самая приятная часть учебы – поездки в Звездный городок, на Байконур, в Плесецк

Георгий Гречко уже несколько десятилетий частый гость ЮКК

В ЮКК дети приходили в седьмом классе – на три года. На деле, как потом оказывалось, – навсегда. Те, кто однажды попал в «космическое отделение» Дворца пионеров, на всю жизнь остались на его орбите. – У нас работает 14 преподавателей, и 9 из них – это бывшие выпускники клуба, – рассказывает Ирина Борисова. – Дети выпускались, поступали в институты, приходили читать лекции своим младшим друзьям, многие потом возвращались сюда уже преподавателями. Клуб никого не отпускает. Вот посмотрите на меня. Я работаю здесь

уже почти сорок пять лет, помню каждого выпускника, нахожусь в клубе с 9 утра до 9 вечера. А ведь когда-то я пришла во Дворец пионеров случайно – меня, учительницу географии, попросили заменить заболевшего преподавателя. Вот и «заменяла». На сорок пять лет...

В космосе как на войне

Клуб космонавтики занимает несколько больших комнат в одном из зданий Дворца творчества юных. Проходя из одной комнаты в другую, совершаешь небольшое путешествие во времени. В первом

помещении все возвращает в советские времена. Знамя клуба, стенгазеты по случаю 23 февраля и 8 Марта, уголок свежей информации на космическую тему... На одном из стендов скрупулезно ведется подсчет успехов каждой группы – уже много лет это «социалистическое» соревнование называется «Ай да мы!». Раз в месяц выставляются баллы – за уборку клуба, за дежурства на праздниках и елках, за участие в чемпионате по шахматам и шашкам, за помощь в организации турслета. Группа, набравшая большее количество баллов, считается победительницей. Казалось бы, неужели какими-то баллами за уборку можно мотивировать современных детей? Оказывается, можно.

– Как только я пойму, что эти соревнования не нужны, я прекращу их устраивать, – обещает Ирина Александровна. – Но вы бы видели, какое столпотворение возле стенда, когда вывешивают новые результаты! Всем хочется первыми узнать, какое место заняла их группа. Кстати, в клубе действует принцип самоуправления – в каждой группе есть командиры групп, есть кураторы групп (из старших ребят), многие входят в совет клуба, состоящий из учебного, спортивного, трудового и культмассового секторов. Во главе – председатель совета клуба. – Эта схема не устаревает и нужна детям, – уверена учительница. – Иначе бы она просто не работала.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЮНОШЕСКИМ КЛУБОМ КОСМОНАВТИКИ

Ирина Александровна свято чтит традиции клуба, созданные за полвека его существования. Бережно хранит альбомы с фотографиями – выезды с детьми, соревнования, лекции космонавтов, поездки «по космическим местам» и по городам-героям.

– Я прошла всю войну как «дочь полка» вместе с моим отцом, – говорит педагог. – Поэтому память о Великой Отечественной для меня очень важна. Мы с детьми обязательно ездим на экскурсии, до сих пор соблюдается традиция: ребята дежурят каждый год перед 9 Мая на городском празднике ветеранов. Ведь, глядя в космос, нельзя забывать о подвигах и истории своей страны.

В клубе считают: Великая Отечественная и покорение космоса только на первый взгляд темы абсолютно разные. На самом деле их объединяет одно: и война, и космос требуют от людей полной отдачи и готовности в любой момент пожертвовать собой. Ведь космос шутить не любит. – В то время об этом не говорили вслух, но каждый полет космонавты рисковали жизнью, – объясняет Ирина Борисова. – Сергей Леонов, например, мог и не вернуться из открытого космоса – его скафандр так раздуло, что он физически не пролезал обратно в люк. С Земли уже был дан при-

Как правильно и быстро надеть скафандр, знает каждый юный космонавт

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЮНОШЕСКИМ КЛУБОМ КОСМОНАВТИКИ

каз его партнеру Беляеву – задраивать люк и уходить. Но Леонов решился на риск – снизил давление в скафандре и протиснулся на корабль ногами вперед. А вспомните взрыв на Байконуре в 1960 году, когда погиб Неделин... Или Владимира Комарова, который знал, что, скорее всего, не сможет благополучно вернуться с орбиты, но не мог отказаться от пилотирования, ведь его дублером был Юрий Гагарин... Даже если не говорить о трагических случаях, космонавту нужно мужество, чтобы добиться цели, – ведь наш Андрей Борисенко, который полетит на «Гагарине», шел к своей цели тридцать лет!

Из Советского Союза в XXI век

Но стоит пройти в соседние комнаты, и попадаешь из советского времени в XXI век. Компьютерный класс, звездное небо для уроков астрономии, ложемент для космического полета и скафандр космонавта – вот антураж, в котором дети занимаются каждый день. Главная гордость педагогов – настоящий космический корабль «Восток», побывавший в космосе и подаренный клубу Академией наук. Но гордятся не его внешним видом, а начинкой – внутри корабля создали настоящий авиационный тренажер.

АНТОН БЕРКАСОВ

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЮНОШЕСКИМ КЛУБОМ КОСМОНАВТИКИ

Раньше изучали азбуку Морзе, а сейчас – компьютерные технологии

Летчики, акванавты, энергетики

Конечно, первым выпускам такое и не снилось: авиационный тренажер! Зато некоторым из них удалось побывать на настоящих космических объектах. Ирина Александровна с гордостью показывает альбомы с поездки на Байконур и в Плесецк. На Байконур взяли только 15 человек, но это была первая детская группа, которую пустили на все, даже самые секретные, площадки. Еще одно место «паломничества» – Звездный городок, где живут космонавты. Даже в трудные 90-е годы, когда о финансировании подобных поездок можно было забыть, дети из ЮКК оказались в Звездном городке в выездной звездной космической школе – за счет Федерации космонавтики.

Отдельная тема – выпускники. За судьбой каждого из своих «птенцов» Ирина Борисова следит очень внимательно – и радуется, когда «птенцы» долетают если не до космических, то до земных высот. Например, в ЮКК прилежно занимался ленинградский школьник Анатолий Чубайс.

– Я помню Толю. Очень дельный мальчик, принимал участие в конференциях, в жизни клуба. Хороший человек, – говорит учительница.

Игорь Шомполов – летчик-истребитель, инструктор летной подготовки космонавтов в Звездном городке, Андрей Максимов – руководитель полетов диспетчерского центра в аэропорту «Пулково», Виктор Степанов – пилот первого класса, Анатолий Храмов – акванавт, Герой Рос-

У летчиков таких тренажеров много, а для детей его создали впервые.

– Удалось найти деньги и купить нужное оборудование, – рассказывает преподаватель и летчик Александр Летовитез. – Сами долгое время налаживали тренажер, удалось создать настоящую кабину самолета. Это не игрушки, где надо просто дергать за рычаги. Чтобы получить «допуск» к полетам, ученикам необходимо выучить всю документацию не только по самому самолету, но и по аэропорту «Пулково», в котором он находится. Видели бы вы эти талмуды! Не каждому ребенку по силам – из 40 ребят, записавшихся на

факультатив, до практических «полетов» добралась только половина. Я дал ребятам немного адаптированный курс «Командир воздушных судов». Два месяца теоретической подготовки – и только после этого можно садиться за штурвал и поднимать судно в воздух. Рядом же расположен диспетчерский пункт, где сидит другой ученик – диспетчер – и руководит полетами. Научиться этому непросто. Но ведь ученики видят, что тренажер настоящий, аэропорт настоящий, у их взрослых учителей – настоящих летчиков – горят глаза от восторга. И это заражает их энтузиазмом.

ПРЕДСТАВЛЕНО ЮНОШЕСКИМ КЛУБОМ КОСМОНАВТИКИ

ПРЕДСТАВЛЕНО ЮНОШЕСКИМ КЛУБОМ КОСМОНАВТИКИ

сии... Этот список можно продолжать. Не случайно рядом с информационным стендом есть специальная стена, где висит несколько десятков свадебных и детских фотографий. Их приносят сами выпускники, зная, что Ирина Александровна ждет новостей от своих выросших детей.

– Там, где фотография пары, значит, и жених, и невеста – наши выпускники, – объясняет она. – Таких очень много. А если фотография одного человека – значит, он женился на ком-то «со стороны». За пятьдесят лет столько

уже образовалось пар среди выпускников! Уже их дети пришли в клуб и выпустились из него, да и внуки тоже.

Через тернии – к звездам

Клуб стал семьей – не только в переносном, но и в прямом смысле. Рядом с Ириной Борисовой сидят два преподавателя – Валерий и Ирина Жуковские, муж и жена, оба – бывшие «юные космонавты». Валерий Жуковский уже много лет руководит Центром информационных технологий во Дворце твор-

чества юных. Во многом благодаря его работе клуб не исчез в тяжелые 90-е годы, когда желание стать космонавтом вызывало у сверстников если не презрение, то, по крайней мере, недоумение.

– Эйфория от первого полета человека в космос прошла довольно быстро, – говорит Валерий Жуковский. – Уже к 70-м люди поняли, что космонавтика – это тяжелая работа, полеты на Марс и Луну – дело долгое. Но дети все равно приходили в клуб – из-за коллектива, атмосферы, знаний, спортивной подготовки. Многие хотели стать летчиками, работать в авиации. Тяжелее всего пришлось, когда рухнул СССР. Все занялись погоней за деньгами, родители воспринимали увлечение космосом как бессмысленную и никому не нужную игру. Чтобы не потерять своих учеников, мы немного изменили тактику обучения. Ввели изучение информационных технологий, появились такие предметы, как основы компьютерного дизайна, основы клиент-серверных систем, flash-технологий. Дали понять и родителям, и детям, что у нас в клубе вырастают не идеалисты-романтики, мечтающие во что бы то ни стало надеть скафандр, а самостоятельные, уверенные в себе люди, умеющие добиваться цели. Но приходилось нелегко.

первый в космосе

ЮНОШЕСКИЙ КЛУБ КОСМОНАВТИКИ

АНТОН БЕРКАСОВ

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЮНОШЕСКИМ КЛУБОМ КОСМОНАВТИКИ

Ирина
Александровна
Борисова почти
45 лет отдала ЮКК.
На первом месте –
всегда дети.
На втором – космос

...Результат усилий виден сейчас: жизнь в клубе кипит, как и пятьдесят лет назад. Приходят студенты, чтобы на компьютерной базе информационного центра провести свои эксперименты и написать курсовые работы. Забегают до урока ученики третьего (последнего) года обучения, сдают на рецензию свои выпускные работы. Темы разнообразные: «Утилизация космического мусора», «Новая космическая программа Индии», «Искусство на орбите». В 17.00 на-

чинаются занятия – первогодки приходят на лекции по истории космонавтики, на втором году изучают астрофизику, информационные технологии и аэродинамику, выпускной класс погружается в изучение основ дизайна и клиент-серверных систем. Подростки повально увлекаются бальными танцами – даже на праздниках вместо дискотек – вальсы, вместо джинсов – костюмы и платья. Казалось бы, какая связь между космосом и бальными танца-

ми? Бассейн, дзюдо, снаряды, лоп-пинг – это понятно, но танцы?!

– Танцы развивают координацию движений, – защищают свое увлечение ученики. – Быстроту реакции, выносливость. Да и просто это очень приятно и весело!

Группа учеников только что пришла с межвузовской конференции «Молодежь. Техника. Космос», где они делали доклад об аэрокосмическом тренажере – о настройке и наладке его программного обеспечения. Говорят, студенты слушали с открытыми ртами то, что им подробно и обстоятельно рассказывали старшеклассники. Главный специалист по наладке – 16-летний Степан Чураков. Космонавтом он быть не хочет – его больше привлекает инженерная специальность.

– Я пришел в клуб случайно – просто увидел объявление, стало интересно, – рассказывает он. – А теперь втянулся. Понимаете, здесь все на энтузиазме, а не ради оценок в аттестате, как в школе. Дорабатываем летный тренажер, проектируем космический тренажер, чтобы каждый ученик мог при желании самостоятельно рассчитать траекторию и выйти на орбиту Земли. Это будет еще сложнее, чем на авиационном тренажере, зато еще интереснее!

Глядя на успехи своих ребят, их успешные поступления в вузы, спортивные победы, учителя понимают: их космическая семья существует не зря.

– Мы так счастливы, что пятнадцать лет назад не опустили руки, не сдались и нам удалось сохранить клуб, – говорит Ирина Жуковская. – Сейчас ситуация изменилась, взгляды поменялись и у родителей, и у детей. Они устали искать везде прибыль и деньги и мечтают обрести смысл. Кое-кто из ребят снова хочет стать космонавтом. Правда, пока об этом вслух предпочитают не говорить – еще стесняются этого желания.

– Все дело в том, что мы учим детей принимать решения в условиях неопределенности при ограниченных ресурсах, – подводит итог Валерий Жуковский. – Это нужно ведь не только в открытом космосе, но и в обычной взрослой жизни. И еще наше кредо – быть оптимистами. Для наших учеников стакан всегда наполовину полон, а не наполовину пуст. ■

НОВЫЕ ГЕРОИ ДЛЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

**ВАЛЕНТИНА
ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА**
[НИЖНИЙ НОВГОРОД]

КНИГ ДЛЯ ДЕТЕЙ СЕЙЧАС ИЗДАЕТСЯ МНОГО – В ЛЮБОМ КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ ОТДЕЛ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗАНИМАЕТ СОЛИДНОЕ МЕСТО, ПЕСТРЯ ЯРКИМИ ОБЛОЖКАМИ. НО ЕСЛИ УБРАТЬ ИЗ ЭТОГО МНОЖЕСТВА ВЕЧНУЮ КЛАССИКУ, ОТЛОЖИТЬ В СТОРОНУ КНИГИ ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ И ЯВНЫЙ ШИРПОТРЕБ ВРОДЕ «ДЕТСКИХ ДЕТЕКТИВОВ», ТО ПОЛКИ ОСТАНУТСЯ ПРАКТИЧЕСКИ ПУСТЫМИ.

есть, и даже издаются, но, чтобы разыскать их, нужно желание и немало любопытства.

Пишем для детей. Для своих детей

Наша встреча с авторами недавно изданной в Нижнем Новгороде серии «Писатели – детям» (13 книг 17 авторов) проходит в областной детской библиотеке. Место не случайное: именно библиотеки в России сегодня являются буфером между книжным рынком и ребенком. По понятным причинам там работают в основном лишь настоящие подвижники своего дела, и каждый отдел комплектования старается хотя бы часть скудных средств тратить не только на то, что популярно, но и на то, что действительно стоит внимания. Сюда попадают издания, которые никогда не пробьются на прилавок: о спецтираже для библиотек заботится большинство детских литературных премий. Кстати, запомнить имена победителей этих премий («Заветная мечта», «Алые паруса», имени Чуковского и др.) неплохой способ заочно оценить уровень автора книги, которую будет читать ваш ребенок. Более верный, пожалуй, только если прочитать самому.

– Я не считаю себя детским писателем, – признается Виктор Карпенко, подполковник запаса с тремя высшими образованиями, автор исторических романов. – Но у меня бывают такие «выплески» – рассказы для детей пишутся очень быстро, может быть, потому, что все сюжеты я беру из жизни. Даже редактировать рукопись потом практически не приходится. Тем не менее мой первый сборник рассказов для детей, «Солдатская каша», в 2009 году стал лауреатом Международной

премии «Имперская культура» в номинации «Детская книга».

– Приходит время, у тебя рождаются дети, и именно для них ты начинаешь создавать детскую литературу, – говорит Елена Крюкова, серьезный «взрослый» поэт и прозаик. Недавно, например, в крупном московском издательстве вышел ее роман «Серафим», так что увидеть ее в детской библиотеке, нараспев читающую стихи о волшебном скафандре и слоне с планеты Венера, было очень неожиданно. – Большинство авторов-женщин творят именно для своих детей. Посмотрите, я держу в руках книгу «Чебедушка» москвички Ирины Горюновой, которую она посвятила дочке Машеньке. Герои ее рассказов – Валька, Маша и Алина, обычные ребята, которые попадают в разные смешные ситуации. Как вы думаете, с кого она писала эту книгу?.. Каждая история – непременно с моралью, разве можно без этого представить хороший рассказ?

Интереснее учебника

Во все времена задача детской книги – не только развлечь, но и воспитать. И если в произведениях советской эпохи, на которых выросли нынешние папы-мамы-бабушки, делался упор в том числе на идеологическую мораль, то сейчас авторы хороших детских книг воспевают общечеловеческие ценности: умение любить и дружить, помогать ближнему, мечтать, творить... Хотя время расставляет свои приоритеты, и даже среди вечных нравственных ориентиров появляется то, что кажется сегодня особенно важным: умение отказаться от искушений; зоркость, позволяющая разглядеть

РОДИТЕЛИ БЫЮТ ТРЕВОГУ: мой ребенок не читает! При этом немногие из взрослых найдут силы отказаться от телесериала в пользу книги или сходить в воскресный день в библиотеку, а не в магазин. А подкладывая чаду любимую повесть из своего советского детства, не учитывают, что герои прошлых лет так и остались пионерами и продолжают собирать макулатуру. Редкая мама найдет время сесть рядом с подростком и объяснить ему, для чего, скажем, нужно было носить красный галстук. Но в основном мальчики и девочки хотят читать все-таки о своих ровесниках. Хотя бы поэтому стоит обратить внимание на современных авторов поэзии и прозы для детей. Но родители, особенно не обделенные литературным вкусом и образованием, стонут: это какой-то суррогат, а не книги, – сплошная пошлость, глупость, аляповатость!

Известный литературовед, специалист по детской литературе Ирина Арзамасцева уверяет: огромный ассортимент подобных книг – просто расхождение между издательско-торговым бизнесом и литературным процессом, а не смерть детской литературы в целом. Таланты

АНАСТАСИЯ ПОЛУНИНА

за оболочкой суть; силы идти к цели. Нередко возникает тема экологии.

– Каждый живет в свое время, но вопросы совести, дружбы и ответственности актуальны во все времена. И если моя книга когда-нибудь поможет ребенку принять верное решение, я буду этому очень рад, – говорит Виктор Карпенко.

В одном из его рассказов девятиклассник тратится на цветок для новенькой симпатичной одноклассницы, а та небрежно бросает: «Лучше б ты пивка купил», чем немедленно вызывает отторжение главного героя и сразу дурнеет в его глазах. В стихах Юрия Ермолова (это иногда он «работает» детским поэтом, а вообще-то – заместитель начальника Нижегородского кадетского корпуса) девочка переживает из-за веснушек, но в конце оказывается, что мальчишкам именно они и нравятся больше всего. В стихотворной повести Елены Крюковой «Созвездие льва» герои на фантастическом корабле попадают на планету, где сбываются все желания, и вдруг понимают, что это – очень скучно, гораздо интереснее самим добиваться поставленной цели.

Более заметная тенденция современной детской литературы в том,

что родители, озабоченные образом своих детей, начинают учить их читать-писать-считать почти с пеленок и поэтому активно предпочитают современным художественным книгам обучающую детскую литературу. По данным Российской книжной палаты, среди наиболее издаваемых детских авторов в 2010 году лидирует классик Чуковский (общий тираж – более 3,7 миллиона экземпляров), а за ним следует автор «Букваря для малышей» и других развивающих стихов Владимир Степанов с общим тиражом почти в 2 миллиона. В первой десятке, среди Барто, Андерсена, Маршака, Перро, Волкова, Носова и Остера, – Ирина Гурина, по книгам которой можно учиться читать, считать, определять время и так далее.

Впрочем, сами детские писатели не против того, чтобы их книги обучали и по-своему дублировали школьные знания, упаковывая их в увлекательный сюжет. Наоборот, в этом, по мнению некоторых, – миссия современной неидеологизированной детской литературы.

– Я писала повести о космических путешествиях для взрослеющего сына, потому что сама болела астрономией в детстве. И он, видимо,

почувствовал и впитал это – стал астрофизиком, сейчас докторант Университета Оберн, США, – делится писательница Елена Крюкова.

– То, что изучается в школе на уроках, наверняка со временем забудется. Но если прочитать о тех же самых законах физики интересную историю, такая физика запомнится на всю жизнь, – убежден Павел Шаров, в прошлом сотрудник научного института, а теперь, когда ему почти 80, – «молодой» детский писатель, недавно издавший книгу воспоминаний о военном детстве «Пашка с Макаронки». В его новой, фантастической повести чуда не противоречат современному естественнонаучному знанию, а, скорее, иллюстрируют его. При этом наука дана в разумных пределах – Шаров заслуженно гордится, что сумел книгой о путешествии к Венере и другим планетам оторвать от компьютера собственного внука.

Детская книга vs Интернет

Противостояние книги и Интернета – еще одна проблема, которая была неведома классикам прошлого и которую приходится решать современной детской литературе. Во времена Гайдара и Катаева без те-

АНАСТАСИЯ ПОЛУНИНА

левидения, компьютерных игр и Интернета ребенку надо было чем-то себя занять, и он читал. Читали его родители, иногда по вечерам и вслух – Виктор Карпенко до сих пор с содроганием вспоминает эти семейные чтения, когда ему, 5-летнему, приходилось слушать «Жерминаль», и говорит, что именно это побудило его еще до школы впервые прийти в детскую библиотеку. Однако современные медиа способны не только отвлекать от книги, но и, наоборот, притягивать к ней.

– Немалую долю популярности тому же «Гарри Поттеру» принес фильм, – считает Карпенко. – Книжки о так называемых Волшебницах (Winx) печатаются миллионными тиражами, потому что есть одноименный мультфильм. Как только появляется кино или сериал, популярность книги, по которой они сняты, тут же начинает расти. Становится понятно, почему современные сказочники стараются участвовать не только в чисто литературных конкурсах и фестивалях.

– Мой сценарий по сказке «Невероятная рождественская история» стал лауреатом VI Международного кинофестиваля «Лучезарный ангел», в рамках которого был организован конкурс сценариев мультиплика-

ционных фильмов, – рассказывает автор стихов и прозы для детей Ирина Дружаева из Городца Нижегородской области. Ирина часто принимает приглашения от библиотеки города и области и встречается со своими читателями.

– Такие встречи – процесс взаимовыгодный, они часто превращаются для меня в праздник, – говорит Ирина. – В последний раз я увезла целую пачку рисунков, которые дети нарисовали к моей книге «Лунное озеро». Но, вообще, ситуация, когда школьники приходят на встречу с писателем подготовленные, скорее исключение, чем правило. Чаще всего такая встреча становится первым знакомством ребенка с новым автором, побуждающим взяться за книгу. Ведь многие дети, вскормленные современными медиа, даже представить не могут, что писатель – это не портрет дяденьки на стене в кабинете литературы. Что автор книги может запросто встретиться с ними, оставить автограф, пожать руку, дать совет. А это уже, как ни крути, не виртуальная реальность, а живой, осязаемый опыт.

Для современного же детского писателя, особенно в регионах, регулярные встречи с читателями и их родителями – вопрос выживания. Их книги, напечатанные скромным ти-

ражом со скромным оформлением, не могут конкурировать со столичными изданиями.

– Книга должна расходиться за три месяца, иначе сначала она съедает свою прибыль, а затем и свою себестоимость, – уверяет Виктор Карпенко, не только автор, но и главный редактор небольшого нижегородского издательства. – Если раньше одни только библиотеки вбирали в себя по 700 экземпляров, то сейчас с трудом – 350. Продать остальные в нашем полуторамиллионном городе практически невозможно, у нас нет развитой системы реализации книг местных издательств.

Несмотря на это, Карпенко продолжает выпускать книги, а во встречах с читателями видит свой главный ресурс: детям книги дарит, взрослым – продает.

Отношения детских авторов и столичных издательств тоже складываются непросто. Галину Дядину из Арзамаса Нижегородской области, которую местные СМИ давно окрестили «нашей Агнией Барто» и которую с удовольствием печатали детские журналы вроде «Кукумбера» и «Мурзилки», заметил наконец и один из гигантов детской печатной индустрии. Столичное издательство предложило ей контракт на несколько лет. Книжки с прекрасным дизайном хотя и подготовили, но не выпустили: проект отложили из-за «непростой экономической ситуации». Но свое право печататься где-то в другом месте, пока действует контракт, она потеряла.

Авторы, не желающие пропадать в забвении и писать «в стол» только из-за финансовых сложностей, публикуют свои опусы в Интернете, где их находят не только издатели, но и читатели.

– Я завела себе ЖЖ, когда поняла, что блог – это отличный инструмент, который позволяет делиться творчеством, общаться и поддерживать контакт с огромным числом людей, – подтверждает Елена Крюкова. С одной стороны, зачем бесплатно выкладывать в Сеть произведения, которые можно продать? С другой – только так современный автор, не имеющий средств на раскрутку, и может привлечь к себе внимание. А главное – убедить родителей: его творчество достойно того, чтобы прочитать ребенку. ■

УЧЕНЫЕ БЕЗ ГРАНИЦ

**ДЕНИС
ТЕРЕНТЬЕВ**

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ЦЕННЫЙ ТОВАР НА РЫНКЕ, РАЗВИТИЮ КОТОРОГО НЕ ДОЛЖНЫ МЕШАТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ. В МИРЕ ЭТУ ИСТИНУ ОСОЗНАЛИ ЕЩЕ В 70-Е ГОДЫ, СЛЕДСТВИЕМ ЧЕГО СТАЛ БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС С ЕГО ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ЗОНОЙ ОБРАЗОВАНИЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ НА МОБИЛЬНОСТЬ И ТРУДОУСТРОЙСТВО. РОССИЯ ВОШЛА В БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС В 2003 ГОДУ. А ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ НЫНЕ ДОСТУПНО ДАЖЕ РОССИЯНАМ БЕЗ КОПЕЙКИ В КАРМАНЕ.

СЕРГЕЙ ИЗМАЛКОВ ПРИЕХАЛ два года назад преподавать в Российскую экономическую школу (Москва) с должности профессора Массачусетского технологического института. «Я получил докторскую степень в США и поработал в Америке шесть лет, – говорит Измалков. – В России мне предложили примерно те же финансовые условия, но работать здесь интереснее: ты – носитель новых идей, а не просто высокообразованный ученый. Нельзя сказать, что отъезд в Америку и возвращение домой – это преодоление «железного занавеса». Работая в США, я часто бывал в России, общался с коллегами и был в курсе происходящих в стране изменений». Ирина Кузнецова вернулась в петербургский Политех, три года прора-

ботав научным сотрудником в израильском Технионе в Хайфе. «Сегодня многие израильтяне уезжают в США, Европу или Россию, если хотят иметь дело с по-настоящему масштабными проектами, – считает Ирина. – Я была поражена, получив предложение из родного Питера. Все-таки я – не мировая величина, а скромный исследователь моложе тридцати лет. Хотя чему удивляться, если образование без границ давно стало общемировой тенденцией. Одну мою коллегу пригласили работать в Австралию, другую – и вовсе в Перу». Ничего удивительного: в мире колоссальный дефицит ученых. Квоты на научные кадры, которые нужно привлечь из других стран, стали частью стратегических доктрин. Евросоюз готов принять полмиллиона специалистов, США – 300 тысяч, Япония – 230 тысяч человек. При научных центрах работают скаутские команды, которые ищут по всему миру перспективных исследователей. В японских НИИ сотрудников обязывают разговаривать по-английски: для удобства привлеченных иностранцев.

На экспорт

Оценки научного потенциала сегодняшней России неоднозначны. С одной стороны, за двадцать лет число исследователей уменьшилось в два-три раза. Причем оставшиеся – преимущественно «старая школа» в возрасте пятидесяти-семидесяти

лет. С другой стороны, за те же двадцать лет из России выехало более 100 тысяч граждан с ученой степенью, которые не потерялись за рубежом. В США, где российских исследователей не менее 10 тысяч, 40 процентов патентов на изобретения получено иностранцами, а в сфере высоких технологий этот показатель достигает 75 процентов. Не менее 3 тысяч российских специалистов работает в Китае, где, между прочим, провозглашена ставка на национальные кадры. Считается, что талантливый ученый обычно создает добавочную стоимость, втрое превышающую расходы на оплату его труда. К тому же подготовка высококвалифицированного специалиста – это 250–400 тысяч долларов плюс несколько лет трудов. В России, например, по-прежнему один из самых высоких в мире «возрастов» полученного образования: профильный специалист учится у нас около двенадцати лет. Однако Россия не хочет быть главным экспортером ученых. Тем более что это не футболисты, за которых клуб получает огромные отступные. Исследователя страна теряет бесплатно и, как правило, навсегда. Тем не менее в прошлом году Министерство образования и науки создало целевую программу по возврату из-за рубежа российских ученых на 2010–2012 годы. Ее бюджет – 12 миллиардов рублей. «Возможности таких программ ограни-

ченны, – говорит социолог Сергей Прозоров. – Китай смог вернуть из-за рубежа всего сто своих соотечественников, хотя тратит на науку в пять раз больше России. Однако работать в этом направлении нужно. Есть шанс, что будут созданы приемлемые условия и для молодой поросли российской науки».

Стандартный грант Минобрнауки – 2 миллиона рублей: один на зарплату, один – на организацию работы. Казалось бы, это немного – например, для США, где меньше 40 тысяч долларов в год никто не получает. Однако на каждый из 110 российских грантов приходится по три заявки из-за границы. «Многие приезжают на два месяца, которые выделяются им на отпуск, – рассказывает Ирина Кузнецова. – В этом есть смысл. В России возвращенцам сразу предлагают должность завлаба, которую в Америке получить очень сложно. Плюс свобода в выборе направления работы. Да и деньги не лишние».

Бесплатная Сорбонна

Распространенное мнение, будто за границей учатся только дети олигархов, – старый миф. Если у человека уже есть одно высшее образование и он хочет получить второе за границей, перед ним открываются десятки возможностей сделать это бесплатно.

«Авторитет российской науки все еще очень высок, а студенты из России котируются у работодателей во многих странах: они часто креативны, работоспособны и в состоянии совершать прорывы в одиночку, – говорит историк и публицист Сергей Ачильдиев. – Подготовленный специалист – это ценный товар. В России работают десятки фондов, готовых оплатить учебу талантливого студента».

Строго говоря, студенту проще иметь дело с организациями, которые представляют интересы, например, Фонда Форда или других подобных структур. Правда, знаменитый университетский принцип, гласящий, что ни один способный студент не

должен остаться за бортом alma mater по финансовым причинам, справедлив в основном для европейцев. В Великобритании обучение студента-англичанина стоит 5 тысяч фунтов в год, а иностранца – 12–14 тысяч. Тем не менее россиянин все равно может получить деньги.

Артем Галицкий окончил магистратуру в Сорбонне по искусствоведческой специальности, хотя по первому образованию – юрист. «На Западе университеты рекомендуют выбрать новую специальность и доказать, что вам необходимо выучиться на нее в зарубежном вузе, – рассказывает Галицкий. – Я, например, работаю в художественной галерее, с которой начал сотрудничать еще в студенчестве как внештатный юрист. На собеседованиях я должен был аргументированно доказать три вещи: я могу учиться, у меня есть острая потребность именно в этой специальности и я не могу сам заплатить за обучение. Никто не требовал от меня клясться, что я вернусь в Москву после Сорбонны. Мы

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

живем в свободном, открытом мире, где я могу выбрать любое продолжение карьеры».

На каждый грант обычно набирается 10–20 кандидатов. Отбор проходит в три-четыре этапа и занимает около года. Заявки принимаются с начала июля до середины октября: автобиография, резюме, рассказ на иностранном языке. Ближе к зиме происходит собеседование, на котором соискатель должен убедить опытных психологов в своей искренности и компетентности. Еще через пару месяцев самых сообразительных приглашают на языковые и профессиональные тесты. Результаты выделения грантов оглашаются к середине мая.

Плюс данной системы для соискателя в том, что фонд берет на себя все расходы. Если соискатель живет в Казани, а тесты проходят в Москве, фонд оплачивает перелет, проживание и суточные. Есть и минус: счастливцев не сможет выбирать университет – это прерогатива грантодающей организации. Поэтому некоторые самоуверенные молодые люди идут

другим путем. «Я самостоятельно поступила в Мичиганский университет, а деньги на оплату обучения без труда нашла после зачисления, – рассказывает петербурженка Юлия Невзорова. – В России многие привыкли, что на вступительных экзаменах студента могут «завалить», а к «бюджетникам» более строгие требования. В Америке вуз интересуют только твои знания. Вузы заинтересованы в том, чтобы у них учились самые талантливые студенты. Успешно сдав экзамены в декабре, я получила уведомление о зачислении спустя два месяца. Мне также сообщили, что вуз внес мою кандидатуру на соискание гранта на обучение и стипендию. На словах мне объяснили, что это почти стопроцентная гарантия того, что деньги найдутся. Что и произошло в апреле».

моим оценкам, за рубежом остается половина студентов из России. Некоторые коллеги считают, что таких процентов семьдесят».

Некогда стройные направления студенческих миграций в мире сегодня напоминают броуновское движение. Магистральные потоки сохранились: из стран Юго-Восточной Азии в США, из Индии в Россию, из Северной Африки во Францию и Италию. Но и численность американских студентов в Китае увеличивается, из Мадрида и Барселоны будущие специалисты едут в Буэнос-Айрес, а в Бангкоке белокожие студенты занимают шестнадцатизэтажный кампус. Российское высшее образование, вопреки распространенному мнению, сохранило достаточно высокий вес. Перед распадом СССР в советских вузах обучалось 126 ты-

В мире колоссальный дефицит ученых. Евросоюз готов принять полмиллиона специалистов, США – 300 тысяч, Япония – 230 тысяч человек.

Броуновское движение

Конечно, не все так просто. Во многих странах не признают российские дипломы и даже школьные аттестаты. Но можно сдать экзамены International Baccalaureate. «Есть россияне, которые самостоятельно поступали в Оксфорд и Кембридж, а все препятствия на этом пути – преодолимые, – считает Сергей Ачильдиев. – Мир идет к унификации стандартов высшего образования, поскольку есть огромный спрос на специалистов. Сейчас нет достоверных данных о том, сколько, например, россиян учится за рубежом и в каких конкретно странах. Соответственно, нельзя отследить, возвращаются ли они обратно на родину. По

саяч иностранных студентов. Это составляло 10 процентов от их общемирового числа, что приносило СССР третье место на планете после США и Франции. Сегодня доля нашей страны в обучении иностранных студентов – всего 2 процента, а место в мире – девятое. Но в России все равно учится около 90 тысяч иностранцев. В отличие от «детей братских народов», за обучение которых часто платили советские же власти, нынешние студенты выбрали Россию честно: по сочетанию «цена – качество». Уедут ли они после учебы домой, не знают ни они, ни их педагоги. Сегодня не студенты ищут работу, а работа ищет их. ■

ВЕДЬ НЕДАРОМ...

ОКСАНА
ПРИЛЕПИНА

ФОТО ПАВЛА ГОЛОВКИНА

НЕОБУЗДАННАЯ ДАЧНАЯ жизнь России посягнула на святое. Начали застраивать коттеджами Бородинское поле, которое двести лет простояло нетронутым. Гениальный Михаил Кутузов, видимо, еще в 1812 году предполагал такой поворот событий. Вот что он написал в письме Анне Нарышкиной, владелице села Тарутино, призывая сохранить исторические укрепления, оказавшиеся в ее собственности: «Пускай время, а не рука человеческая их уничтожит; пускай земледелец, обрабатывая вокруг их мирное свое поле, не трогает их своим плугом; пускай и в позднее время будут они для россиян священными памятниками их мужества; пускай наши потомки, смотря на них, будут воспламеняться огнем соревнования и с восхищением говорить: «Вот место, на котором гордость хищников пала перед неустранимостью сынов Отечества». В 1839 году Николай I выкупил 800 гекта-

БОРОДИНСКАЯ БИТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ. НАКАНУНЕ 200-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ СМЕРТЕЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ НАВИСЛА НАД ИСТОРИЧЕСКИМ ПОЛЕМ – ЕГО НАЧАЛИ ЗАСТРАИВАТЬ ДАЧАМИ. БОИ МЕЖДУ БОРОДИНСКИМ МУЗЕЕМ-ЗАПОВЕДНИКОМ И МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ВЕДУТСЯ С ПЕРЕМЕННЫМ УСПЕХОМ С ПРОШЛОГО ГОДА. СЕЙЧАС АДМИНИСТРАЦИЯ СДЕЛАЛА ОТСТУПАТЕЛЬНЫЙ МАНЕВР. НО ТОЧКА ЕЩЕ НЕ ПОСТАВЛЕНА.

ров земли в центре поля, установил там главный монумент, около которого были перезахоронены останки Багратиона. Отсюда пошел будущий Бородинский военно-исторический музей-заповедник, который в 2007 году получил премию ЮНЕСКО за сохранение и управление культурным ландшафтом.

Потомки проявили неустранимость другого рода и начали строительство коттеджей. Это 10 гектаров в районе деревни Фомкино – на месте расположения французских войск; около Старого Села и поселка Венки – 8,6 и 9,4 гектара на местах действия казачьего корпуса Платова; 1,5 гектара – южнее деревни Семеновское между памятниками

2-й кирасирской дивизии и лейб-гвардии Финляндскому полку. Уже частично построено 11 коттеджей, а на 20 гектарах в результате земляных работ уничтожен археологический культурный слой боев 1812 года. Это небольшой участок, если брать во внимание, что общая площадь охранной зоны составляет 645 квадратных километров. Но это начало конца. Из 645 квадратных километров земель только 110 гектаров состоит на учете как памятник. Мы отправились посмотреть, чем сейчас потомки Кутузова воспламеняются на Бородинском поле. Просторы и природные красоты предстали такие, что в целом стало понятно, за что риэлторы предлагали участ-

ки до 7 тысяч евро за сотку с видом на батарею Раевского и Шевардинский редут. Об этом нам рассказали сотрудники Бородинского музея-заповедника. Совершенную безмятежность вносила и безлюдность: сюда приезжает всего 300 тысяч туристов в год, из них 100 тысяч – в день Бородина. Ну а то, что эти земли в 1995 году указом президента РФ включены в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия, странным образом только увеличивает их рыночную привлекательность. Сотрудники музея отвезли нас к окраине Старого Села, где стоят недостроенными семь двухэтажных деревянных коттеджей, а напротив, через дорогу, вбиты колышки – территория уже размечена под участки. «Вот тут семь домов, а вон там будет 70, если разрешат достроить все начатые 11 домов близ разных деревень, – говорит Александр Горбунов. – Сейчас идет речь о том, чтобы прекратить застройку, дальше, конечно, незаконные постройки должны быть снесены, но это уже отдельная тема». Под конец горестного осмотра я заглянула в администрацию сельского поселения Бородинское, которая, собственно, и переводила земли в новый статус – «под дачное строительство». В разгар рабочего дня главы на месте не оказалось, а ее заместитель сделала странное заявление: «Ни-

каких комментариев прессе мы не даем, потому что, во-первых, вы все равно их не напечатаете, а, во-вторых, мы ждем указания и разъяснений губернатора Громова». Каких именно, так и осталось тайной.

Спасите Бородинское поле!

Конечно, корни проблемы не только в нравственности. Тут «смешались в кучу» и особенности российского законодательства, и сложная структура земель. Казалось бы, надо отдать все в собственность музею и спросить с них со всей строгостью за леса, которыми постепенно поле зарастает, за застройки. Но так не получится. Во-первых, музеи не занимаются сельским хозяйством, пахать должны земледельцы, а значит, вопрос собственности этой земли уже спорный. Кроме ЗАО «Бородино», почти никто на территории музея землю не возделывает. К тому же по этой половине Можайского района разбросано 29 населенных пунктов, где живут люди, которые имеют право строить у себя все, что нужно. Здесь, кстати, у музейщиков нареканий нет – кроме того, что границы Семеновского были самовольно расширены за счет исторических земель. «Это было сделано росчерком пера сельской главы, без всяких согласований, – возмущается Александр Горбунов. – Такая политика наносит заповеднику огромный ущерб. У них есть воз-

можность манипулировать законодательством, потому что они не подготовили ни одного генплана ни на один из 29 населенных пунктов». Нет подробного генплана и на федеральные земли музея-заповедника, чем должно заниматься Минкультуры. Затем, по территории заповедника проходят коммуникации: железная дорога, ЛЭП и т.д., которые также лежат в ведении федеральных и муниципальных властей. Дальше – сложнее. Основная территория исторически была сельскохозяйственной, в царское время ее пахали крестьяне, затем колхозы, и это позволяло сохранять исторический ландшафт. Когда колхозы развалились, 86 участков земли отдали фермерам (тем же колхозникам) – 960 гектаров, по информации районной администрации, у которых со временем пропал энтузиазм к выращиванию помидоров и злаков. И эти земли, вполне по закону, являются возможной зоной дачной застройки.

В 1991 году была предпринята первая попытка расширить границы населенных пунктов за счет бескрайнего Бородинского поля. «Мы тогда подняли шум в прессе, – рассказывает Александр Горбунов. – И наши эмигранты, потомки участников войны 1812 года, в Париже на каком-то мероприятии положили Борису Ельцину на стол записку: «Спасите, защитите Бородинское поле!» Президент дал команду строительству приостановить и утвердить территорию заповедника, его зон охраны и особого режима содержания. Такой документ – решение Московского областного совета народных депутатов – был утвержден уже 27 мая 1992 года. Сейчас складывается аналогичная ситуация. У нас же как страна устроена: пока сверху не топнут и заместители на личный контроль не возьмут, снизу не получается истолковать закон по совести». «Ельцинский» документ черным по белому утвердил границы населенных пунктов, границы заповедника (совпадают с советскими) и запретил «строительство дачных поселков», «жилых и производственных зданий и сооружений любого рода, а также передачу земель на территории заповедника в аренду без согласия музея-заповедника».

РИА НОВОСТИ

КОЩУНСТВО ИЛИ ВАНДАЛИЗМ

На вопросы журнала «Русский мир.ru» о застройке Бородинского поля ответил губернатор Московской области Борис Громов.

– **Считает ли правительство области застройку Бородинского поля законной?**

– Конечно же, она незаконна. По всем существующим нормативам и документам нельзя там этим заниматься. Строить на костях, на народной памяти не только противоправно, но и омерзительно.

– **Когда эта застройка будет запрещена? В чьей компетенции вынесение такого запрета?**

– Сейчас Министерство культуры России по нашей инициативе – я с этим обращался к Владимиру Владимировичу Путину еще в 2009 году – ведет работу по приданию Бородинскому полю статуса достопримечательного места. Готовятся соответствующие документы. С их принятием уже никто и никак не сможет находить лазейки для строительства здесь. Пока этого нет, я как

губернатор распорядился всякое строительство там остановить. События происходят на территории области, и я считаю, что вправе это сделать. Создана специальная рабочая группа, которая строго следит за этим запретом. Она ежедневно мониторит ситуацию, принимает все меры к недопущению любого строительства. Рабочая группа будет осуществлять контроль до тех пор, пока Министерство культуры РФ в установленном порядке не утвердит границы территории музея-заповедника.

– **Будут ли снесены дома, построенные за пределами населенных пунктов?**

– Я знаю решительный настрой по этому поводу органов в области охраны культуры – снос незаконно возведенных дачных коттеджей неминуем. Это будет делаться строго по решению суда и за счет владельцев незаконных построек, что совершенно справедливо.

– **Можно ли застройку исторического поля считать развитием данного места?**

– Застройку исторического, овеянного славой места можно назвать другим словом – кощунством или вандализмом. Другое определение тут подобрать трудно.

– **Как вы лично относитесь к сложившейся ситуации?**

– Как и многие люди в нашей стране, я еще в детстве услышал об этом знаменитом поле. «Ведь были ж схватки боевые. Да, говорят, еще какие! Недаром помнит вся Россия про день Бородина!» Мы, ребята того поколения, впитывали любовь к Родине не только с молоком матери, но и вот с этими лермонтовскими строками. И вдруг, спустя десятилетия, слышишь: на поле Бородинском дачи строят! Ну какое может быть к этому отношение? Беспредел нам всем вместе нужно остановить во что бы то ни стало.

Подлежат согласованию с музеем-заповедником и проекты планировки и застройки населенных пунктов. Те же границы в 1994 году были утверждены правительством РФ. Режим продержался до 2010 года.

Исключительные действия

«О переводе части земель мы узнали из местных газет летом 2010 года, – говорит Александр Горбунов. – И начали писать письма в управление Росохранкультуры, сельскую и районную администрации, Генеральную прокуратуру РФ». Сторону музея логично заняла Росохранкультура, выявив в ходе проверки подробности дела: три дома и строительный вагончик в Венках, выемка грунта для обустройства до-

рог, признаки разбивки поляны на участки, подготовка к строительству в Старом Селе, строительство нескольких домов в непосредственной близости к береговой линии Можайского водохранилища. В 300 метрах южнее Фомкино – огороженная территория, где уже был снят грунт, заложено несколько фундаментов, построено деревянное здание. Росохранкультура заключила, что «возможны исключительные действия к сохранению объектов культурного наследия» и предложила обратиться в прокуратуру. От сельской администрации ответа не последовало. Генпрокуратура спустила решение проблем на уровень Можайской городской прокуратуры. И та 5 июля сообщила, что сельская администрация дей-

ствительно вынесла четыре постановления об изменении вида использования земельных участков, что это не согласовывалось с органами охраны объектов культурного наследия, но так как речь не идет о разрешении на строительство, «оснований для принятия мер прокурорского реагирования не имеется». «Это значит, когда будут строить, тогда будет нарушение. А пока не строят же, – поясняет Александр Горбунов. – Нам это не было непонятно, и никакому человеку не понятно, кроме того, кто заинтересован в этом лукавстве». 23 сентября 2010 года Арбитражный суд Москвы вынес решение, что администрация Можайского района не вправе распоряжаться землями в границах территории музея-заповедника, это

исключительная компетенция федеральных органов власти. Как раз к этому времени на Бородинском поле началось активное строительство. «Вот документы по Семеновскому, – показывает Горбунов. – 29 ноября одновременно четыре арендатора из Москвы, Липецка и Волгограда просят Росохранкультуру согласовать строительство домов на участках, которые уже оформлены. Комплекты документов у всех одинаковые, доверены одному человеку – господину Н.В. Гриппу из Смоленска, арендные договоры оформлены в один и тот же день. Вот ручкой нарисованы их домики, прямо на берегу Семеновского ручья, что даже природоохранные ведомства может заинтересовать. Граница населенного пункта просто проведена от руки, и даже написано, что наши памятники находятся от их домов в 100, 122, 135 и 400 метрах. Думаете, владельцы не знают об этом?» Музей снова обратился в прокуратуру, подняв

шум в прессе. И 14 декабря была завершена новая прокурорская проверка с заключением, созвучным Арбитражному суду. Следователи также нашли состав преступления в действиях «лиц органов местного самоуправления Можайского муниципального района», направили материалы на дальнейшее расследование «для решения вопроса об уголовном преследовании» и письменно предостерегли сельскую главу М.В. Склюеву. Музей писал в Росреестр, предлагая прекратить регистрацию новых сделок, «иначе начнется массовая застройка уже весной», направлял ходатайства в Минкультуры с просьбой ускорить придание всем землям музея статуса достопримечательного места (что наложит вето на любое строительство не в интересах сохранения культурного наследия). «Нам пришлось писать письма даже в милицию, чтобы остановить работу, и благодаря этому письму, как ни странно, работы в Семеновском

были остановлены», – говорит замдиректора по науке Бородинского музея-заповедника.

Вынести в природу

Глава Можайского района Дмитрий Беланович, устав от нападков прессы, не поленился назначить мне встречу на полях Бородина, чтобы доказать, что никаких застроек нет. «Ну что, вы где-нибудь видите застройки? – спросил он. – Мы находимся в центральной части музея-заповедника, это – Спасо-Бородинский монастырь, за теми кустами – Шевардинский редут. Мы сейчас с вами проедем хоть по всему Бородинскому полю вдоль и поперек и не увидим ни одного элитного коттеджа. И их здесь никогда не будет. Когда я слышу о стоимости этих участков по 200 тысяч рублей за сотку, просто смех берет». Поехали. Элитного действительно ничего (кроме местоположения, конечно). А по столичным меркам скромненькие двухэтажные дома – как были, так и есть.

– Дмитрий Михайлович, кому же верить? В музее говорят, вы самовольно двигаете границы населенных пунктов, меняете статус земель. Вы утверждаете обратное.

– Я компетентно заявляю, что границы населенных пунктов на территории музея-заповедника никогда не менялись – такое решение может выносить только губернатор, а он этого не делал. Процедура перевода земель под дачную застройку существует на территории всей Российской Федерации. Закон позволяет это делать.

– Позволяет, к сожалению. Но ведь речь идет об особом месте...

– Чтобы это место стало особым, руководству музея и Министерству культуры эти земли надо оформить нормально: определить зоны, статус, очертить границы и так далее. Земли музея сейчас – это 120 гектаров, на них никто не строит. Все остальное у них с начала 90-х – в вечной стадии оформления. Мы совместно с музеем подняли вопрос о том, что по таким случаям нет единого законодательства, что нужно все документы привести в соответствие. Эти проблемы должна была решить Росохранкультура, но орган не исполнял своих полномочий. К слову, музей, по моей информации, уже давно никакой научной работой не занимается и вместе с бывшими сотрудниками Росохранкультуры этим скандалом пытается прикрыть свое бездействие. Музеем выгодно шуметь, надеясь, что журналисты не станут вникать в бумажные подробности, у них накануне 200-летия битвы будет шанс отвлечь внимание от того, что семнадцать лет они не хотят закрепить за собой законное право на земли. А для района Бородинское поле – важное место, и нам обидно, когда о нас публикуют такую однобокую преувеличенную информацию.

– Семь коттеджей в Старом Селе – преувеличение?

– Всех журналистов возят только туда. Там строительство ведется на частной земле. Собственнику никто не может этого запретить. Музей даже свои 120 гектаров не может со-

держивать надлежащим образом. Когда здесь проводятся реконструкции Бородинской битвы, муниципалитет за свой счет косит траву, рубит кустарники и т.д. Здесь вообще нет никакого развития. Правда, только в феврале внесли поправки в Закон о музеях, и только теперь музеи-заповедники могут вести самостоятельную хозяйственную деятельность. Не знаю, как они воспользуются этим правом. Сегодня здесь нет ни одного гостиничного комплекса, ни одного комбината питания, ни проката хотя бы велосипедов, тут пешком на тысяче га не набегашься. Вы лучше руководство музея спросите, чьи это четыре дома стоят по ту сторону монастыря. Там руководство музея несколько лет назад построило себе дома – между прочим, ни с кем не согласовав.

– И все-таки – о границах охранной культурной зоны. В решении областного совета народных депутатов 1992 года они есть.

– На бумаге – есть. Это выглядит как описание словами: «по северной границе населенного пункта идет...» А надо к местности привязать, то есть вынести в натуру – это делают специализированные геодезические организации, которые ходят со специальными приборами, привязывают границы к координатам, чертятся карты, схемы, описываются статус и режим использования и т.д. Этого – нет. Как такие проблемы решаются за рубежом? В том же Ватерлоо территория составляет всего 1200 гектаров, но она ухожена до блеска.

– Предлагаете уменьшить размеры Бородинского поля?

– Надо развивать территорию. Все-таки до нас даже из близлежащей Москвы ехать три часа, а представьте еще – с детьми. Тут на всей территории только один туалет, около музея, и тот уже представляет собой историческую ценность. Надо разграничить, где какая территория, где более историческое место, где менее...

– Что такое «более историческое место»?

– Где происходили военные действия, в центральной части поля, а не где проскакала конница Платова, к примеру. Думаю, в 30 километрах от центра уже менее привлекательно. «Более» и «менее» должно определять Министерство культуры РФ, что называется зонированием. И там указывается, что на какой территории можно делать, а чего нельзя. Мне сказали, что Минкультуры провело конкурс на эти работы и даже выбрало организацию-победителя, но конкурс выиграла организация, которая этим никогда не занималась. Хотя в Московской области есть Научно-исследовательский институт землеустройства и градостроительства, занимающийся генпланом районов. Их директор недавно мне ответил, что Росохранкультура или Минкультуры по поводу межевания земель и выноса в натуру даже не обращались.

После встречи с главой района картина современной бородинской битвы предстала во всем уродстве. Делать музей-заповедник пригодным для посещения, безусловно,

надо. Но и застраивать дачами все, что дальше 30 километров, нельзя. Может, в другой стране и можно – у них жить иначе негде, а мы то чего? Да и с чувством меры у настоящего русского не очень.

Дело нужное

Я призвала к ответу Александра Горбунова: так чем занимается музей? Он показал последние альбомы, мы прогулялись по двум последним экспозициям – одна посвящена Великой Отечественной войне, другая состоит из портретов героев «Войны и мира» Льва Толстого. Пожаловался на ограниченное финансирование и рассказал о реставрации монументов с укреплением фундаментов и программе развития территории музея, которая еще не утверждалась на федеральном уровне. В реализации программы музей рассчитывает исключительно на государственное финансирование. «Заработать нереально, – говорит Горбунов, – а инвесторов найти не получается. Тут дело тонкое. Инвесторы хотят землю в собственность, а мы ничего им дать не можем. Плавное для нас – сохранить уникальный исторический ландшафт на всем поле сражения».

Сейчас в селе Бородино строится дворцово-парковый ансамбль на месте дворца, построенного для Николая I. Дворец был деревянным, и от него не осталось ничего, по контуру фундамента строится новое кирпичное здание – правда, музейщики настаивают на слове «воссоздается». Там будет фондохранилище, информационный центр, библиотека, дирекция, залы для выставок из других музеев. «С этой стройкой нам палки в колеса вставляют, – расстраивается Горбунов, – не хотят убирать отсюда полуразвалившийся фельдшерский пункт, который логично перевести в Горки, территория там есть».

В музее разработан проект музеефикации центра Бородинского поля. Около батареи Раевского, в центре расположения русской армии, появится сквер «Недаром помнит вся Россия», где на гранитных плитах будут перечислены названиях всех, более сотни, участвовавших в битве полков армии Кутузова. В этих названиях отражена география всей России, сражавшейся с наполеоновскими войсками в 1812 году, от Прибалтики до Сибири. Центром комплекса станет братская могила

неизвестных российских воинов, найденных при археологических раскопках. В музее, что находится здесь же, будет развернута экспозиция «Славься, век Бородино!». В ней впервые будет показано несколько тысяч археологических находок, новый макет поля сражения с мультимедийной программой, недавно приобретенные экспонаты – карта сожженной Москвы, ранний портрет Наполеона. Другой мемориальный комплекс – «С Россией билась Европа», с названиями полков Великой армии, – будет создан в Шевардинском парке, в районе сосредоточения главных сил Наполеона.

Что касается научной работы, то сейчас коллектив музея заканчивает работу над атласом Бородинского поля, где впервые будут собраны все картографические и изобразительные материалы по всем памятникам музея-заповедника. Идет поиск издателя, оригинал-макет делается совместно с Институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. В планах – электронный путеводитель, когда человек в наушниках ходит по полям и слушает запись экскурсии, – привязка к местности будет происходить через спутниковую GPS. «В общем, вся эта история с застройкой сильно выбивает коллектив из рабочей колеи, – говорит Александр Горбунов, – вместо того чтобы делом заниматься, бумажки пишем. Но этим заниматься необходимо, построить поле – значит его уничтожить».

За последнее время наметились позитивные сдвиги в бородинском вопросе. 2 февраля глава Можайского района Дмитрий Беланович отменил свои постановления о предоставлении частным лицам в аренду на 49 лет четырех участков под дачное строительство южнее деревни Семеновское. При губернаторе Московской области создали специальную комиссию, которая целенаправленно займется решением бородинского вопроса. Туда войдут специалисты различных ведомств, включая Росреестр, градостроительные органы, сотрудники Минимущества, Минкультуры, муниципальных властей, Бородинского музея. «У нас уже состоялась первая встреча, – говорит Горбунов, – общий настрой мне понравился». ■

ПЛАН ПО ПАМЯТИ

**МИХАИЛ
БЫКОВ**

ПОСЛЕДНИЕ ИЗЫСКАНИЯ ЖУРНАЛА «ФОРБС» НА ПРЕДМЕТ МИЛЛИАРДЕРОВ ДАЛИ УДИВИТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ОКАЗЫВАЕТСЯ, ТАКОВЫХ В МОСКВЕ ЧИСЛИТСЯ 79 ЧЕЛОВЕК. В ЗАШТАТНОМ НЬЮ-ЙОРКЕ ИХ ВСЕГО-ТО 58...

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ, как говорил хрипловато-проникновенный голос Ефима Копеляна за

кадром в сериале «Семнадцать мгновений весны». Размышлять – это в традициях русского человека. Вероятно, потому, что поводов к этому процессу русская жизнь всегда предоставляет в избытке.

На сей раз повод дает ситуация, сложившаяся на территории Бородинского военно-исторического музея-заповедника. Там, на поле русской воинской славы, на совершенно законных – в данный момент – основаниях российские граждане строят себе жилье. Что поделаешь, страна маленькая, больше нигде.

Есть устоявшаяся точка зрения, что история нашей страны – это война с редкими перерывами на мирную жизнь. Мы на самом деле воевали часто. Но давайте посмотрим, насколько часто на собственной территории.

Что касается Раннего Средневековья, то подобная постановка вопро-

са в принципе некорректна. Потому как границы княжеств менялись почти с той же частотой, что и князья. Особняком стоит трехвековой опыт ордынского нашествия и его же присутствия. Но если уж выделять масштабные военные события той эпохи, то это – поход князя Дмитрия Московского, завершившийся Куликовской битвой.

В период Московского царства – это Смутное время, апофеоз которого – захват столицы польскими отрядами и изгнание оных в 1612 году. Даже Северная война, два десятка лет тянувшаяся в царствование Петра Великого, проходила по большей части за пределами тогдашних наших границ. А место ее главного события – Полтавской битвы – и сегодня находится за рубежами России.

Далее – Отечественная война 1812 года. Тут уж – ни дать, ни взять: от Смоленска до Москвы.

Восточная (Крымская) война 1853–1855 годов зацепила нашу территорию в разных точках по самому краю. И Крым, где развивались основные события, сейчас тоже за граница.

Кавказская война длилась с полвека, в основном на землях, входящих в состав Российской Федерации. Но полномасштабной войной назвать эти боевые действия все-таки затруднительно. Регулярная армия сражалась с горцами в «партизанском режиме».

В XX веке, если не брать новейшее время, мы пустили серьезного врага на наши земли дважды – в Первую мировую и в Великую Отечественную. А с 1918-го в Гражданскую войну на четыре с половиной года сами себе стали врагами. Смертельными.

Итого – в многовековой период полноценной русской государственности мы крупно воевали в своих пределах не более десятка раз. Сдается, Европе в этом смысле повезло куда как меньше.

Получается, наши предки поспособствовали тому, чтоб у нас имелось не так уж много поводов к устройству на территории страны военных мемориалов федерального значения. Куликово поле, Бородинское поле, Мамаев курган в Волгограде, Прохоровское поле на Курской дуге... Список не столь уж длинный. И, наверное, такому государству, как Россия, не нужны десятилетия, чтобы принять достойные законы по охране этих территорий. А власть не нуждается в долгих раздумьях по поводу регулярного выделения достойных средств на их обустройство.

Написал в утвердительном ключе и тут же усомнился. Происходящее на Бородинском поле и дискуссия вокруг ситуации с возможным обрушением статуи Родины-матери в Волгограде заставляют думать иначе.

Если попытаться составить рейтинг ошибок и нелепостей нынешней российской власти, я бы на первое место поставил вовсе не чехарду с Налоговым кодексом, не коррупцию, не реформу образования, уничтожающую образование. Даже – не дороги. И – не дураков. На первом месте этого хит-парада – юность нашей власти. Что объективным образом снимает с нее ответственность за многое. Как там говорится: если бы юность умела? Отсюда – синкопы и скачки из стороны в сторону, отсюда – невыполнимые обещания и ненужные

поступки. Отсюда – долгие дискуссии и короткая память!

Хорошее дело принятый закон о городах воинской славы? Конечно, хорошее! И с юношеской увлеченностью у нас приступили к постоянному процессу пополнения списка. Молодые – они всегда щедры и никого не хотят обидеть. Обижают, правда, но опять-таки по юности лет этого не замечают.

После президентского указа от 4 ноября 2010 года перечень городов воинской славы достиг 30 наименований. И в день празднования 66-й годовщины Великой Победы наверняка вырастет еще. А там не за горами 200-летие Победы в Отечественной войне 1812 года. На очереди – Малоярославец, Боровск, Можайск...

Но вернемся к списку уже отмеченных городов. Среди них – Ржев, Ельня, Великие Луки, Вязьма, Калачна-Дону, Лута, Козельск, Елец... Интересно, кто-то из больших на-

чальников хотя бы недельку пробовал пожить в этих овечьих славы местах? Без охраны, без спецсвязи, без государственного содержания? Боюсь, предполагаемые впечатления вряд ли удалось бы состыковать со славными боевыми традициями, родившимися в этих городах. Как говорится, если уж даришь кошелек, то не забудь положить в него денежку. В списке значится и Кронштадт. Далеко не глубинка, купол Морского собора в хорошую погоду виден из Петергофа. До Северной столицы – час на машине и полтора десятка миль – по заливу. Военная база Балтийского флота получила статус города воинской славы более чем заслуженно. И прогремели салюты, и прозвонили колокола. И все, кто нужно, сказал строгие и прочувствованные речи на Якорной площади у памятника адмиралу Макарову.

Но хочется спросить: как быть с памятниками, олицетворяющими во-

инскую славу Кронштадта? Я – о цепочке фортов, охранявших подступы и к самой базе, и к Петербургу многие десятки лет. Эти форты строились прекрасными архитекторами и инженерами начиная с XVIII века. И задуманы были не только как фортификационные сооружения, но и как образцы военно-инженерного искусства. Не случайно в 1990 году систему морских фортов Кронштадта включили в объект Всемирного наследия «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним комплексы памятников». Прошло двадцать лет. Уже в этом веке власти Питера приняли решение передать форты частным инвесторам. Но... Недавняя проверка прокуратуры Кронштадтского района Петербурга показала, что арендаторы – ЗАО «Морская лига», ООО «Седьмой северный форт», ООО «Проектно-строительная компания «Стройреставрация», городской центр «Контакт» и даже ФГУ «Государствен-

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

ный комплекс «Дворец конгрессов» – взятые на себя обязательства по реставрации фортов не выполнили. Будто без прокуратуры не видно. Для того чтобы убедиться в этом, не надо бегать по сомнительной прочности льду Финского залива. Интернет пестрит фотографиями фанатов экстремального туризма, облюбовавших форты для пикников и граффити. Казематы превратились в наркопритоны. А «черные» копатели все еще находят тут раритеты и цветные металлы. Нынешний вид фортов – позор не только для города воинской славы Кронштадта и города-героя Петербурга, но и для всего нашего не самого бедного государства, гражданами которого являются и те 79 москвичей, что удостоились особого внимания «Форбс». Кстати, о москвичах. Понимаю, многие представители столичной власти люди, само собой, взрослые, но вот москвичи они – молодые. И это роднит их с представителями власти федеральной.

А стало быть, опять налицо – ошибки молодости. Но вот что интересно: при старой городской власти 7 процентов столичных памятников, посвященных персонам, увековечивали образ вождя мировой революции Ульянова-Ленина, в среде скульпторов на профессиональном сленге именуемого почему-то «Лукичом». И за последние полгода ничего не изменилось. Как равно ничего не изменилось в вопросе о возвращении Москве памятника генералу Михаилу Скобелеву, поставленного в 1912 году на народные деньги посреди Тверской площади на том самом месте, где сейчас сидит на княжеском жеребце Юрий Долгорукий. Сколько лет муссируется эта тема, а все никак не найдут места прославленному русскому генералу, которого, не в пример Родине, чтут в далекой и сильно охладевшей к нам Болгарии. Три года назад информагентство «Лента.ру» сообщило было, что уже в 2009-м памятник поставят в Ильинском

сквере напротив комплекса зданий Администрации президента, а деньги на это выделит мэрия Москвы. Однако ж гренадеры-герои Плевны на Китай-городе по-прежнему без своего любимого командира. Но что Скобелев! В конце концов один из самых ярких русских военачальников XIX века не в Первопрестольной родился. И ее от врагов не освобождал. Умер в Москве при печальных обстоятельствах – так сие не повод памятники ему ставить. Вот «Лукич», он – другое дело, почти в каждом доме в центре города отмечился. Прямо как пес территорию метил. Кто уж точно Москву освобождал, так это князь Дмитрий Пожарский. И, отдадим должное, памятник ему и соратнику его нижегородскому гражданину Кузьме Минину стоит в самом центре – на Красной площади. По соседству с Лобным местом. И национальный праздник в честь спасителей земли русской в Смутное время у нас появился. Почему же тогда забыт старый столичный

адрес – улица Большая Лубянка, дома №14 и 16? Здесь целый квартал принадлежал в первой половине XVII века князю Пожарскому. Известно, что 19 марта 1611 года на против собственного дома, у церкви Введения Богородицы в Псковичах, князь оперативно построил небольшой острог и вел бои с польскими оккупантами. Здесь же в своем владении Пожарский и скончался в 1642 году. Предание гласит, что перед смертью его навещил царь Михаил Федорович. Ныне дом №16 принадлежит ФСБ, и посетить его, по понятным причинам, невозможно. И будь на здании памятная доска, возложить цветы спасителю Москвы простым гражданам тоже не удалось бы. К дому №14 приблизиться еще более затруднительно. Итак, 7 процентов одних Лениных, и ФСБ по месту жительства князя Пожарского.

А что если хоть часть процента демонтировать и на этом месте воздвигнуть мемориал участников и жертв Гражданской войны? Например, на площади Калужской Заставы, где монументальный «Лукич» появился уже в перестройку. Напротив, кстати, головной офис Министрства внутренних дел. Двойная польза будет. Наши новорожденные полицейские, глядя на мемориал, посвященный Гражданской войне, лишний раз за стволы хвататься не станут. И Владимиру Ульянову нравственное облегчение выйдет. Все ж таки звать народ в дорогу, ведущую к коммунизму, на глазах у полицейских чинов чревато. Не то что раньше, под прикрытием родных милиционеров. Ужо Ильич-то знает.

Нельзя утверждать, что у нас все плохо. Мемориал на Куликовом поле выглядит достойно. И новый комплекс на поле под Прохоровкой – тоже. И Пискаревское кладбище в Петербурге рвет душу.

К стеле на Богородицком поле километрах в двадцати от Вязьмы и неподалеку от грибоедовской усадьбы Хмелита летом приносят ромашки подростки из соседней деревни. А зимой они сбрасывают снег с серых бетонных ступеней, чтобы всякий мог пройти и поклониться. Тем тысячам окруженных врагом московских добровольцев и солдат регулярных частей Красной армии,

что погибли здесь в октябре 1941-го в вяземском котле, остановив на три недели наступление танко-крестоносцев группы «Центр». Так, из 3330 бойцов 2-й дивизии московского ополчения, пошедших на прорыв, из кольца вырвались только 33 человека.

Цветы лежат у тысяч памятников по всей России. Их приносят люди. Так и должно. Вот только слишком часто стали падать золоченые буквы с надписей на постаментах. И слишком много кривых трещин на плитах.

Даже там, где не веяли вековые ветры и не рушилось от времени или бомб построенное ранее.

1 марта 2011 года «РИА Новости» сообщило, что строительство военного мемориального кладбища рядом с подмосковными Мытищами идет по плану. И следом привели слова начальника управления Минобороны РФ по увековечиванию памяти погибших генерал-майора Кирилина. А генерал сказал, что изначально предполагали открыть мемориал к 65-летию Победы, то есть 9 мая 2010 года. Но сроки работ оказались сорваны. Президент страны решил открыть кладбище 1 июня 2011 года, но, скорее всего, это случится 22 июня.

Действительно, все – по плану!

Да, вот еще: окончательно работы будут завершены к 15–20 декабря. А в будущем, по словам директора мемориала Василия Руденко, построят крематорий и храм.

Это же в каком-то будущем?

От себя напомним, что разработка идеи «русского Арлингтона» началась как минимум в 2003 году. У меня по этому поводу и документы имеются. Ребята, восемь лет прошло! Впрочем, уже говорилось о том, что власть в новой России молода. За нее, конечно, опытные люди побеспокоились – 30 мест на национальном военном кладбище зарезервировано для первых лиц государства с расчетом, по словам специалиста Руденко, на двести лет. Априори военные герои. Но сама власть с кладбищем явно не торопится.

И последнее. Может, пригодится кому. На Руси сначала строили храм, а уж потом погост при нем. Ну и – крематорий в некоторых случаях.

На Дворцовой площади Петербурга стоит Александровский столп,

памятник царю-победителю Наполеона Бонапарта, символ военной мощи Российской империи. Несколько лет назад власти Питера решили устроить на Дворцовой площади каток. Ну, где еще? В первую же весну, когда каток разобрали, обнаружилось, что пропали металлические орлы, венчавшие невысокую решетку вокруг колонны. Не все, конечно. Но много. Замечу, они не навинчивались на штыри, а были когда-то приварены крепко-накрепко. Сильные, видать, желания двигали любителями покататься.

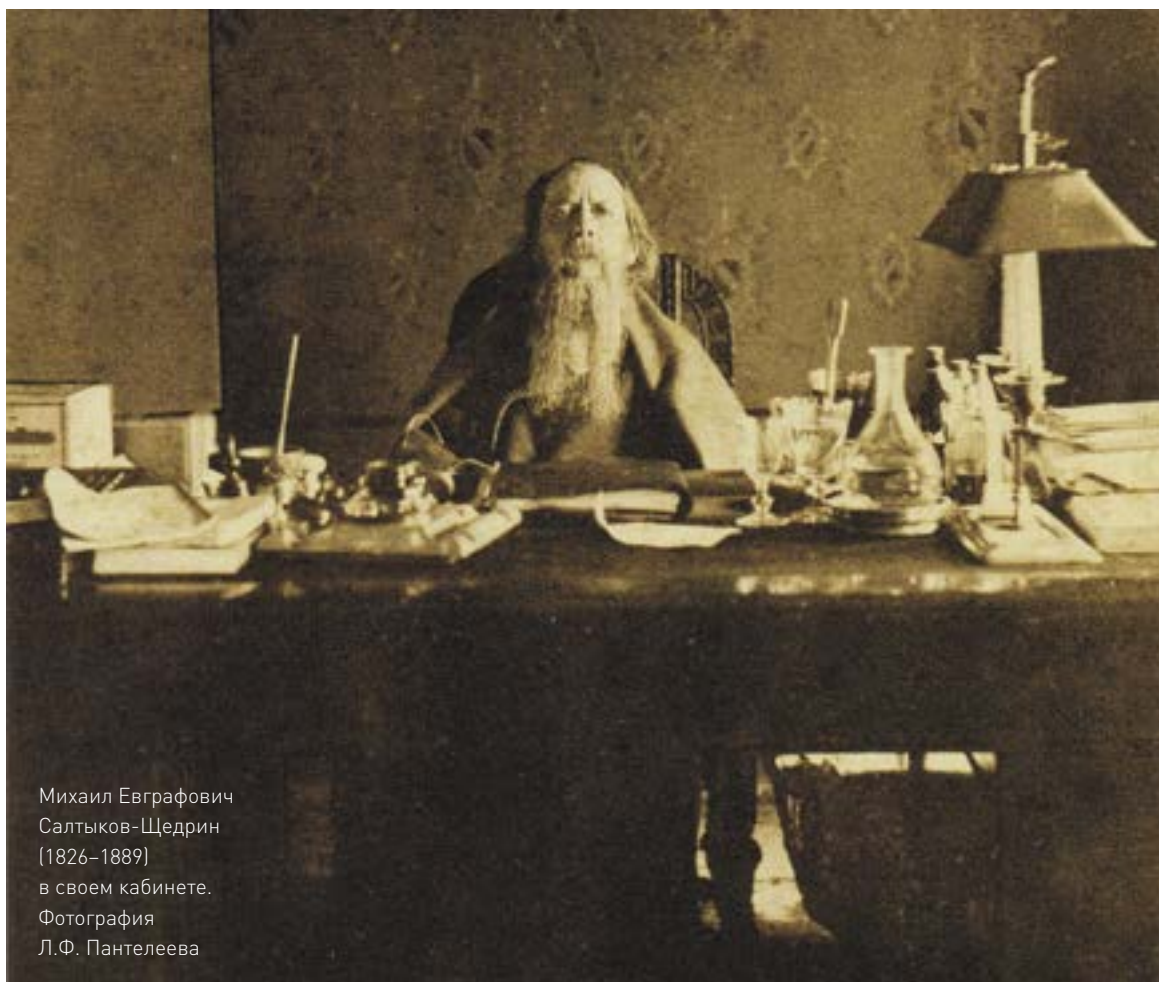
Отношение к военным памятникам – это критерий, по которому можно смело судить о зрелости общества. В запредельно либеральной Британии ни на минуту не забывают пропагандировать права человека. Что как не война является главным ущемлением этих прав? Но в самом центре английской столицы хватает монументов, напоминающих о военных подвигах солдат королевства и о трагедийной сущности войны. Один из самых удивительных памятников я видел на улице Уайтхолл, метрах в пятистах от Вестминстера. Он посвящен женщинам Второй мировой войны. На темном камне, как на вешалке в прихожей, – черно-бронзовые женские пальто, комбинезоны, куртки, шляпки, каски, мешки с противогАЗами. Как видно, одно другому не мешает. Это я про память и права человека. Виноделам Шампани и фермерам Лотарингии не мешает то, что на территории этих французских провинций расположены военные мемориалы и огромные кладбища, связанные с Первой мировой войной. Один комплекс под Верденом у форта Дуамон чего стоит! В буквальном смысле – сотни гектаров плодородной земли. Но строил и экскаваторов что-то не видно. Видны тысячи людей, исправно приезжающих на место жутких боев 1916 года, растянувшихся с февраля по декабрь и унесших жизни сотен тысяч французских, немецких и британских солдат.

Эти люди едут на Верденский мемориал не потому, что патристичнее нас с вами. Они едут потому, что там им ничто не помешает быть патристами. ♣

НЕПРОЧИТАННЫЙ

ИРИНА
ЛУКЬЯНОВА

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН СО ШКОЛЬНЫХ ЛЕТ ТАКИ ОСТАЛСЯ ДЛЯ НАС ЯДОВИТЫМ СКАЗОЧНИКОМ. В ЧИСЛО «ВЕЛИКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ЗЕМЛИ РУССКОЙ» НЕ ПОПАЛ, ЕДВА НЕ КАНУЛ В ЛЕТУ ВМЕСТЕ С ПРОЧИМИ РАДЕТЕЛЯМИ ГОРЯ НАРОДНОГО. ОН, КАК И НЕКРАСОВ, ОДИН ИЗ ТЕХ ПИСАТЕЛЕЙ, ЧЬЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ СУДЬБУ ОПОШЛИЛО СОВЕТСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. БЛАГО ВЫДАТЬ ЗА СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ ГНЕВ, ТОСКУ И ВОЗМУЩЕНИЕ ТЕМ, КАК ГЛУПО ВСЕ УСТРОЕНО, – РАЗ ПЛЮНУТЬ.

Михаил Евграфович
Салтыков-Щедрин
(1826–1889)
в своем кабинете.
Фотография
Л.Ф. Пантелеева

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА МЫ не знаем: не прочитали. Остались в памяти только мужик, который двух генералов прокормил, дикий помещик да премудрый пескарь с карасем-идеалистом. Некоторые еще помнят «органчик» из «Истории одного города». И все. Остальное прошло мимо. В истории литературы он считается представителем маргинального жанра – сатиры, и великие ровесники (Достоевский на пять лет старше,

Толстой на два года моложе) заслонили его своими могучими спинами. К Салтыкову-Щедрину и ученый читатель обращается затем только, пожалуй, чтобы покопаться в истории города Глупова и извлечь актуальную цитату, каковых там не счесть. Глупов-то стоит, что ему сделается: пережил новые исторические времена, от которых сохранил памятник Ленину и пятиэтажки, а ныне весь обвешался рекламой и градоначальника обозвал мэром.

Мрачный лицеист

Миша Салтыков был шестым ребенком в дворянской семье; после него родились еще двое. О своем детстве и семье он подробно рассказал в «Пошехонской старине», хотя и извещил в самом начале, что не следует его смешивать с рассказчиком, Никанором Затрапезным. Смешивать не стоит, но и отделить трудно: известные документальные свидетельства о семье Салтыковых в мелочах совпадают с историей семейства Затрапезных. Отец, Евграф Васильевич, был серьезным сорокалетним мужчиной, когда женился на пятнадцатилетней купеческой дочери Оле Забелиной. Молоденькая помещица сначала весело пела с дворовыми девками, потом посерьезнела: стала одного за другим рожать детей и заниматься хозяйством, и уж как занялась – никому, как говорится, мало не показалось. Прижала к ногтю золовок, прибрала мужа под каблук, учредила жесткую экономию, чтобы сделать хозяйство прибыльным и разбогатеть.

Разбогатеть ей удалось довольно скоро, однако сэкономила мать на всем, даже на еде: детей в доме кормили мало и невкусно, обычно вчерашними и позавчерашними остатками; вечно голодного Мишеньку иногда подкармливала его кормилица-крестьянка. В одном из писем отец просил мать не наказывать детей слишком часто. Салтыков-Щедрин вспоминал, что когда старшие дети учились, в доме постоянно был слышен плач. Отец отстранился от домашних дел, по большей части сидел в кабинете и читал духовную литературу, мать занималась хозяйством, которое составляло ее единственную страсть. Это была женщина с незаурядными организаторскими способностями, сильная, властная, энергичная, но вся ее энергия уходила в скопидомство. Среди восьмерых детей у нее были любимчики (к их числу принадлежал и Миша) – им всегда перепадал лучший кусок, их меньше наказывали. Дети ябедничали друг на друга (тогда говорили – наушничали),

жили не мирно между собой, и материнское деление детей на «постылых» и «любимчиков» аукнулось уже взрослыми ссорами и тяжбами. Эту семью не держала никакая любовь, не освещала никакая поэзия.

Дети привыкали быть барчуками и помыкать крепостными, Миша тоже прошел через все соблазны дворянского детства. Перелом случился, когда он начал учиться и прочел Евангелие. Тогда не только наполнились смыслом привычно-непонятные церковные службы, но и вся жизнь будто осветилась пониманием: все не так, все должно быть иначе. Евангельское чтение дало подрастающему мальчику остро необходимый душевный компас.

Учение Миши Салтыкова носило характер бессистемный – его некоторое время учил крепостной художник Павел, затем священник из соседнего прихода, затем старшая сестра, не скупившаяся на физические наказания, а более всего он учился сам по учебникам, оставшимся от старших: мать, которой надо было выучить многочисленное потомство, сэкономила на учителях. В 10 лет Миша поступил в Московский дворянский институт и остался жить в Москве на пансионе. Мальчиком он был мрачным и угрюмым, друзей имел мало, а казенное заведение с порками по субботам навевало на него тоску. Учился он старательно (больше всего полюбил внезапно открывшуюся для него литературу – до сих пор он почти ничего не читал) и через два года удостоился права перевода в Царскосельский лицей на казенный кошт. Миша сначала отказался от такой чести: он мечтал поступить в Московский университет, выпускники института могли продолжать в нем обучение. Мать, однако, вынудила его согласиться.

Лицей, куда Салтыков поступил в 1838 году, был уже не таков, как при Пушкине: его перевели в военное ведомство, учредили в нем новые порядки, даже маленькие комнатухи, где ранее жили воспитанники, ликвидировали, устроив общие спальни. Однако само Царское Село, еще живо помнившее юного Пушкина, сами лицейские стены дышали поэзией – и Салтыков, естественно, поддался соблазну писать стихи. Восемь лицейских

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ольга Михайловна Салтыкова, мать писателя

Евграф Васильевич Салтыков, отец писателя. Миниатюра неизвестного художника

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Миша Салтыков в раннем детстве. Портрет работы крепостного художника Льва Григорьева. 1827 год

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Усадьба Спас-Угол, дом, в котором родился писатель. Акварель Д.Н. Афанасьева

Царскосельский лицей. Первая половина XIX века

стихотворений потом, в 1844 году, даже были опубликованы в журнале «Современник» – пушкинском журнале! Стихи были средненькие и говорили обычно о тоске и смутности духа – привычном душевном состоянии юноши. В лицее Салтыков держался особняком и не отличался хорошим поведением (в вину ему ставили курение, грубость, неопрятность в одежде и писание стихов; стихи он прятал в сапоге). Там же он познакомился со старшеклассником Петрашевским, будущим заговорщиком, и, когда тот окончил лицей, стал бывать у него в гостях. Лицейстам по выходным разрешалось выезжать в Петербург; Салтыков ездил к брату, к Петрашевскому, к Языкову, с которым познакомился через журнал «Библиотека для чтения», опубликовавший его стихи. Так он вошел в литературные круги; Авдотья Панаева за-

помнила его мрачным, вечно молчащим юношей. Шло начало 40-х годов – время не столько литературы, сколько литературной критики. Литература в эти времена (поэт в России больше, чем поэт, да) заменяла и отсутствующую философскую школу, и социологию, и публицистику, и парламент. Именно здесь шли главные идейные битвы, здесь царил Белинский, и молодой Салтыков живо участвовал в обсуждении главных вопросов – и в литературных кругах, и в кружке Петрашевского, где он заинтересовался теорией Фурье.

Ссылный

В 1844 году Салтыков вышел из лицея в чине коллежского секретаря (более успешные ученики выпускались титулярными советниками) и поступил на службу в Военное министерство. Служил мелким чинов-

ником, занимался скучнейшей перепиской, на досуге развлекался театрами, цирком, кутежами, на которые, впрочем, не хватало средств, пристрастился к итальянской опере. Стихи писать перестал, начал пробовать себя в прозе: в 1847–1848 годах журнал «Отечественные записки» опубликовал две его повести: «Противоречия» и «Запутанное дело» (как характерны названия, как старается молодой чиновник понять, почему же так странно, непутево устроена жизнь вообще и жизнь в России в частности). Вторая повесть вышла уже после революции во Франции – и потому стала судьбоносной для Михаила Салтыкова. В России начали спешно закручивать гайки, опасаясь повторения французских событий, и повесть, где непонятно почему в богатом российском государстве умирает с голоду никому не нужный маленький человек, вызвала бурный гнев начальства. Молодой чиновник Салтыков за вольномыслие был сослан в далекую северную Вятку. Сам он воспринял эту ссылку как катастрофу: едва только встал на ноги, начал печататься, едва утвердился в литературе – и ссылка непонятно куда, непонятно зачем. Семья много раз принималась хлопотать о ссыльном и неизменно получала отказы; на прошениях царь самолично дважды начертал: «Рано». Раз уж оказался здесь, постарайся принести своей службой пользу отечеству, сказал себе ссыльный и засел за бесконечную бумажную работу: разбираться в мелких следственных делах о пропажах, недостачах, утратах и злоупотреблениях. Днем работал, вечером пил от тоски. «Скучно! крупные капли дождя стучат в окна моей квартиры; на улице холодно, темно и грязно; осень давно уже вступила в права свои, и какая осень! Безобразная, гнилая, с пронизающею насквозь сыростью и вечным туманом, густою пеленою встающим над городом...». Способного молодого человека начальство заметило и стало ему поручать все более сложные и серьезные дела, требующие постоянных разъездов по губернии. Некоторые из них были не просто сложны, но и опасны: вспомнить хотя бы попытку Салтыкова усмирить крестьянский бунт – разгневавшись,

М.Е. Салтыков-Щедрин

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вятка,
Вознесенская
улица. Дом Раша,
где в годы ссылки
жил М.Е. Салтыков-
Щедрин

Мишино увлечение литературой матушка тоже считала вредным – даже тогда, когда имя Щедрина (под этим псевдонимом были изданы «Губернские очерки») узнала вся читающая Россия.

Салтыков поступил на службу – стал чиновником для особых поручений. Особые поручения были неприятными: расследования злоупотреблений при сборе ополчения на Крымскую войну. Злоупотребления вскрылись масштабные, работа была проделана огромная, людей встречено множество... И все эти искривленные, страшные и жалкие в своем безобразии и несчастии люди хлынули толпами на страницы «Губернских очерков» – страшный салтыковский коктейль, гремучая смесь жалости, презрения, негодования, любви, тоски и желчи. Видеть это все и не стонать от ужаса и тоски – невозможно для человека думающего и чувствующего.

О Салтыкове вспоминали, что мог стонать от тоски и рычать от гнева; тоска всю жизнь так трепала его, что были периоды, когда он плакал по любому поводу. С молодости у него было больное сердце, настолько больное, что и врачи не понимали, как он жив еще; с годами добавлялось все больше болезней, врачи отсылали его за границу поправлять здоровье, там ему все не нравилось, все раздражало, особенно колола глаз праздная курортная русская публика. Не все ладно складывалось и с женой, выросшей в светскую даму, – разве что дети, поздние и горячо любимые, были отрадой, но и над ними он дрожал, за них боялся. Он дослужился уже до вице-губернатора – сначала в Рязани, затем в Твери. И там, и там пытался по-новому, правильно и умно организовать работу, работал чуть не круглосуточно, искоренял взяточничество, вводил среди подчиненных такую дисциплину, что один из них печатно, хотя и не называя имен, упрекнул его в пренебрежении к человеческой личности, в самодурстве – в тех самых пороках, которые пишущий вице-губернатор так ненавидел в других. Что сделал Салтыков? Отыскал через редакцию журнала автора, явился к нему сам домой и искренне благодарил за справедливый упрек.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка «Дела
III Отделения
о высылке
Салтыкова
в Вятку».
1848 год

Особые поручения

Со смертью Николая I и воцарением Александра II закончилось «мрачное семилетие» удушения всяческих свобод. Воскресли надежды: очередное прошение о возвращении Салтыкова из ссылки было удовлетворено, и в 1855 году он вернулся – уже не молодой и смятенный, а взрослый, усталый, много передумавший и переживший, почти тридцатилетний.

Вскоре он женился на юной Лизе Болтиной – барышне, которую он узнал в Вятке еще девочкой и чьего взросления терпеливо ждал. Матушка Ольга Михайловна была крайне недовольна женитьбой сына на бесприданнице: воспринимала ее как катастрофу, как личное оскорбление, призывала на голову сына «казнь и гнев Божий». Семейные связи, и до того некрепкие, рухнули – мать вместо поездки в Москву, где венчались молодые, демонстративно уехала в Петербург к старшему брату, Дмитрию. Все неладно, неустроенно было в этой семье: ядовитые шепоты за глаза, забота о карьере и богатстве, ожидание смерти старшего поколения и возня вокруг завещаний; все это нашло потом отражение в «Похехонской старине» и «Господах Головлевых» – мучительная, бессмысленная, разрушающая душу жизнь, ни капли любви, ни на грош поэзии.

он едва не вызвал карательную команду, а обдумав дело, заступился за крестьян. Были дела, связанные с изучением раскольников и расследованием связей старообрядцев с фальшивомонетчиками, беглыми солдатами и каторжанами; пришибут где-нибудь в глухом волчьем углу, зароят в сугробе и – поминай как звали.

За восемь лет вятской службы Салтыков переделал множество дел: он занимался губернскими годовыми отчетами и сбором статистики. Утомительная работа и разъезды дали ему, однако, огромный материал для обдумывания и анализа – не только статистического и экономического. В разъездах складывались его «Губернские очерки» – удручающая картина неустройства русской жизни, сверху донизу и вширь, как она видится разумному, деятельному и совестливому госслужащему.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Михаил Евграфович
Салтыков-Щедрин.
Фотография
1856 года

Елизавета
Аполлоновна
Салтыкова
(урожденная
Болтина),
жена писателя

Глуховский вице-губернатор

Пишущий вице-губернатор – это был нонсенс, возможный только в александровские времена; в иное время запретили бы писать или отправили в отставку. Впрочем, совмещать службу с писательством, которое влекло сильнее, становилось все труднее. Служба требовала его целиком, а выносить ее было тяжело. Вокруг себя Салтыков все ярче видел не Тверь, Рязань, Вятку, Владимир, а сплошной, бескрайний, бестолковый Глухов, где все делается не так, как надо, а любые перемены начинаются и кончаются взаимным истреблением. Он пытался делать что мог: обдумывал реформу полиции, пытался внести разумное начало в бездарно проводимую губернскими властями Твери реформу при отмене крепостного права – и все больше понимал, что любые его усилия – капля в море жестокости, глупости и беззакония. Отчаяние от бессилия что-то изменить заставило его задуматься о том, чтобы уйти с поста и не участвовать в происходящем. В 1862 году Салтыков, уже Салтыков-Щедрин, вышел в отставку. Удерживать его начальство не стало: его публично заявленная либеральная позиция не могла быть терпима, так что желание отставки оказалось обоюдным.

Он хотел издавать журнал в Москве, но не вышло. Переехал в Петербург, где стал редактировать некрасовский «Современник»: там уже выходили его первые «глуховские» рассказы. С его способностью руководить и организовывать он оказал-

ся прирожденным редактором, и работу эту очень любил. Купил имение Витенево, где надеялся тихо жить и работать – ближе к земле, к природе; при покупке имения его надули, имение требовало больших трудов и вложений, чем он надеялся. Осложнились и отношения с редакцией «Современника»: часть редакции считала его чужим, мыслящим несвоевременно, каждую его статью подвергали жесткой внутриредакционной цензуре, так что «Современник» пришлось покинуть. Жизнь, которая, кажется, только наладилась, опять расшаталась, и Салтыкову пришлось вновь пойти на государственную службу – он подал прошение о назначении его председателем Казенной палаты в Полтаве, но получил аналогичное назначение в Пензу. Ехать он не хотел, мысль о предстоящей службе вызывала у него горькое отчаяние и злобу. Он так и служил – с отчаянием и злобой, доходившей до припадков ярости, воевал с местным дворянством, не желающим платить недоимок, разбирал крестьянские выкупные дела и пытался привести в относительный порядок чудовищный хаос, который неизменно находил на каждом своем новом рабочем месте. На подчиненных он наводил страх – резкостью движений, строгостью, начальственным басом и

страшным взглядом требовательных глаз. Из Пензы его перевели в Тулу, из Тулы – в Рязань – и везде был Глухов. Бездарная расчистка авгиевых конюшен жестоко утомляла, хотя подбрасывала все новый материал для его публицистики и прозы. Но за эти три года ему даже писать было некогда, одна статья – и все, больше не смог. А он уже попробовал жить литературой – и мысль об этой оставленной жизни его терзала тоской.

В 1868 году, когда Некрасов стал редактировать «Отечественные записки», Салтыков-Щедрин охотно включился в работу над журналом, а в июне окончательно вышел в отставку, чтобы заняться им полностью. Через десять лет, когда Некрасов умер, стал руководителем журнала – до самого его закрытия в 1884 году. Здесь выходили все его новые произведения: «История одного города», «Помпадуры и помпадурши», «Господа ташкентцы», страшные «Господа Головлевы», «Убежище Монрепо»... Россия в них – уже пореформенная, но не поумневшая, а нашедшая новые способы самоистребления, породившая новых людей, которые и старое разрушат, и нового не построят, а только насорят и уйдут... В «Господах ташкентцах» явились новые люди и принесли новые проекты, наглые, даже прекрасные своей наглостью: «О предоставлении

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

коллежскому советнику Порфирию Менандрову Велентьеву в товариществе с вильманстрандским первостатейным купцом Василием Вонифатьевым Поротоуховым в беспощадную двадцатилетнюю эксплуатацию всех принадлежащих казне лесов для неперменного оных, в течение двадцати лет, истребления». И «Господа ташкентцы», для советского читателя неактуальные, для постсоветского оказались напрочь забыты, не прочитаны, невзирая на вопиющую, жгучую схожесть с реалиями времен, когда сколачиваются миллиардные состояния и проворачиваются фантастические по своему бесстыдству сделки. Этот Салтыков, исследователь нарождающегося русского капитализма и серого, обывательского человеческого стада, так и не нашел своего понимающего читателя, так и остался достоянием литературоведов.

Саваны, саваны, саваны...

Дети у Салтыкова-Щедрина родились, когда ему шел уже пятый десяток. Он любил их, дрожал над ними, радовался им; в доме стало хорошо. Однако совершенно расстроились отношения с родными – спился и умер брат Сергей, совместно с которым Михаил Евграфович владел имением Заозерье, и старший брат, Дмитрий Евграфович, вознамерился лишить Михаила зна-

чительной доли причитающегося ему наследства. Тяжба с братом о наследстве отнимала силы – не столько физические, сколько душевные. Правда, Салтыков-Щедрин несколько сблизился с матерью, которая в этом конфликте поддерживала его. Мать тоже вскоре умерла, распалась семейная связь, разрушилось «дворянское гнездо» – нелюбимое, но родное. Михаил Евграфович, больной и подавленный, зимой отправился хоронить мать, но не успел к погребению. «Саваны, саваны, саваны! Саван лежит на полях и лугах; саван сковал реку; саваном окутан дремлющий лес; в саван спряталась русская деревня...» – так он начинает написанный в это время рассказ «Кузина Машенька».

Еще не очень старый, он болен насквозь: болит сердце, мучает хронический бронхит, терзает ревматизм. Его доктор Николай Курочкин замечал, что он болен весь, ни одного здорового органа. И характер у больного был тяжелый, язвительный; он изводил домашних жалобами и стонами. Кажется, это и не о Коняге он сказал, и не о русском мужике, а о себе самом: «Из всех ощущений, доступных живому организму, знает только ноющую боль, которую дает работа».

Литературоведы отмечали разве что удивительные лирические взлеты

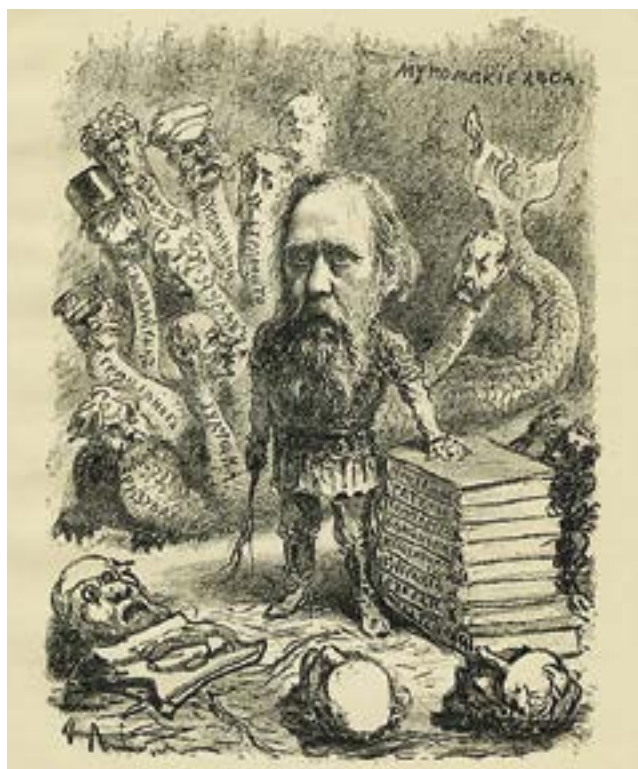
Салтыкова-Щедрина – вроде как случайно угодившие в его сатиры; ну, как у Гоголя в «Мертвых душах» отступление о «птице-тройке». Но Русь Салтыкова-Щедрина – не лирическая Русь; его поэзия смыкается с триллером – бескрайние поля саванов в «Кузине Машеньке», пожары в «Истории одного города» и «Губернских очерках», бескрайнее всепожирающее поле в «Коняге». Это и не лирика, и не социальная сатира, это прежде всего замечательная экзистенциальная проза, горькие размышления о непонятной и нескладной человеческой жизни.

Он очень болел в последние годы и очень мучился – и болезнями, и душевно: чему он отдал свою жизнь? Для чего жил? Что изменилось? Времена изменились, но не к лучшему. «Нас одолела глупость, и она теперь до того стусилась в воздухе, что хоть топор повесь», – писал он в 1883 году. Снова заморозок, снова гонения на журналы, «Отечественным запискам» выносятся предупреждения за «вредное направление»... Закрытие «Отечественных записок» совершенно надорвало Салтыкова-Щедрина. Ошеломленный, он писал в сказке «Приключение с Крамольниковым»: «Однажды утром, проснувшись, Крамольников совершенно явственно ощутил, что его нет». Ему так и казалось – что нет его больше, нет его читателя, все напрасно, все впустую. Последнее задуманное им произведение – «Забытые слова»: «Были, знаете, слова: ну, совесть, отечество, человечество... другие там еще... – говорил он Михайловскому. – Надо же их напомнить»... Напомнить не успел.

Но оставил литературное завещание, которое тоже мало кто помнит: «Не погрязайте в подробностях настоящего, – говорил и писал я, – но воспитывайте в себе идеалы будущего; ибо это своего рода солнечные лучи, без оживотворяющего действия которых земной шар обратился бы в камень».

Выспренно, как и положено в XIX веке. А по сути – очень верно. Все, что было построено хорошего, строилось для хорошего будущего. Не циклиться на сегодняшнем, видеть перед собой образ будущего, которое строишь сейчас, – необходимо: без этого ничего не выйдет.

И не выходит, вот в чем беда. ■

М.Е. Салтыков.
Шарж художника
А.И. Лебедева.
Начало 1880-х годов

Титульный лист
«Истории одного
города». 1870 год

К ЯЗЫКОВУ...

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ
ФОТО АНДРЕЯ СЕМАШКО

ДИРЕКТОР МУЗЕЯ ЗАРАНЕЕ ПРЕДУПРЕДИЛ: «СПРАШИВАЙТЕ, КАК ПРОЕХАТЬ НЕ В МУЗЕЙ, А В ПАРК».

«ПАРК – ЕДИНСТВЕННОЕ, что осталось от родового имения русского поэта Николая Языкова», – как бы извиняясь, говорит встретившая нас Татьяна Николаевна Уренцова, научный сотрудник музейного комплекса «Усадьба Языковых».

Комплекс был открыт в 2003 году – к 200-летию юбилею Николая Михайловича Языкова. Вырос он из скромной экспозиции, посвященной забытому русскому поэту, ютившейся в музее рабочего поселка Языково, приписанного к местной текстильной фабрике. И чудом сохранившегося парка.

...Высокие ели и вязы, дубы и кедры похожи на зеленый остров, раскинувшийся на окраине поселка. Кроны шумят, словно деревья шепчутся друг с другом. Парк был посажен отцом поэта, Михаилом Петровичем Языковым, который словно догадывался, что его младшему сыну нужно будет место для неспешного течения поэтических дум. Ради устройства усадьбы Михаил Петрович оставил военную службу в звании гвардии прапорщика.

«Он всех нас, стариков, за пояс заткнет»

В семье Языковых было шестеро детей: три брата и три сестры. Старший из братьев, Петр Михайлович, был известным геологом, а в историю русской культуры он вошел как собиратель древних рукописей и фольклора. Средний брат, Александр Михайлович, был предводителем дворянства Карсунского уезда. Будущий поэт Николай Языков родился в Симбирске на Московской улице, в доме своего деда по материнской линии. Дом этот сохранился до наших дней. Больше всех в семье Николай любил младшую сестру, Екатерину, ставшую позднее женой его друга – поэта Алексея Степановича Хомякова.

Усадьбу Языково, где прошло его детство, Николай получил по завещанию в 15 лет. В это время он учился в Петербурге, в Институте горных инженеров, окончив который в 1820 году поступил в Инженерный корпус. Однако учеба была в тягость, его манила литература. В 1821 году Языков был исключен из Инженерного корпуса за постоянные прогулы. Вместо занятий Николай предпочитал, облачившись в халат с пышными кистями, курить трубку и грезить. Еще он с удовольствием посещал литературные кружки и редакции журналов, свел знакомство со многими поэтами и писателями той поры – Дельвигом, Баратынским, Грибоедовым, Одоевским... Особо сдружился с поэтом, переводчиком и издателем Александром Воейковым. Правда, ему к тому времени удалось опубликовать лишь одно свое стихотворение: в 1819 году свет увидели

строчки, посвященные товарищу Языкова по учебе Александру Ивановичу Кулибину – сыну известного механика-самоучки.

Старшие братья уговорили Николая продолжить обучение. В 1822 году Языков поступает на философский факультет Дерптского университета, имея при себе рекомендательные письма от Воейкова – бывшего профессора русской словесности этого учебного заведения. Но и здесь учеба не задалась. На сей раз из-за пирушек и кутежей. Николай ежегодно получал 6 тысяч рублей ассигнациями в качестве дохода от имения, но даже такую огромную по тем временам сумму быстро просаживал, часто оказываясь на мели. Расточителен он был до безобразия: студенческие товарищи пили и ели за его счет, он даже оплачивал трактирные долги своего слуги. В университете он был личностью очень популярной – не только из-за своей щедрости. Студенты распевали его стихи, положенные на незатейливые мелодии. Как вспоминал друг Языкова той поры, поэт Н.А.Татаринов, «только на пирушках в полном вахлическом разгуле он соглашался декламировать стихи свои. В одной рубашке, со стаканом в руке, с разгоревшимися щеками и блестящими глазами, он был поэтически прекрасен. Все его стихи выучивались наизусть, клались на музыку и распевались студенческим хором». Его же стихи звучали и на собраниях студенческой корпорации «Рутения», которую организовал Языков. Некоторые песни на стихи Языкова были переведены на немецкий и пелись в Дерпте еще с полвека. Да и в других универси-

Герб дворян
Языковых

Портрет
Николая Языкова
времен его
студенчества
в Дерпте.
С литографии
Корнецелиуса

тетах они были известны, удержавшись в памяти русского студенчества до начала XX века.

Языков пишет не только стихи о студенческих пирушках, он слагает и любовные элегии. Муза поэта была известна: Николай влюбился в Александра Андреевну Воейкову – жену своего друга. Александра Андреевна, урожденная Протасова, племянница и крестница В.А. Жуковского, славилась исключительным обаянием, это именно ей Василий Андреевич посвятил свою «Светлану». Александра Андреевна в то время перебравшись из Петербурга в Дерпт к матери и сестре – Марии Андреевне Мойер, в салоне которой Языков бывал постоянно. Он писал нежные стихи в альбом Воейковой, но, как и другой ухажер – брат Пушкина Лев, – успеха не имел. Стихи же

Николая переключивались из альбома Александры Андреевны на страницы журнала, который выпускал Воейков. Но увлечение закончилось трагично: в 1829 году Воейкова умирает в Италии, ее смерть стала сильным потрясением для Языкова. Меж тем стихи Николая уже были замечены. Ему благоволил Жуковский, Языковым весьма интересовался Пушкин, искавший знакомства с ним. В 1824 году Воейков писал Языкову: «Наш Байрон восхищается Вашими стихами и пророчествует Вам мирты, розы, лилии и вечнозеленые лавры». Встретились поэты в 1826 году. Произошло это в Тригорском – имении Алексея Вульфа (с ним Языков подружился в Дерптском университете), расположенном неподалеку от Михайловского, где отбывал ссылку великий

поэт. После Языков написал известное стихотворение «Тригорское», в котором Пушкин называется «свободным поэтом, не побежденным судьбой». А Александр Сергеевич увековечил имя Николая Михайловича в бессмертном «Евгении Онегине». Помните, в четвертой главе? «Так ты, Языков вдохновенный, // В порывах сердца своего, // Поешь бог ведает кого, // И свод элегий драгоценный // Представит некогда тебе // Всю повесть о твоей судьбе». Своему другу князю Петру Андреевичу Вяземскому Пушкин пишет о Языкове: «Ты изумишься, как он развернулся и что из него будет. Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнет».

Буйство сил

В Дерпте Языков проучился восемь лет. К 30-м годам он утомился от пирушек и студенческих забав, обучение его интересовало мало – начатые работы по истории Ливонии так и не были завершены, жизнь в немецкой среде раздражала, ему хотелось домой. Первые восторги читателей остались позади, теперь его хвалили меньше. Николай впадает в депрессию. «Мне бы только добраться до Языкова, – пишет он брату. – Уж там-то я застихотворствую, и восстановится моя блистательная слава поэтическая! Эта надежда меня теперь утешает, как ребенка».

Он получает известие, что в имении достроен большой дом, закупает в огромном количестве книги и шлет их в Языково для формирования библиотеки.

Выпускные экзамены в университете Языков сдавать не стал, он вообще не собирался идти на госслужбу, ведь имение давало приличный доход. Казалось, интуиция его не подвела: уже осенью 1829-го на симбирской земле из-под его пера появляется знаменитый «Пловец». Но... Быстро пресытившись помещичьей жизнью, Николай Михайлович решает ехать в Москву. Здесь он устраивается в Межевую канцелярию, которая была традиционным прибежищем поэтов: до Языкова в ней служили Вяземский и Баратынский. Но чиновничьи обязанности оказались в тягость Языкову, с большим удовольствием он участвует в организации журналов. Вместе с семьей Елагиных-Киреевских поэт устраивает литературные чтения и вечера в салоне Авдотьи Петровны Елагиной. На них бывает и Пушкин. Поэты сближаются еще больше. Накануне свадьбы Пушкин устроил в своей арбатской квартире холостяцкий обед для ближайших друзей (тогда он назывался «девишник»). На этой пирушке Языков знакомится еще с одним поэтом, героем Отечественной войны 1812 года Денисом Васильевичем Давыдовым. «Я пьяный на девичнике Пушкина говорил вам о том, но вы были так пьяны, что вряд ли это помните...» — писал потом Давыдов в 1833 году новому приятелю в Языково. Кстати, с пушкинской свадьбой связана знаменитая поездка Языка

Рабочий стол последних владельцев имения. Акварели усадьбы переданы в музей жителями села Языково

ва и друга Александра Сергеевича, Павла Воиновича Нащокина, к цыганам. Певце московского цыганского хора Татьяне Демьяновой он позже посвятил цикл стихотворений. «А познакомилась я с ним в самый день свадьбы Пушкина, — рассказывала незадолго до своей смерти Демьянова писателю Б. Марковичу. — Вечером вернулся Павел Войнович, и с ним этот самый Языков. Белокурый был, толстенький и недурной. Они там на свадьбе много выпили, и он совсем как не в своем уме был. Как увидел меня, стал мне в любви объясняться. Я смеюсь, а он еще хуже пристает; в ноги мне повалился, голову на колени мне уронил, плачет: «Я, говорит, на тебе женюсь. Пушкин на красавице женился, и я ему не уступлю, Фараонка», — такой смешной он был». Позже товарищ Языка, Петр Васильевич Киреевский, писал в январе 1832 года Николаю Михайловичу в Языково о том, что Татьяна по-прежнему прекрасно поет в хоре. К

тому времени поэт вернулся в родное имение из-за болезни спинного мозга. Несмотря на нездоровье, здесь он начинает собирать народные песни и предания, воссоздает поволжские былины. А в Москве между тем зло судачили, что Языков исписался, что числить его в рядах первых поэтов уже нельзя, а в рядах первых бражников — еще можно. Но вышедший в 1833 году первый сборник стихов Николая Михайловича посрамил злопыхателей. Николай Васильевич Гоголь утверждал, что Пушкин об этой книге сказал с «досадою»: «Зачем он назвал их «Стихотворения Языка»! Их бы следовало назвать просто «хмель»! Человек с обыкновенными силами ничего не сделает подобного; тут потребно буйство сил».

Последний раз Пушкин и Языков встретились 29 сентября 1833 года. Александр Сергеевич возвращался из Оренбурга, куда ездил собирать материалы для своей «Истории Пугачева». В Языково поэт застал всех

трех братьев. Пушкин шутивно пожурил их за «азиатские привычки», так как все трое встретили его в халатах с длинными кистями, поделился впечатлениями от поездки по Поволжью, прочел балладу «Гусар», пересказал некоторые сцены новой комедии Гоголя.

Парк, где Пушкин и Языков бродили все два дня, что провел здесь «солнце русской поэзии», владельцы имения бережно хранили. На память о своем пребывании в Языково Пушкин посадил ель, а на оконном стекле в комнате, где ночевал, вырезал алмазным перстнем свой автограф. Ель эта до сих пор одна из главных ценностей парка. А комнату Пушкина хозяева долго держали в неприкосновенности, показывая гостям. Гости, правда, тоже были люди известные: Денис Давыдов, Алексей Хомяков, Петр и Иван Киреевские, Дмитрий Ознобишин...

Слава Языково как литературного гнезда сохранялась и после того, как Николай Михайлович покинул имение. Уехал он отсюда после гибели Пушкина – разбитый и потрясенный, измученный болезнью. Два года Языков не мог взяться за перо. Из этого «забытья» вывело его общение с Гоголем, с которым уже тяжело больной Языков познакомился в Италии, где поэт безуспешно лечился. В 1844 году Языков пишет свое знаменитое послание «К ненашим», которое Го-

голь назвал «прекрасными и чудными стихами». Но именно эти стихи, написанные в поддержку славянофильства, сыграли роковую роль в судьбе творческого наследия поэта. Литературные критики, державшие сторону западников, начали писать о Языкове в уничижительных тонах. Белинский подверг критическому разбору стихотворение Пушкина «К Языкову». Критик писал, что в то «золотое время быть поэтом – значило быть древним полубогом. И потому все бросились в поэты». Белинский призвал смотреть на послание Пушкина к Языкову как на досадное исключение. Позднее Николай Добролюбов, намекая на образ жизни поэта, заявил, что Языков погубил свой талант, а Герцен в «Былом и думах» сравнил послание «К ненашим» с полицейским доносом...

Николай Михайлович Языков умер в Москве в декабре 1846 года. На смертном одре поэт читал стихи. Похоронили его на кладбище Данилова монастыря.

В 1847 году братья поэта передали его книги в симбирскую Карамзинскую библиотеку. Усадьба Языково была продана симбирскому купцу Федору Степанову, который создал при ней суконную фабрику. Комнату, где ночевал Александр Сергеевич Пушкин, и в бывшем барском доме, и в селе по-прежнему называли «пушкинской»...

К НЕНАШИМ

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внимлите
Простосердечный мой возглас!
Кто б ни был ты, одноплеменный
И брат мой: жалкий ли старик,
Ее торжественный изменник,
Ее надменный клеветник;
Иль ты, сладкоречивый книжник,
Оракул юношей-невежд,
Ты, легкомысленный сподвижник
Беспутных мыслей и надежд;
И ты, невинный и любезный,
Поклонник темных книг и слов,
Восприиматель достослезный
Чужих суждений и грехов;
Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все – не русский вы народ!
Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью к родине, не тот
Огонь чистейший, пламень ясный
Вас поднимает; в вас живет
Любовь не к истине, не к благу!
Народный глас – он божий глас, –
Не он рождает в вас отвагу:
Он чужд, он странен, дик для вас.
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша –
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещения,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестью своею
Не вам ее преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь святая,
И русский бог еще велик!

Н. Языков, 1844 год

Н.М. ЯЗЫКОВ

Память потомков

В 1903 году, к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Языкова, Симбирская губернская ученая комиссия издала очерк о селе Языково «гофмейстера Высочайшего двора» В.Н. Поливанова, женатого на дальней родственнице поэта. Поливанов так обрисовал бывший дом Языкова: «В два этажа, он построен отцом поэта, в форме «покая» – с коридорами и двумя просторными флигелями. Со стороны сада дом украшен семью колоннами дорического стиля с каменной лестницей. Двор обнесен решеткою с каменными столбами и параллельно постройкам обсажен вязами, образующими внутри тенистую площадку». После революции в языковском имении разместили детский дом. В 1919–1920 годах Пушкинский Дом просил художника А.А. Пластова, жившего в соседнем селе Прислониха, зарисовать комнату Пушкина, но все уже было разрушено.

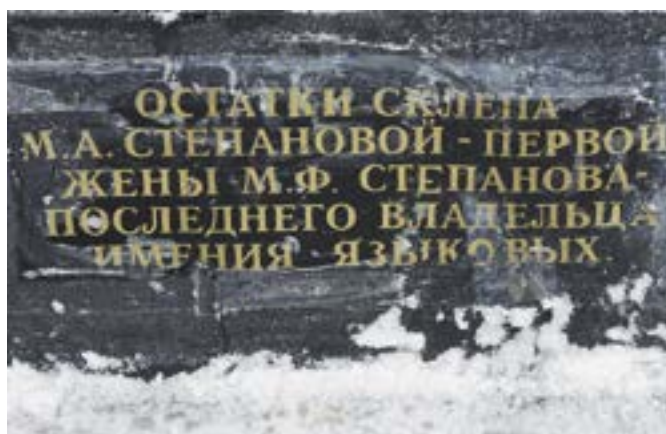
К началу 60-х годов от дома остались только фундамент, балюстрада и сильно поредевший парк. Такой увидела усадьбу приехавшая сюда Надежда Михайловна Демидова, кандидат медицинских наук, сотрудник Московского научно-исследовательского института гигиены им. Ф. Эрисмана, до революции работавшая ткачихой на местной фабрике. Это по ее инициативе в 1972 году в стенах фабрики был создан музей истории рабочего поселка Языково. И хотя с 1969 года в языковском парке Ульяновское областное и Карсунское районное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и хоровое общество Ульяновской области проводили ежегодные музыкально-поэтические праздники памяти А.С. Пушкина, в экспозиции музея место, выделенное под поэта Языкова, было крохотным. Поселок славился одеялами и шинелями, выпускавшимися на фабрике, а не как родовое гнездо Языкова. Акацию и сирень из парка жители безжалостно выкапывали и пересаживали в свои палисадники, а в тех, кто приезжал на ежегодный День А.С. Пушкина в языковском парке видели не почитателей русской поэзии, а потенциальных покупателей ягод и фруктов.

Экспозиция музея подчеркивает, что поэт был собирателем народных былин и сказаний

Не чурались общения с селянами и последние владельцы имения, Степановы, к могилам которых в Языково сохранилось уважение

Не уцелел бы знаменитый парк, если б его не взяла под свою опеку фабрика. В парке проводились гулянья, местная библиотека открывала павильоны для чтения. Приезжим литераторам языковские школьники дарили на память сделанные своими руками гнезда с аистами внутри – символ литературного гнезда. Все кануло в Лету вместе с советскими временами. В 90-е жители поселка продолжали рубить деревья в парке, жечь костры, устраивать пикники... Нанятый фабрикой сторож

по вечерам предпочитал держаться от этого места подальше. В 2002 году Ульяновский областной музей предложил стать директором парка Татьяне Николаевне Уренцовой. До нее от этой должности отказались двое мужчин. А она – заведующая сельской библиотекой – согласилась поменять стеллажи с книгами на темные аллеи. «Кто-то ведь должен был взять это на себя, – объясняет Татьяна Николаевна. Помолчав, добавляет: – сюда к Языкову Пушкин приезжал!» Дружбе двух

Маленький коллектив музея занимается не только научной и экскурсионной работой, но и составлением родословных для жителей села, проведением поэтических вечеров в школе, подготовкой парка к ежегодному Всероссийскому празднику поэзии. На фото научные сотрудники: Румиля Лобина, Тамара Алексеева, Татьяна Уренцова и директор Петр Уренцов

(сейчас он называется «Пушкинско-Языковский праздник поэзии»). Татьяна Николаевна Уренцова стала научным сотрудником музея. А ее муж, Петр Николаевич, директором. Это он всем гостям, которые приезжают к Языкову впервые, советует спрашивать дорогу к парку, а не к музею. Ведь о том, что в селе открыт музей Николая Михайловича Языкова, по-прежнему знают далеко не все.

P.S.

...Кроме нас, гостей в музее не было. Тишину парка нарушали лишь щелчки лопат. Директор старательно расчищал ото льда аллею, ведущую к скромному музейному комплексу. И хотя экскурсий в этот день не планировалось, лопатой Петр Николаевич работал очень усердно, словно ждал какого-то важного гостя. А и правда: вдруг с трассы свернет какой-нибудь путник и заглянет к Языкову? И, может, он тоже окажется национальным гением? Такое тут однажды уже было... ❧

поэтов она в библиотеке посвящала большие выставки, вступала в переписку с архивами и музеями. Все письма Пушкина к другу в Языково она может цитировать по памяти. Но когда Татьяна Николаевна по вечерам в парке рассказывала обо всем этом тем, кто жег костры и жарил шашлыки, понимали ее далеко не все. Правда, не обижали бывшего библиотекаря, все ж таки в поселке все друг друга знают. Помог отстоять языковский парк профессор из Казани Николай Ва-

сильевич Нарышкин – поклонник творчества Языкова, уроженец здешних мест. Это он убедил губернатора Ульяновской области создать в Языково мемориальную зону. Привели в порядок парк, вычистили пруды, укрепили фундамент барского дома, под экспозицию музея выделили старый больничный корпус, назначили штат работников. Сейчас в музее работает и Тамара Васильевна Алексеева. Это она стояла у истоков первого поэтического праздника «День А.С. Пушкина в языковском парке»

СИНЕГЛАЗАЯ ЦАРИЦА

ИРИНА
ЛУКЬЯНОВА

«ЗИКА САМАЯ ТАЛАНТЛИВАЯ ИЗ ВСЕХ НАС», – ГОВОРИЛИ О НЕЙ ДРУЗЬЯ ЮНОСТИ – ОЛЕША, БАГРИЦКИЙ, КАТАЕВ. ЗИНА ШИШОВА ТОЖЕ НАЧИНАЛА В ОДЕССЕ И ТОЖЕ КАК ПОЭТ.

МАМА ЗИНОЧКИ, ЭЛЕОНОРА ШИШОВА, происходила из французской семьи де Рибато, кто-то из ее предков бежал от революции в Россию. Отец, Константин Шишов, из обедневших дворян, преподавал математику в женской гимназии и проигрывал в карты последние деньги. Брат Зины, тоже Константин, был старше ее на семнадцать лет и погиб на австрийском фронте в Первую мировую. Зина с четвертого класса гимназии начала зарабатывать репетиторством. И с ранних лет сочиняла стихи.

Гимназию она окончила в 1916 году, а в революционном 17-м поступила на юридический факультет Одесского университета. В сентябре того же года в университете появилось объявление, приглашающее всех, кто пишет стихи, собраться в университетской аудитории. Вскоре сложился студенческий литературно-художественный кружок, который

устраивал «четверги» для публики и закрытые чтения «для своих». В него входили среди прочих студенты юридического факультета Юрий Олеша, Анатолий Фиолетов (Натан Шор) и их знакомые по еще довоенным совместным выступлениям – подпоручик Валентин Катаев и Эдуард Багрицкий. Багрицкого все признавали неформальным лидером. А Зина Шишова оказалась одной из самых заметных девушек в кружке – второй была экзотическая Адалис. Кружок вскоре получил название «Зеленая лампа».

Многие кружковцы, в том числе Олеша и Шишова, писали свои первые стихи «под Северянина». Вот, например, что из Зиновкиного Катаев цитировал в «Алмазном моем венце»: «Радикальное средство от скуки – ваш изящный мотор-ландоле. Я люблю ваши смуглые руки на эмалевом белом руле...» А изображал поэтессу так: «Царица с двумя золотыми обручами на голове, причесанной директуар... читавшая нараспев свои последние стихи». Багрицкий, поглядев на этот золотой обруч, который барышня купила, по ее признанию, на последние деньги, сказал: «Снимайте эту байду с головы» и куда-то забросил обруч. Багрицкий, писала Шишова в воспоминаниях, «приходил по утрам, съедал все съестное и учил писать триолеты». Кружковцы издали свой альманах, причем стихи Шишовой единогласно признали лучшими.

Революция едва успела прийти в Одессу, как почти сразу откатилась назад; после советов пришли австрийцы. 1918 год под властью гетмана и австрийской оккупацией стал для города временем затишья. Молодые поэты печатались во всех городских журналах, читали стихи, однаж-

ды вышли в море на яхте – молодые, красивые, влюбленные. «Мысли золотом расплавлены, будто все навеселе, будто ты поешь, поставленный самый пьяный на руле!» – писала она об этой морской прогулке. Стихи эти посвящены Анатолию Фиолетову. Они любили друг друга. Он писал ей: «У тебя коронка бледная // Светло-пепельных волос. // Я любовь тебе принес, // Но любовь такая бедная». Любовь, в самом деле, была небогатая, но счастливая. Осенью 1918 года они поженились. 24 октября последний раз вместе выступили на «четверге» кружка. А 14 ноября Фиолетова (он работал в угрозыске, куда в Февральскую революцию призвали студентов-юристов) застрелили бандиты. Зина овдовела и окаменела. От ее стихов, написанных зимой 1918/19 года, веет жутью и смертным отчаянием: «Ходит ветер над могилой, // Ты один лежишь в гробу, // Только стал роднее милый // Завиток волос на лбу».

Эти и другие стихи друзья Зины – Олеша и Вениамин Бабаджан – собрали даже без согласия автора (она долго и тяжело болела) и издали сборник «Пенаты». Его тираж был невелик, даже у самой Шишовой не сохранилось экземпляра. Недавно Евгений Голубовский опубликовал стихи из «Пенат» в пятом выпуске альманаха «Дом князя Гагарина» Одесского литературного музея.

Весной 1919 года в Одессу снова пришла советская власть. И жизнь Зины Шишовой сделала крутой поворот. Вот что писала она в воспоминаниях: «Ананьевский комиссар т. Брухнов вербовал охотников в продотряд... я уехала с Брухновым...» В продотряде оказалось тяжело: крестьяне не желали отдавать хлеб советской власти и сопротивлялись; одного из членов

отряда они убили и набили ему зерном вспоротый живот – картина, врезавшаяся в память молодой продамейки. Комиссар Аким Брухнов был родом из уральских казаков, имел три «Георгия» за Первую мировую и ничем не походил на Фиолетова, писавшего стихи об осенних грушах с мокрыми носиками. Но он стал вторым мужем Зины Шишовой и отцом ее сына. Мальчика, рожденного в 1924 году, назвали Маратом. На несколько лет Зинаида Брухнова исчезла из литературы: воспитывала ребенка. Муж уезжал в командировки, строил Магнитку, боролся с басмачами. Времена были голодные – особенно в начале 30-х. В 1934 году у нее открылось белокровие. Когда она почти умирала, об этом написали Катаеву, давно жившему в Москве, и он выслал ей денег на проезд в столицу. «Я оставила сына у родственников и поехала, – писала Шишова. – После очень трудной и горькой жизни я впервые попала в человеческие усло-

вия. Катаев устроил меня в санаторий, на несколько месяцев снял для меня комнату. От белокровия моего не осталось и следа. Даже беспокорство о сыне не мешало мне быть счастливой». Катаев, кстати, вынудил ее написать воспоминания о Багрицком – совершенно буквально вынудил, велел своей домработнице не давать Зинаиде завтрака, пока она не отдаст рукопись статьи.

Катаева Шишова называла своим Вергилием: именно он посоветовал ей вернуться в литературу. Она опубликовала несколько рассказов в журналах, где Катаев сотрудничал. Он подсказал ей, что заняться надо детской литературой: в нее меньше лезут с идеологическим контролем. Времена начались смертельно опасные. Для Шишовой-Брухновой особенно: как рассказывает ее невестка Надежда Кольшклина в воспоминаниях «Сильнее любви и смерти», комиссара Брухнова арестовали по обвинению в украинском национа-

лизме, продержали 9 месяцев, затем выпустили, но арестовали всю партийную верхушку. Комиссар надел все свои награды, включая трех «Георгиев», пошел и дал пощечину городскому прокурору. Его арестовали, и для семьи он пропал – только потом узнали, что он получил десять лет без права переписки и умер в архангельских лагерях.

После первого ареста Брухнова она сразу забрала сына и бежала – поселилась за городом у сестры мужа. И печатать свои детские произведения стала – тоже по совету Катаева – под девичьей фамилией, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Первая ее прозаическая книга, «Великое плавание», об открытии Колумба, вышла в 1940 году. Колумб записал в дневнике, что с ним в походе было три юнги; Шишова дала им имена, характеры и посмотрела на исторические события детскими глазами. Читатели полюбили книгу сразу. Гонорар позволил Шишовой

З.К. ШИШОВА

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

вместе с сыном уехать; Катаев звал в Москву, другие друзья – в Ленинград. Она выбрала Ленинград. Скоро началась война, и город оказался в блокаде. Блокаду Шишова переживала как все: работала, голодала. Пыталась написать поэму о Грибоедове, но не хватило сил. О сыне, о себе, о Ленинграде она написала поэму «Блокада»: «Мы не о славе помышляли в эти // тяжелые недели... но как знать, // – учитель, может быть, о нас расскажет детям, // как надо жить, как надо побеждать!» «Стекла в окнах давно вылетели от взрывов, поэтому обитали они в ванной комнате, освещая, а заодно и «отопливая» убогое свое жилище масляной лампадкой, – пишет Надежда Колышкина. – За стеной лежал примерзший к столу труп соседа, прикрытый простыней... Из припасов в доме оказался почему-то лишь лавровый лист, который они заваривали вместо чая, после чего Марат ненавидел запах лавра всю жизнь. Писать было не на чем – бумага кончилась, чернила замерзли. Зинаида Константиновна диктовала стихи сыну, а тот запоминал. Потом поэму записали в Союзе писателей, куда Зика и Марат ходили через день за порцией похлебки».

В 1942 году стараниями Фадеева мать и сын Брухновы выбрались из блокадного города. Сын, еще еле живой, едва справивший 18-летие, отправился на призывной пункт – попал под Сталинград. Выжил и вернулся после войны. Мать получила от Союза писателей комнату. Попыталась опубликовать свою поэму, но ее не хотели печатать. Шишова написала Сталину: мол, в Ленинграде поэму читали по радио, чтобы укрепить боевой дух горожан, а в Москве признают упаднической, тогда уж пусть ее запретят, а автора накажут. Сталин наложил двусмысленную резолюцию: «Пора прекратить безобразие». Истолковали ее, однако, в том смысле, что поэму надо издать, и в 1943-м она увидела свет. А еще вышел – тогда же, в войну, – знаменитый «Джек-Соломинка», книга о восстании Уота Тайлера, которой целое поколение мальчиков и девочек зачитывалось взахлеб. Затем появились еще два исторических романа – «Приключения Каспара Берната в Польше и других странах» (вместе с Сергеем Царевичем) и «Путешествие в страну Офир». Один из последних прижизненных литературных портретов Зинаиды

Шишовой мы найдем в небольшой пьесе Нины Воронель «Оглянись в слезах» – об обитателях подмосковного дома творчества «Голицыно». В предисловии к пьесе, называя Зинаиду Константиновну «среброкудрой красоткой из оперы «Волшебная флейта», Воронель пишет: «Немалую роль в нашем восхищении играла Зиночкина немеркнущая красота – будучи уже далеко за семьдесят, она, дитя беспощадного XX века, все еще хранила хрупкую синеглазую прелесть Серебряного». Александра Венгер-Катаева, тоже отдыхавшая в «Голицыно», заметила, что Шишова, «вся в седых буклях и с восторженным выражением лица» изображена у Воронель «очень хорошо и узнаваемо». В пьесе красивую седую даму зовут не Зика, а Лика; она повторяет, как рефрен: «Все, кто меня любил, – умерли». Она умерла в 1977 году. И такой осталась в истории литературы – вдумчивым историком, вечно юной девчонкой, мечтающей о путешествиях и приключениях, сильной женщиной, вынесшей смерть любимых, белокровие, блокаду, ожидание сына с войны. Прекрасной синеглазой царицей из вечного города, где живут красавицы и поэты. ■

ВАСИЛИЙ С ОСТРОВА

**МИХАИЛ
БЫКОВ**

НЕ ТАК ДАВНО НА 7-Й ЛИНИИ ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ОТКРЫЛИ ПАМЯТНИК. НА БРОНЗОВЫЙ ЛАФЕТ КОРАБЕЛЬНОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ОРУДИЯ ВРЕМЕН СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ ПРИСЕЛ БРОНЗОВЫЙ ЖЕ ВЕСЕЛЬЧАК В УЗНАВАЕМОЙ ТРЕУГОЛКЕ И С ТРУБКЕЙ В ПРАВОЙ РУКЕ НА ОТЛЕТЕ.

Н И НА САМОЙ БРОНЗОВОЙ фигуре, ни на лафете, ни на красном граните невысокого пьедестала с широкой лестницей в три ступени с первого взгляда опознавательных надписей не заметишь. Можно подумать, что перед нами собирательный образ тех, кого царь Петр называл бомбардирами Преображенского полка.

Памятник Сергею Леонтьевичу Бухвостову, «крещенному» Петром как первый солдат новой русской армии, стоит в Москве на Преображенской площади. И подпись соответствующая имеется. А на Васильевском кто? Александр Кикин? Алексей Петелин? Степан Буженинов? Может, Гришка Скорняков-Писарев? Новицкий? Или сам Александр Данилович Меншиков в годы молодые-шебутные? Это все были ребята веселые, здоровые, толковые. Из преображенцев первой волны. Из знакового петровского призыва.

Один из первых русских ученых-историков, Андрей Богданов, был современником Петра I и строящегося им города на Неве. Можно сказать, историю Санкт-Петербурга Андрей Иванович писал с натуры. Другой сподвижник Петра Алексеича, любимый его мастер токарного дела, знаменитый механик Андрей Нартов, также оставил кое-какие воспоминания.

PHOTOXPRESS

Из исторических заметок Богданова и мемуаров Нартова следует, что Васильевский остров получил свое название с легкой руки Петра Великого и по конкретному поводу. Едва началось строительство города, царь повелел на острове Лосином, что напротив Заячьего, поставить артиллерийскую батарею. Чтобы прикрывала подход к будущей Петропавловской крепости с воды. Дело поручили сержанту бомбардирской роты Преображенского полка Василию Корчмину.

Мало кто сомневался, что Василий Дмитриевич справится. Он и ранее на особые поручения был мастак. Ододел задачу Корчмин и на этот раз. Его батарея наглухо закрыла пути к возводимой столице. Государь частенько отправлял записки на батарею. И всякий раз помечал: «К Василью – на остров».

И Нартов, и Богданов зафиксировали сей факт. Из их рассказов родилась легенда. Будто знаменитый

Васильевский остров получил название благодаря одному из любимцев Петра – Василию Корчмину. Потому и сидит на бронзовом лафете не кто иной, как Василий Корчмин. О чем свидетельствует скромная надпись на гранитном медальоне, расположенном в правой части постамента. На самом деле сохранились сведения о том, что остров называли Василевым и раньше, начиная с XVI века. Есть записи в переписной окладной книге Вологодской пятины за 1500 год, из которых следует, что среди прочих мест по берегам Невы имелся и Василев остров. Название пытаются связать с неким рыбаком Василием, жившим тут в давности, с людьми из Ново-Города – Василием Казимиром, Василием Селезнем по прозвищу Губа и Василием Ананьиным. В любом случае, Василий Корчмин не был первым Василием на острове Васильевском.

А вот то, что он был одним из первых профессиональных артиллери-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ф.Я. Алексеев.
Петербург.
Вид Биржи
на Васильевском
острове
от Петропавловской
крепости. 1810 год

Офицер,
бомбардир
и фузелер
артиллерийского
полка с 1712
по 1720 год.
Литография
середины XIX века

стов на Руси и первым мастером ракетного дела, – факт неоспоримый. Корчмин – из дворян, родился, скорее всего, в имении отца, селе Захарьине поблизости от Сергиева Посада, в 1672 году. Василий рано потерял отца и в 1694-м поступил в петровские «потешные». В 1697 году Петр лично вписал фамилию Корчмина в списки отправлявшихся вместе с ним в Великое посольство волонтеров. Пока бесконечная колонна посольских телег и возков гремела ко-

лесами по булыжным мостовым немецких городов, Корчмин с несколькими товарищами и в качестве старшего группы осел в Кенигсберге – учиться артиллерийскому делу и огневой забаве – устройству фейерверков. Потом перебрался в Берлин, где продолжил обучение. Продemonстрировать полученные знания пришлось при встрече Нового, 1700 года. Петр потребовал устроить на Москве фейерверки не хуже, чем в Европе. Насчет Европы

судить трудно, но забава Корчмину удалась на славу. Такого в Первопрестольной народ еще не видал. Сам Василий получил легкие ожоги рук и лица, но помощников своих сбег и людей на берегах Москвы-реки не спалил.

Позже он всегда будет отвечать за салютацию и фейерверки. И достигнет в этом вопросе фантастических результатов. Шутейные и боевые ракеты Корчмина поднимались в воздух на тысячу метров. А позже появилось и другое его изобретение – огнеметы. Они также пригодились не только на забаву, но и в корабельном бою. Наставление по пользованию огнеметами Корчмин разработал совместно с царем. Оно сохранилось до наших дней.

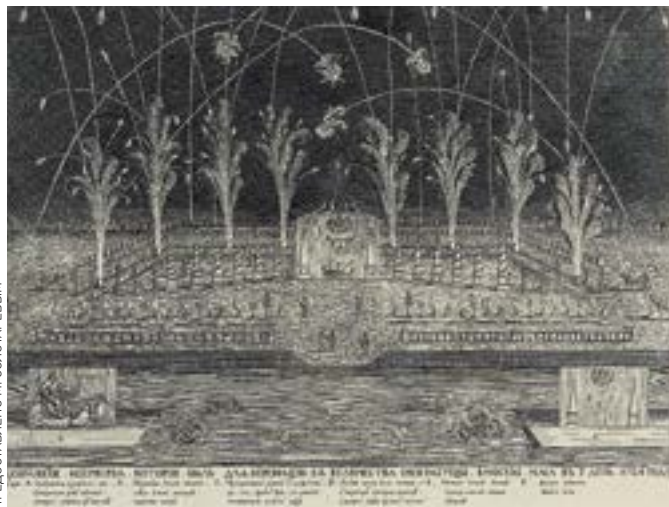
О сражениях Василий Корчмин ведал не понаслышке. Сам прошел всю Северную войну, вступив в нее сержантом, а закончив старшим офицером. С другими преображенцами Василий попал в беду при первой осаде Нарвы, в 1700 году. Участвовал во взятии Нотебурга в устье Невы в 1702-м. Брал Нарву в 1704-м. Бился в Полтавском сражении в 1709-м. После взятия крепости Нейшлот в 1714 году по приказу царя выбили огромную памятную медаль. Возможно, офицер, изображенный на этой медали стоящим у батареи пушек, Корчмин и есть. Это вполне логично, так как переоценить роль лучшего петровского артиллериста в осаде Нейшлота трудно.

После победного окончания Северной войны Корчмин 3 ноября 1721 года устроил в Петербурге двухчасовой фейерверк. В его подготовке участвовала команда из полутора сотен человек.

Главный фейерверкер и артиллерист, подобно самому Петру, не отдыхал никогда. В 1722 году отправился в Персидский поход. На сей раз чин и должность Корчмина были генеральские. Петр назначил его генерал-квартирмейстером русской армии.

За время участия в войнах Василий Дмитриевич был трижды ранен. В 1726 году, уже после смерти царя Петра, удостоился чина генерал-майора.

Петр Великий сам был универсалом. Но разнообразию способностей Корчмина мог позавидовать и он.

И.Ф. Зубов.
Фейерверк
и иллюминация
7 мая 1724 года
во время коронации
императрицы
Екатерины I.
Офорт 1724 года

Фейерверк,
продолжавшийся
более двух часов,
был устроен
перед Кремлем
на Царицыном лугу
(Болотной площади)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Уже выяснилось, что Василий был искусным фейерверкером и талантливым ученым по части ракетного дела. А что еще?

Начиная с 1703 года Корчмин занимается изобретениями в области артиллерии. Первое новшество – корабельный плутонг для нескольких пушек, позволивший значительно увеличить мощь огня с одной точки. Далее рождались идеи одна ярче другой. Самая, на мой взгляд, эффективная – это пушка-пулемет, разработанная Корчминым в 1706 году. Смысл в том, что на один лафет ставились обыкновенная пушка прямого боя и две небольшие мортиры (орудия для навесного огня). Триста лет назад орудия заряжались долго. Идея Василия Дмитриевича позволяла вести почти непрерывный огонь по различным целям.

Еще в 1700 году Корчмин попробовал себя в качестве разведчика. Сам-то он вряд ли бы решился экспериментировать. Но приказ царя не обсуждался. И Василий отправился с разведмиссией в Нарву и Нотебург. Два года ранее Петр проверил способности сержанта на сей счет довольно безобидным заданием в Кенигсберге. Впервые тогда царь получил представление о том, каково жалованье нижних чинов и офицеров в европейских армиях. Силен Корчмин был и в деле военного строительства. Первый опыт получил в разгар Северной войны на оборонительной линии Смоленск – Брянск. Под руководством Василия линию усовершенствовали и осовременили. Аналогичными вопросами он занимался в Москве в

Петр I Великий.
Гравюра Фогеля
с портрета работы
Купецкого

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

1707 году, когда возникла реальная угроза нападения армии Карла XII на Первопрестольную. В 1720 году Петр поручил Корчмину превратить остров Котлин и бывшую шведскую крепость Кроншлот в военно-морскую базу Кронштадт. При Василии Дмитриевиче возвели первые два форта около Кронштадта непосредственно на мелях Финского залива. Не только на море старался для отечества любимый инженер Петра,

но и на реках. Идея канала, который спустя много лет был-таки построен и назван Каналом имени Москвы, принадлежит Корчмину. А вот Волго-Балтийский канал он сам и начинал строить. Василию Дмитриевичу мы обязаны и появлением такого немногочисленного вида войск, как понтонные команды. Первая понтонерная рота подчинялась Корчмину.

Казалось бы, по меркам XVIII века, когда путь из Москвы в Петербург занимал несколько дней, времени у Корчмина на что-то еще оставаться не должно. Однако ж помимо государевых дел успевал Василий Дмитриевич и о себе подумать. С 1707 по 1719 год он организовал всяческие промышленные производства в западных губерниях страны. Видимо, они приносили приличный доход, раз собственный каменный дом в Петербурге майор лейб-гвардии Преображенского полка Корчмин смог поставить не где-нибудь, а между набережной Невы и Миллионной улицей. Центральнее некуда. Судя по всему, палаты простояли до 1732 года, когда на их месте начал строиться князь Черкасский.

Этот факт говорит о том, что единственное, на что у Корчмина времени в этом мире не хватило, так это на семью. Достоверных сведений о наследовании его домов в Петербурге и Москве, заводов под Брянском, Стародубом, Курском, вотчинных земель в Ивановской губернии не сохранилось. Есть свидетельство, что село Покровское на Вичужской земле, позже получившее название «Хреново», вплоть до 1753 года принадлежало некоему А. Корчмину. Но был ли это сын владевшего родовой вотчиной в Вичуге Василия Корчмина или всего лишь родственник – не ясно.

Корчмин ненадолго пережил своего государя. Сделавшись кавалером ордена Александра Невского в 1728 году, отдал Богу душу в следующем, 1729-м. Современники свидетельствовали – много курил. Вернулся Василий Дмитриевич Корчмин к нам совсем недавно. И сразу – на Васильевский остров. Пришел, забронзовевший, на родной орудийный лафет 24 мая 2003 года. С тех пор и курит там свою трубку. И улыбается чему-то хитро. ■

«БУДУЩЕЕ РОССИИ ЗА БОЛЕЗНЕННЫМ СИНТЕЗОМ НАУКИ И БИЗНЕСА»

БЕСЕДОВАЛ
ВЛАДИМИР
ЕМЕЛЬЯНЕНКО
ФОТО СЕРГЕЯ
АВДУЕВСКОГО

О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ СЕГОДНЯ С НАУКОЙ В РОССИИ И В МИРЕ, ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ СОТРУДНИК НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА МЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛОНДОНЕ, ИЗВЕСТНЫЙ ДИССИДЕНТ И ПУБЛИЦИСТ ЖОРЕС МЕДВЕДЕВ.

ЖОРЕС АЛЕКСАНДРОВИЧ, признаться, был удивлен, когда в европейских СМИ прочитал ваши выступления с критикой, иногда резкой, эмиграции российских ученых за рубеж. Вы же сами эмигрировали из СССР! Просто у вас были политические мотивы, а у сегодняшних эмигрантов – экономические.

– Я тоже читал эти «мои комментарии». Они вырваны из контекста. Известный прием: берут ту часть фразы, которая укладывается в концепцию представлений автора об объективности или проблеме, а остальное отсекают. Так вот, я не против отъезда российских ученых за рубеж, тем более что мировая наука интегрируется, я против того, как это делалось и делается. Помните, когда это началось? При Горбачеве. Я первый раз

приехал в Россию из Англии, когда мне в 90-м вернули гражданство. И был поражен: дикая инфляция, наука не финансировалась, НИИ гибли пачками. Начался отток ученых на Запад. А сюда потянулись такие люди, как Сорос. Он и еще с десятков околонаучных деятелей вливали в преддефолтную Россию сотни миллионов долларов. В Москве тогда было только соросовских грантов примерно на 270–300 миллионов долларов. По меркам мировой науки они были нищенскими – по 500–1000 долларов. Но за ними стояла целевая направленность: Соросу наплевать на российскую науку – гранты давались по конкурсу в три этапа. Первый – у ученого должно быть три публикации на английском языке. Второй – хотя бы одно открытие. Третий – разработки для внедрения. Западу ведь не нужна мелкота от науки или престарелые ученые. Они выбирали одаренных и молодых. У Сороса была цель – вывезти талантливые кадры и, используя их потенциал, возглавить процесс создания новых научно-производственных лабораторий. Соросовским представителем в Москве был известный ныне Александр Гольдфарб, бывший биолог из «Курчатовского института», который эмигрировал сначала в Израиль, потом в Германию, потом в США. Тот самый Гольдфарб, что вывез скандального фээсбэшника Литвиненко, а сейчас возглавляет фонд опально-

го олигарха Березовского. «Биография», правда? А представителем Сороса в Петербурге и Новосибирске был Валерий Соيفер, бывший сотрудник Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева и Института молекулярной генетики РАН. Кстати, он в СССР был лишь кандидатом биологических наук, на Западе им и остался. Но за три или четыре года распределения грантов он получил звание профессора Новосибирского университета, профессора физики МГУ, академика какой-то академии СНГ. Он давал гранты, а ему титулы. «ПроФеСор» – так написано в одном из его удостоверений академика одной из академий стран СНГ.

– Так что же плохого делал Сорос? Отечественная наука не могла использовать потенциал ученых, а он и его люди – да, в корыстных интересах – находили им работу...

– Когда стало ясно, что российская наука обречена на затяжной кризис, в Евросоюзе начали обсуждать разные варианты помощи. Все ведь понимали, что хандрит одна из ведущих научных отраслей мира. ЕС, в частности Германия, Франция и Великобритания, – а я участвовал в этой работе со стороны медицинского совета Великобритании – предлагали финансировать интересующие Евросоюз исследования в России, поскольку у россиян уровень науки высок, а исследования значительно

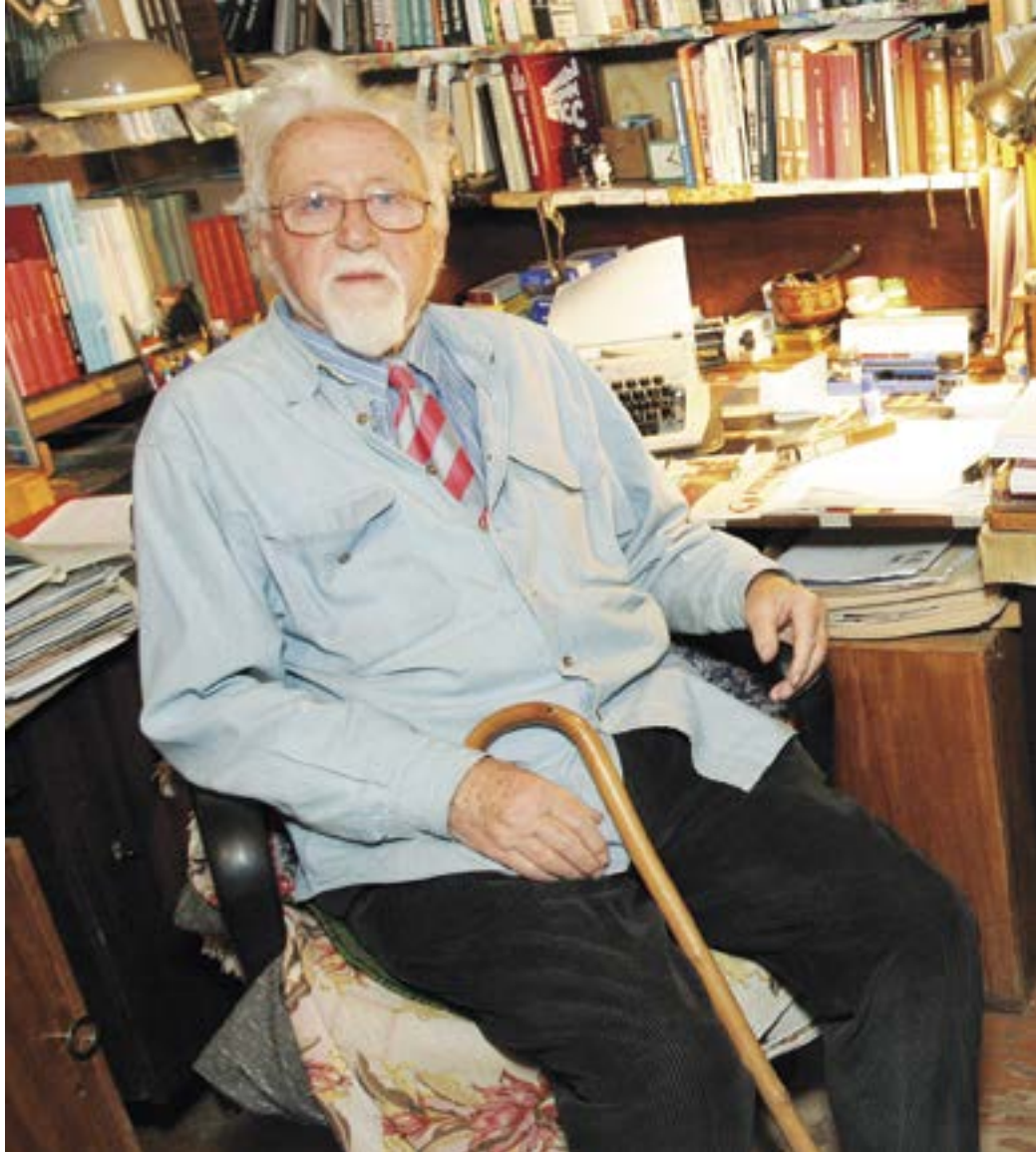
дешевле. Всем бы была выгода. Нет! США – кстати, руками наших бывших соотечественников, мягко говоря, нигде не снискавших научных достижений, – сделали ставку на экспорт ученых, фактически – оголение российской науки. Вот против какой утечки мозгов я выступал.

– Простите, однако вы не вернулись, как, например, это хотят сделать сотни бывших россиян.

– Всему свое время. Мне восемьдесят пять. А в науке люди на пик творческой активности выходят между тридцатью и сорока годами. У математиков и физиков, где требуется скорость мышления, этот период наступает еще раньше. У биологов, химиков, медиков и почвоведов несколько позже – после сорока и даже пятидесяти лет. Ну и зачем? Ради титулов и постдиссидентского торжества? Так жизнь устроена: тот, кто состоялся в науке за рубежом, домой уже не вернется. А отечественная наука и без беженцев выжила, но прервалась связь поколений. Без молодежи академики, старея, становятся просто пенсионерами: некому передавать опыт и научные школы. Поэтому вся надежда на внутренние ресурсы молодых и на оставшееся среднее поколение. А вот те, кто хочет вернуться, эту связь не восстановят и не продолжат. Как я понимаю, это либо те, кто не смог ничего особо добиться за границей, либо те, кто, как я, выработали свой ресурс.

– Имеете в виду бывших россиян – ученых 52 университетов мира, которые написали президенту РФ письмо с тремя условиями их возвращения: надежное финансирование науки, отказ от жесткой модели ее управления и международная кооперация труда?

– Ну, это вообще шантаж, а не желание вернуться. Крупных ученых из СССР не выпускали, из России они сами не уезжали: Капица, Алферов, ученые от атомной энергетики, от обороны, химики. Кстати, еще один ресурс выживания. Когда в 90-е началась утечка мозгов, уезжали ученые, не достигшие высот дома. По своему институту знаю: я был там один русский пятнадцать лет. В 90-м появились россияне. Сначала два-три, теперь десять или двенадцать. Это

ДОСЬЕ

Жорес Александрович Медведев, 85 лет, биохимик, брат-близнец историка Роя Медведева. В 1950 году окончил Московскую сельскохозяйственную академию им. К.А.Тимирязева. В 1962-м уволен из академии из-за написанной им книги «Биологическая наука и культ личности». Перешел в Институт медицинской радиологии АМН СССР. После издания книг, в которых критиковал цензуру в науке, в 1970 году помещен в Калужскую психиатрическую больницу. Освобожден после протестов академиков Капицы и Сахарова, а также известных деятелей культуры. В 1973 году с семьей получил приглашение на работу в Национальный институт медицинских исследований в Лондоне. В том же году по обвинению в антисоветской деятельности лишен советского гражданства. В 1990-м был восстановлен в гражданстве. С 1991 года пенсионер, живет в Лондоне.

средние и младшие научные сотрудники. Трем из них гранты не продлили. Еще трех из категории научных сотрудников перевели в старших лаборантов. То же самое происходит с учеными, эмигрировавшими в США. Знаю двух известных ученых с Украины, они получили в США лаборатории, но не смогли создать направления, и их лаборатории перестали финансировать. Тот же Александр Гольдфарб, оптом скупавший русских ученых, на их интеллектуальной основе создал лабораторию мо-

лекулярной генетики в Нью-Джерси. Но не от хорошей жизни возглавил далекий от науки фонд беглого Березовского. Не буду называть других имен, они были в СССР громкими, но на Западе эти ученые, включая тех, кто написал письмо президенту Медведеву, ничего толком не добились или их карьера клонится к закату. Не стану называть и генетиков, которые получали высокие назначения в научных центрах США, но их отгеснили в провинциальную профессию. И вот на грани кризиса они пишут

Великобритания, Франция, Германия и царская Россия. Удивительно, но революция 1917 года вызвала незначительные потери. Эмиграции ученых почти не было: уехал Мечников в Париж, но еще до революции. Менделеев умер, а Павлов, Вернадский, Сеченов остались, а главное – научные школы остались. Даже в Первую мировую и Гражданскую войны не закрылся ни один университет. А какая была молодежь – Капица, Вавилов, Семенов! И началось возникновение мирового уровня институтов по фундаментальным наукам – физике, химии, биологии и математике. Наука стала престижной и высокооплачиваемой. В 1948 году, когда я начал научную работу, вслед за партийной элитой шла научная. Причем партийным не завидовали – все же аресты, произвол, а профессуре оклады по решению Сталина были повышены сразу в три раза. В связи с атомными разработками и изобретением атомной бомбы труд ученого оценивался на уровне министра. Уже заместители министров получали меньше нас. Сталин, как сегодня американцы, понимал: финансировать надо не только исследования, но и держать высокий стандарт материальной поддержки ученых. Мы, разумеется, слышали, что в древней Греции кое-кто жил в бочке, но подавляющее большинство ученых той эпохи все же олицетворяло греческую аристократию. А в современной России ученые или спасаются бегством за рубеж, или довольствуются подачками, которые чуть выше пособия по безработице в Восточной Европе.

– Но будьте объективны: то, что в Россию едут ученые-экспаты, возвращаются бывшие соотечественники, наконец, то, что российская наука питает ЕС и США кадрами, поставляя миру и нобелевских лауреатов, не ставит под сомнение ваше утверждение?

– Так я и говорю – шансы на модернизацию есть. Но помимо того, что руководство страны не определилось с идеологией науки, оно, мне кажется, не понимает того, что фундаментальная наука старого типа, основанная на академической науке и индивидуальном творчестве, в новом столетии потеряла потенции. Будущее, и России тоже, все же за слиянием науки с производством, за болезненным синте-

письма на далекую родину. Да еще со своими условиями! Ведь если они сюда вернутся на условиях, которые выдвинули, их могут сделать академиками. А проблема российской науки еще в том, что по организации она осталась советской. Статус академика можно получить не только за открытия, но и за выслугу лет, а то и занимая политические посты или имея состояние олигарха. Так что если вы не хотите дать звание академика еще одному а-ля Березовскому, то рассчитывать на научный потенциал бывших соотечественников не стоит. Такого же среднего уровня ученых полно в России, которая, если даст им возможность самовыражения, может и без варягов добиться возрождения науки. Те же, кто адаптировался на Западе, в смысле научном, как нобелевский лауреат Андрей Гейм, или в смысле бытовом – натурализовались, они не вернутся. Они и не сочиняют открытых писем президенту России.

– Допускаете, что у ученых иная мотивация для возвращения?

– Разумеется. Но надо понимать, что они, как правило, выработали ресурс первооткрывателя. Можно рассчиты-

вать лишь на то, что они могут стать преподавателями или управленцами от науки, но открытий, в том же «Сколково», точно не сделают.

– Без них у российской науки есть шанс на возрождение?

– Есть, но пока теоретически. России не по силам возрождать весь спектр науки, чем был силен СССР. Наука тогда являлась частью идеологии социализма, шло ее мощное финансирование. Сегодня как у России, так и у ее полуразрушенной науки нет идеологии, как итог – нет финансирования. Еще остается проблема преемственности. Наука в любой стране развивается непрерывно. В течение сотен лет. Здесь важны традиции – от Ломоносова к Российской академии наук, когда к концу XIX века началось выдвижение корифеев – Менделеева, Мечникова, Вернадского, Сеченова, Павлова. Это были лидеры новых отраслей науки, которые, с незначительными исключениями, вошли в советскую науку. Она унаследовала фундамент российской, которая тогда частично превзошла европейский уровень. Тем более США. В Америке начала XX века наука была примитивно прикладной. Лидерами были

зом науки и бизнеса. Крупные ученые уже предпочитают работать в компаниях или лабораториях при бизнесе. Университеты и академии уходят в тень, если не создают корпораций, подобных Силиконовой долине. Так идет болезненный синтез – сближение фундаментальной и прикладной науки. Ведь для исследований нужна сложнейшая техника. Это уже не Павлов со своими собаками и не Мечников с гениальным воображением. Это колоссальные вложения в сложные технологии. Даже в США не все это понимают. Там в 1995 году начался проект «Геном человека». На него государство академической науке выделило 5 миллиардов долларов. К 2000 году, когда геном наполовину расшифровали, Госдеп ворчал: «Как это дорого!» Тем временем частная биотехнологическая компания изобрела другую серию приборов, которая обогнала правительственный проект в скорости. И уже не за 5 миллиардов, а за 20 миллионов долларов сделали параллельную расшифровку. В итоге конкуренции появились два решения проблемы расшифровки генома и два пути развития науки – государственный и частный. В России нет ни синтеза фундаментальной и прикладной науки, ни двух или иных путей развития науки.

– Насколько оправдан компромиссный путь: технологии расшифровки генома человека у США уже купили несколько российских НИИ, а на многие другие открытия растут аппетиты у иннограда «Сколково», который хочет, купив лицензии, совершенствовать технологии?

– Надо покупать. Иначе еще отстанем. И так США вне конкуренции. Все отстают от Штатов по двум причинам: деньги – одно клиническое испытание по гипертонии или атеросклерозу стоит порядка 300–600 миллионов долларов, что по карману не всем, – и утечка умов. В Великобритании те же проблемы, что и в России: отток ученых за границу или в бизнес. «Сколково» – это попытка России сблизить фундаментальную науку с бизнесом за счет инвестиций и технологий от мировых лидеров. Вот только пойдет ли иностранный бизнес в науку, за которой присматривает государство с репутацией непрогнозируемого барина? В США бизнес

предпочел частные научные компании. Это первое. Второе – кадровая база. Из «Сколково» хотят сделать аналог Силиконовой долины, что, на мой взгляд, почти обречено на провал или даже невозможно. Прежде всего, это не Калифорния, где Долина основана на базе четырех университетов международного уровня – Калифорнийского (200 тысяч студентов), Стэнфордского (около 300 тысяч), университетов в Сан-Франциско и

Лос-Анджелесе – и целой серии небольших университетов, расположенных по побережью. Это порядка 700 тысяч студентов. В Москве тоже много хорошего уровня университетов, технических и медицинских вузов, но эту индустрию и интеллектуальный потенциал надо объединить, принципиально иначе финансировать и дать бизнес-свободу. Я вот недавно был в Тимирязевской сельхозакадемии и в МГУ. Аспиран-

Проблема российской науки еще в том, что по организации она осталась советской. Статус академика можно получить не только за открытия, но и за выслугу лет, а то и занимая политические посты или имея состояние олигарха.

ты получают не просто мало – оскорбительно мало! В аспирантуру никто не рвется. Мои две внучки после неоконченной аспирантуры пошли в бизнес. Реальных признаков создания «Сколково» я не вижу.

– А то, что инноград возглавит нобелевский лауреат Жорес Алферов и туда уже согласились приехать нобелевские лауреаты из США и Японии...

– ...Но отказались русские нобелевские лауреаты Андрей Гейм и Константин Новоселов. Полагаю, в отличие от иностранцев, едущих по контракту, который можно не продлить, россияне знают, что делают. Они уже привыкли к другой науке – не централизованной, как армия, и гибкой, когда можно переходить от фундаментальных исследований к прикладным. В России революционные начинания опять спускаются «верхами», идут через сито чиновничества и в каком виде дойдут до науки – вопрос. И зачем возвращаться тем, кого готовы видеть лучшие научные центры мира? И куда – к тому, от чего уехали в 90-е годы?

– Если «Сколково» все же сблизит фундаментальную науку с прикладной и с производством, какое место в этой цепи займет Российская академия наук?

– Многое зависит от способности РАН к гибкости и от того, сможет ли она не презирать прикладную науку. Но у РАН советские дефекты: она иерархична и плохо адаптируема к переменам. В РАН человек добивается статуса члена-корреспондента к пятидесяти годам, раньше, как в армии, «не положено». Кроме академика Сахарова и еще двух-трех исключений, молодые люди академиками не становятся. Таких академий, как РАН, – с окладами, привилегиями – в мире нет. В Великобритании есть аналог – Королевское общество ученых. Есть Национальная академия США. Но это не структуры, а организации на общественных началах. Я был членом Нью-Йоркской академии наук. У нее, как и у других академий, свой устав, подразумевающий выплату членских взносов. Взамен я бесплатно получал научную литературу, приглашения на конференции и 25-процентные скидки в определенных гостиницах США. Это покрывало членский взнос, но,

когда я вышел на пенсию, взнос вырос, доходы ужались. Я вышел из академии. Вот так примерно функционируют многие академии наук Запада. Не исключая, что перед таким выбором стоит и РАН.

– Не кажется ли вам, что РАН помимо научных традиций и локомотива развития науки еще выполняет важную функцию – естественного фильтра против лженаук, тянущихся к бюджету?

– Из рук вон плохо это получается у РАН. Я как-то в Санкт-Петербурге зашел в аптеку и чуть дара речи не лишился: вместо лекарств витрины сплошь были уставлены БАДами, между прочим, отечественного производства. Если вы присмотритесь к ним, они рекомендованы, например, РАМН или Институтом питания РАМН. В Лондоне нет таких витрин с БАДами, тем более подкрепляемых рекомендациями ученых. А ведь производители работают «под науку». Хотя сбывают плацебо. Но пустышкам они дают названия от органа – «Простамол», «Долголет», «Чистотел», – и все препараты «улучшают» все и сразу – питание, похудение и долголетие. Из-за того, что РАН не развивает настоящую медицину и фармакологию на основе био- и высоких технологий, махровым цветом цветут псевдонауки – пластическая хирургия, лечебное питание и диетология, те же БАДы. Поскольку это прибыльно, то несведущего потребителя уже пытаются «лечить» биолучами, магнитно-резонансными импульсами и прочей ерундой. Обнадеживает то, что в технике или атомной физике паразитировать на незнании людей труднее. Все же в технике надо что-то сконструировать, чтобы изобретение работало.

– Сближая фундаментальную и прикладную науку, Россия сможет сохранить все научные направления? А отстав, обречена сосредоточиться лишь в тех нишах, где конкурентоспособна?

– Все же придется выбирать приоритетные направления. По разным индексам, Россия дает 3–4 процента научной информации, что в разы ниже советской науки. Например, погубленные направления: фундаментальная наука – почвоведение, прикладная – агрохимия. Никакого успеха в этих отраслях в бли-

жайшие годы не может быть. Они завязаны на сельское хозяйство, которое деградировало. То же с генетикой. Она зависит от медицины, которая в России скатывается к уровню развитых африканских стран. Фармацевтики почти нет, поэтому и фармакологии как науки нет. Надо сохранять то, что есть.

– Насколько в этих условиях оправдана ставка на то, чего в стране не было, – на нанотехнологии и микро칩ы?

– Я бы добавил еще ставку на научные бренды СССР – атомную науку и космос. В остальном куда ни кинь – везде клин. Вот и сделана ставка на то, в чем страна особенно уязвима, – нанотехнологии и микропроцессоры. Цель понятна – обеспечить национальную независимость в компьютерном оборудовании. В нем Россия может стать успешной, но не сможет лидировать. Слишком далеко оторвались конкуренты.

– Когда, по-вашему, молодые люди вновь будут мечтать стать учеными, так же как раньше космонавтами, а сегодня – олигархами или топ-менеджерами?

– Увы, и в США, и в Великобритании ученые, даже профессора Оксфорда или Кембриджа, элитой не являются. Элиту составляют представители прикладной науки – медицины, особенно дантисты и пластические хирурги, инженеры-конструкторы, ученые от фармакологии... Этаким бизнес или полубизнес от науки. Домашний врач, обслуживающий нашу семью, в год зарабатывает примерно в три раза больше, чем я – старший научный сотрудник. А фармаколог или инженер-конструктор зарабатывают в среднем в два раза больше ученого. Это тоже не элита, а так называемый средний класс, который делится на верхний, средний и низший. И вот практики, или «прикладники», – это верхний средний класс, а представители фундаментальной науки – средний и низший средний класс. Таков тренд. В этих условиях наука получает приток кадров, но талантливые и амбициозные все же идут в бизнес или в «прикладники». Что хорошо: фундаментальной науке нужны подвижники, а дельцы лучше бы ее не касались. ■

ГЛУБИНКА

**ЕЛЕНА
КЛИМОВА**

ЭТОТ ЧЕРНО-БЕЛЫЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ БЫЛ ПОКАЗАН НА 45 ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ФЕСТИВАЛЯХ. СОБРАЛ ЦЕЛЫЙ ВОРОХ НАГРАД. «ГЛУБИНКУ 35Х45» СНЯЛ СИБИРСКИЙ РЕЖИССЕР И СЦЕНАРИСТ ЕВГЕНИЙ СОЛОМИН.

... **П** О СЕЛАМ ОДНОГО из районов Новосибирской области ездит фотограф. Он предлагает жителям глубинки сфотографироваться на новый российский паспорт: «зачем тащиться в райцентр, я вас дома сниму». Размер снимков – 35х45. Съёмочная группа ездит вместе с фотографом. Героев не нужно искать – они сами появляются в кадре. Ну да, неказистые, небогатые – один пиджачок на всех, да и тот привезен для съемок сметливым фотографом. Их разговоры просты, а заботы – будничны. Они такие, какие есть. Пережившие все реформы и перемены, как плачущая старушка-немка – из тех еще, сталинских переселенцев. Они безропотно снимаются на новые паспорта, раз уж так

нужно, утром гонят скотину на пастбища, работают на полях, гуляют на свадьбах, поют, пьют, пляшут и печалются. В финале огонь костра листает страницы старых паспортов, наваленных грудой на земле...

На родине не обошлось без обвинения «Глубинки...» в «чернухе». Евгений Соломин на это отвечает:

– Фильм – не телевизионная продукция, в нем нет перста указующего. И то, как человек понимает этот фильм, зависит от его жизненного опыта, образования, взглядов, мировоззрения. Например, одна женщина, которая в деревне никогда не была, говорила: «Ой, там на свадьбе матершинные частушки, теснота, бедность... Нет, таких свадеб не бывает!» А моя теща, которая прожила двадцать лет в землянке в деревне на севере Томской области, удивилась: «Какая богатая свадьба! У нас таких не играли! Наряды шикарные! Машины какие! Хорошая деревня, зажиточная!» Когда мы показывали «Глубинку...» в области, пришли интеллигентные женщины – учительницы, библиотекари... Они плакали... Поняли, что этот фильм про них, и восприняли его как правду. В Германии зрители – выходцы из России – тоже плакали. Я бы мог «чернухи» насни-

мать! Даже вот на этом же самом деревенском материале – очень много. Один из героев – он алкоголик, у него несколько судимостей.

– Так какая же это правда? В жизни – алкоголик, а у вас – чудака такой обаятельный?

– Вы как журналист, я как режиссер – мы всегда выбираем, о чем писать, о чем не писать, о чем снимать, о чем не снимать. Документалист должен дать объективную картину, но это не главное, что он должен сделать.

– А что главное?

– Создать фильм, желательно максимально точный и совершенный, чтобы не было ничего лишнего. Постараться рассказать образно о реальности. То кино, которое нравится мне, ближе не к журналистике, а к русской литературе. Важнее не врать по сути, нежели по мелочам.

– Сколько было экспедиций? И какая часть отснятого материала вошла в фильм?

– Очень большая. Фильм идет 42 минуты, а материала отснято на два часа. Пленка ведь, работать страшно. Стоишь и трясешься — нажимать тебе на кнопку или не нажи-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

мать. Один метр – 2 секунды – стоит доллар. Это не видео, когда «поливаешь» камерой вокруг, а после разбираешься, что снял. Тут долго думаешь: надо вот это снимать или нет? Понимаешь, что и ты можешь прогореть, и студия по миру пойти. Всего экспедиций было три: две недели, еще раз две недели и месяц, ну и небольшие досъемки. Например, начальный кадр снимался через два года после основного материала.

– Вы работали над фильмом семь лет?
– Быстро хорошо не бывает. Фильм создавался долго и мучительно. В мелочах вылизывался. Может быть, это и сказалось в конечном счете. Кропотливо и очень чисто сделанный фильм. Я не могу сказать, что он идеальный, но я могу сказать совершенно точно, что я приложил максимум усилий, чтобы сделать его как можно лучше. Хорошее кино снимают такие чудаки, фанатики своего дела. И живут этим. Правда, в цивилизованных странах художник может себе позволить пять-семь лет работать над одной картиной и не думать о том, что ему надо обязательно мешков шесть картошки в погреб сгрузить, чтобы прожить зимой. Например, на амстердамском фестивале неигрового кино (один из самых авторитетных фестивалей документального кино. – Прим. ред.) главный приз «Лучший полный метр» получил режиссер, который двенадцать лет снимал в Индонезии одну семью. Но такой подход нельзя назвать профессиональным. Он подвижнический. Именно такие картины и обращают на себя внимание. У нас же люди должны снимать очень быстро. А быстро не бывает хорошо.

– Почему же подвижничество? Разве не удовольствие – двенадцать лет заниматься творчеством и не заботиться о хлебе насущном?

– Может быть, это просто нормальный подход. Но это происходит в тех странах, где человек чувствует себя более защищенным экономически, чем у нас. За последние десять лет в документальном кино произошли большие перемены. Оно стало не маргинальным, а вполне достойным и, может быть, даже модным способом самовыражения.

– Техническая революция?

– Да, сегодня купил видеокамеру, купил компьютер – и достаточно. Но при этом ты никогда не сделаешь кино, если будешь работать в банке или в какой-нибудь компании и выделять фильму три часа в субботу вечером. Нужно очень плотно вкалывать. А раз речь идет о том, что ты должен год-два-три работать, то встает вопрос, на что ты будешь жить. Документальный фильм в 99 процентах случаев не только не приносит прибыли, но и не окупает вложенных в него денег.

– Вы не думаете, что успех фильма подогрет наличием в нем «русской экзотики»?

– Европейские режиссеры давно ездят снимать в Африку, в Китай и в Сибирь... Документальное кино как искусство требует драмы. Конфликта. Здесь у нас этого больше. Интересные люди, сложная драматическая жизнь. Не такая, как в Европе, где все приглагожено. Тут на тысячу таких, как Женя Соломин, материала найдется. Поэтому обязательно надо популяризировать документальное кино, создавать творческую среду. Еще не так давно в Новосибирске, Иркутске, Красноярске были свои школы документалистики. Но на пустом месте она не возродится. Пока практически ничего для ее возрождения властями не делается. А то, что делается, это копейки, которые ничего не изменят.

– А что изменит?

– Должны быть фестивали, ориентированные на региональный контент, с рынками идей. Семинары, на которых будут объяснять, в том числе детям и подросткам, что такое документальное кино. Причем все это

должно происходить не только в областных центрах, но и в районах области. Дальше. Производство должно финансироваться. Иначе люди, которые даже выучатся профессии, уедут в Москву. Регион должен быть заинтересован, чтобы талантливые ребята могли работать там, где живут.

– Да где же им выучиться профессии?

– Раньше существовала прекрасная система обучения при самих студиях. Как в Средние века в мастерской художника. Сначала мальчик растирал краски, потом грунтовал холст, потом начинал писать сам. Вот и у нас молодой человек устраивался осветителем, через полгода его брали ассистентом оператора, потом он начинал работать как режиссер. Сейчас это невозможно. Студии-производители едва выживают, и, если маленькая студия возьмет в штат ассистента и осветителя, она обанкротится. У нас один человек работает за десятерых. И это наносит удар по молодежи. Я взял бы ассистента-оператора, редактора, администратора. И они бы очень многому научились и через два-три года могли бы самостоятельно работать. Но я не могу платить им деньги! Хозяева студий думают лишь об одном – как выжить? Я думаю о том же.

– Но вы снимаете новый фильм?

– Да, сложный проект, не знаю, когда он будет закончен. Рабочее название «Страна рыбаков». Фильм о людях, которые живут в довольно-таки труднодоступных регионах нашей страны и промышляют рыбалкой. Действие происходит на Оби (север Томской области), Байкале и Камчатке.

– Опять глубинка? Почему?

– Потому что в документальном кино можно много чего интересно придумать, а потом окажется, что в жизни этому нет соответствия. Поэтому на съемках и в монтаже производство фильма всегда выглядит как некая авантюра, импровизация.

– Вы уже знаете, каким будет последний кадр?

– Нет. Замысел трансформируется в зависимости от жизненных реалий, коллизий. Надо быть чутким, незашоренным и не заикленным на своих умозрительных идеях. ■

ВКУС БЛОКАДНОГО ХЛЕБА

ЛЮБОВЬ
РУМЯНЦЕВА
[САНКТ-ПЕТЕРБУРГ]
ФОТО АНТОНА БЕРКАСОВА

НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ПЕТЕРБУРГСКОГО ХЛЕБОЗАВОДА НА МОСКОВСКОМ ПРОСПЕКТЕ ЕСТЬ НЕОБЫЧНЫЙ ПАМЯТНИК: ЮНАЯ ДЕВУШКА, МОЛОДАЯ РАБОТНИЦА И ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА, КОТОРЫЕ ИЗ ПОСЛЕДНИХ СИЛ ПОДДЕРЖИВАЮТ ДРУГ ДРУГА. ДЕВУШКА ПРИЖИМАЕТ К ГРУДИ НЕБОЛЬШОЙ КУСОЧЕК ХЛЕБА. ЭТОТ МОНУМЕНТ «ЖЕНЩИНЫ БЛОКАДЫ» ПОСТАВЛЕН В ПАМЯТЬ О ТЕХ, КТО РАБОТАЛ НА ХЛЕБОЗАВОДЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. СРЕДИ НИХ БЫЛА И АННА АЛЕКСЕЕВНА КАПУСТИНА – ОНА ОДНА ИЗ НЕМНОГИХ ПОМНИТ, КАКОВ ВКУС У БЛОКАДНОГО ХЛЕБА.

час я понимаю, что это было чудовищной ошибкой. Но тогда мы не догадывались о серьезности положения, не думали, что война может продлиться так долго. Взрослые решили: «Умирать – так вместе» и забрали нас.

Немцы наступали, город постепенно оказывался в окружении, кто мог – эвакуировался. Таких, кто добровольно возвращался в Ленинград, было совсем немного.

– Мы ехали в вагонах с углем, чудом не погибли – железнодорожные пути постоянно подвергались обстрелам, – говорит Анна Алексеевна. – Прибыли домой почти тогда же, когда город полностью взяли в кольцо. Так что блокаду мы познали с первых же ее дней – по собственной вине и стечению трагических обстоятельств.

У деда Анны Капустиной был дом на окраине города – в районе Новой Деревни. Сама Анна Алексеевна считает, что большую семью Капустиных спасла его предусмотрительность: когда дед понял, что дела плохи, то набрал оставшуюся после сбора урожая ботву с полей. Зимой в нее добавляли жмых и делали «болтушку», которой делились и с соседями. Полученный по карточкам хлеб съедали не сразу – дед делил его на маленькие порции, посыпал солью и кормил домочадцев.

Рыжая от крови набережная

Окраины бомбили не менее жестоко, чем центр города, – Анна Алексеевна до сих пор не может поверить, что смерть столько раз проходила совсем близко.

– Рядом с нами было Серафимовское кладбище, – вспоминает она. – Так после артобстрела там почти каждая могила была как будто разрыта – туда попадали осколки снарядов. Один раз мы с тетей пошли на рынок, который тогда еще был на берегу Малой Невки. Обычно приходилось выстаивать длинные очереди – стоять на морозе по нескольку часов. Но в тот день мы почему-то решили пойти через Неву на Малую Подъяческую улицу: там у тети осталась квартира, ей хотелось узнать, цела ли она. Путь очень тяжелый, долгий. На Троицком мосту нас застал артобстрел. Успели добраться до Марсова поля, там спрятались в землянках для военных. От взрывов землю качало, как на корабле. Были уверены, что погибнем. Но остались целы. А когда вернулись к себе, то увидели, что рынок на Малой Невке просто перестал существовать. Его полностью разбомбили. Там вместо набережной скат каменный к воде, так он весь был рыжий от крови – столько людей там погибло! Мне так это запало в душу, что уже после войны, когда я ездила на экскурсию в Брестскую

АННА АЛЕКСЕЕВНА – ЧЕЛОВЕК скромный, рассказывать о блокадных годах не любит. Слишком много всего хотелось бы забыть, не вспоминать, но память не дает забыть те страшные дни. Когда началась война, Ане не исполнилось еще и 13 лет. – Меня с сестрой и братом эвакуировали сразу же в Кировскую область, – рассказывает она. – Нам было очень тяжело – дорогу, по которой шел наш поезд, бомбили немцы, еды было мало, условия плохие. Мы плакали, воспитатели тоже плакали. Мы писали родственникам слезные письма, просили забрать нас домой. И взрослые приехали за нами, чтобы отвезти обратно в Ленинград. Конечно, сей-

крепость, не смогла даже выйти из автобуса. Дело в том, что прошел дождь, и камни мостовой стали рыжего цвета – как тогда.

Об ужасах блокадного времени Анна Алексеевна старается не вспоминать, а если и начинает рассказывать – то плачет. О том, как на Серафимовском кладбище людей складывали в траншеи, как дрова, о том, как ее и других женщин заставили удобрять поле золой, в которой попадались людские останки...

– Деточка, грязи много было, что и говорить, – вздыхает она. – Но люди как-то держались, не доходили до животного состояния. Например, однажды у меня мальчишка отобрал только что полученную порцию хлеба. Я бегу за ним из последних сил и кричу: «Отдай хлеб, это мой!» Он на бегу съедает довесок, а после этого останавливается и отдает мне украденное: «Держи!» Интересно, жив ли до сих пор этот мальчик, который смог так поступить?

В 14 лет тетя устроила Аню на работу – сначала девушка собирала вместе с другими подростками траву мокрицу.

– В этой траве много витамина С, – говорит Анна Алексеевна. – Ее отправляли на хлебозаводы, в госпитали – она спасала людей от цинги. Потом новая работа – на аэродроме в Шувалово, расчищать летную полосу для самолетов, прорвавшихся в осажденный город. Рабочие брига-

Для меня хлеб – это святое. Хлеб могут выпекать только порядочные, во всех отношениях чистоплотные люди. Ведь мы же кормим людей!

ды состояли в основном из подростков, женщин и стариков, ослабевших от голода. Некоторые жалели 14-летнюю девчонку, много часов подряд разгребавшую снег. Но другие считали так: «Раз получаете паек, как у нас, то и работать должны наравне со всеми!»

– Иногда работали непрерывно по 14–18 часов, подносили снаряды, чистили летное поле, – говорит Анна Алексеевна. – Тогда я узнала, что такое спать на ходу. Нас строем водили в столовую, все держались друг за друга, так я закрывала глаза и дремала, открывая их только изредка, чтобы не упасть.

Несмотря на каторжную работу, недоедание и недосып, молодые работницы в свободное время смотрели кино вместе с летчиками.

– Некоторые фильмы крутили по 12 раз! – смеется Анна Алексеевна. – Летчики учили нас танцевать... Ни о каких ухаживаниях я тогда не думала – еще была маленькая, да и не до того было, но с летчиками было весело, и на несколько минут все проблемы отступали.

Конвой у хлебных цехов

Пришла новая беда: тетя слегла. Больная женщина стала забирать у девушки почти весь ее паек, наступили совсем черные времена.

– Старшая подруга, видя мое бедственное положение, предложила попробовать устроить меня на хлебозавод, – вспоминает Анна Алексеевна. – В отделе кадров сомневались – считали, что мне не работать надо, а учиться в школе. А я только плакала и говорила, что хочу хлеба. К счастью, меня взяли, но с условием, что буду посещать вечернюю школу. Многие считали (да и по сей день считают), что работа на хлебозаводе – самое сытое место, а сотрудники цехов знать не знали голодного истощения. Анна Капустина быстро убедилась, что это не так.

– Работа невероятно тяжелая физически, – говорит она. – На нас наваливали мешки муки весом 50–70 килограммов, которые мы должны были дотащить до специальной ямы. Выносить ничего было нельзя – даже перейти из одного цеха в другой запрячилось, у входа стояла охрана. Охранники строго проверяли все сумки, обыскивали сотрудников. Тогда люди были другие, с другими моральными принципами. Я помню случай, когда у женщины-химика мать дома с голоду умирала. Ей посоветовали кусочек хлеба в косе спрятать, но при досмотре его все равно нашли. Так она не выдержала позора и покончила жизнь самоубийством

еще до всяких разбирательств. А так за вынос хотя бы одного кусочка могли дать пять лет тюрьмы.

Сейчас много разговоров об этом самом блокадном хлебе – что туда добавляли чуть ли не опилки.

– Опилок не было, – говорит блокадница. – Муки в хлебе было действительно меньше 30 процентов. В Институте пищевой промышленности ученые постоянно экспериментировали, разрабатывали новые рецепты хлеба, исходя из имеющихся у них ингредиентов. Добавляли то солод, то жмых, то соевые шроты и мякину. Причем на фронт вообще только ржаной хлеб отправляли и сухари из него.

Условия работы хлебопеков были адскими. То замерзали трубы, то кончалась мука, постоянная воздушная тревога... Женщины дежурили на крыше хлебозавода с щипцами, чтобы тушить «зажигалки» (зажигательные бомбы). Как только раздавался сигнал тревоги, первым делом закрывали брезентом завазку, чтобы в нее не попали осколки и стекла – хлеб должен был производиться в любом случае.

– За годы блокады на рабочем месте погибли 18 сотрудников хлебозавода, – вздыхает Анна Алексеевна. – Да и остальные были на грани истощения. Но женщины-хлебопеки были по-настоящему нестигаемы. Мы все ждали, когда же война закончится, помню, как-то на хлебозаводе в очередной раз кончилась мука и нас отправили убирать снег. Там мы и услышали, что блокада полностью снята. Эта новость так нас обрадовала, что, несмотря на дикую усталость, мы стали играть в снежки и веселиться. Один парень нечаянно высыпал на проезжающую мимо машину целую лопату снега – оказалось, внутри сидел генерал, и он на нас пожаловался. Но наказывать нас не стали – уж больно радостная была новость.

«Боялась, что не наемся»

Когда закончилась война, Анна Алексеевна надеялась на лучшее: вернулись из эвакуации родственники, можно было снова пойти учиться, отдохнуть от каторжной работы.

– У меня в душе было такое предчувствие счастья – наконец-то моя жизнь

пойдет как надо! – говорит женщина. – Моя учительница в вечерней школе всегда говорила, что у меня способности к литературе, советовала учиться дальше. Но ни ее, ни моим мечтам не суждено было сбыться. Послевоенное время оказалось очень тяжелым, мой дед был старым и больным человеком, я панически боялась голода, поэтому не могла уйти с хлебозавода – хотелось быть поближе к хлебу, к жизни. Окончила специальные курсы, стала технологом... Где-то до 53-го года все боялась, что хлебом не наемся. Хотя сил было очень мало. Один раз упала в обморок прямо в цеху. Меня отвели в медпункт, когда я пришла в себя, то услышала, как медсестра говорит бригадиру: «Этой девочке надо три года отдыхать, а потом только начинать жить». Но такой возможности у меня не было.

Трепетное отношение к хлебу осталось у Анны Алексеевны на всю жизнь.

– Хлеб могут выпекать только порядочные, во всех отношениях чистоплотные люди, – уверена она. – Ведь мы же кормим людей! Для меня хлеб – это святое. Помню, как-то сломалась одна из печей, процесс производства сбился, и нам надо было разгрести «завал» хлеба. Я присела на корточки, стала потихоньку разбирать буханки руками. А моя молодая коллега ногой наступила на хлебные изделия, чтобы удобнее было их разбирать. Я как увидела, что батонны топчут ногами, так прямо душа перевернулась. «Как ты можешь, это же хлеб!» – накинулась я на коллегу. Она смотрела на меня, не понимая...

...Анна Алексеевна Капустина до сих пор трудится на том хлебозаводе, куда пришла еще совсем девочкой. Выйдя на пенсию, все равно осталась работать – перестройка и тяжелые 90-е не позволили отдохнуть. Хотя Анну Алексеевну очень уважают и поддерживают сослуживцы и начальство – и материально, и подыскивают работу полегче, и поздравляют со всеми праздниками, помня о ее заслугах, – но годы не идут вспять. И сейчас эта труженица подумывает об уходе с родного завода.

– Пора уже отдохнуть, с 14 лет не было у меня отдыха! – вздыхает она. – Вот этот месяц отработаю и уйду на покой. ❀

НЕВЫСОКИЙ БЛОНДИН В ВОЛОГОДСКОМ ВАЛЕНКЕ

СЕРГЕЙ
ВИНОГРАДОВ

ЛЕГЕНДА ФРАНЦУЗСКОГО КИНЕМАТОГРАФА ПЬЕР РИШАР ВПЕРВЫЕ ПОБЫВАЛ В РУССКОЙ ГЛУБИНКЕ. И, МЕЖДУ ПРОЧИМ, НАШЕЛ ЕЕ ПОХОЖЕЙ НА ШВЕЙЦАРСКИЕ АЛЬПЫ.

Т О OLGA. PIERRE RICHARD. Седовласый гость аккуратно выводит автограф на обратной стороне брачного свидетельства молодой вологодской пары. Дополнительные в сравнении с русским написанием буквы в имени и фамилии стоили невесте нескольких лишних секунд ожидания на морозе. Куда больше была удивлена администратор гостиницы Великого Устюга, раскрыв паспорт с детства знакомого актера и обнаружив в нем полное, «шестизначное» имя Ришара длиной в сорок букв! В остальном знаменитый актер оказался таким, каким мы и знаем его по фильмам: улыбчивый, доброжелательный и по-хорошему забавный.

Объясняя, зачем 76-летняя знаменитость решила выкроить три дня из своего графика в ущерб съемкам и проектам, многолетний друг и деловой партнер Ришара Марк Рускар называет две причины. Во-первых, если в Европе «высокого блондина» считают лишь популярным актером, каких много, то в нашей стра-

не он входит в «шорт-лист» особых любимцев. И во-вторых, Россию актер давно считает страной чудес: после каждого визита – а их было уже более двух десятков – с его уст не сходит фраза: «Не может быть!» Первое обстоятельство француз умело использует для успешной продажи билетов на свои спектакли в российских городах-миллионниках, второе дает ему творческий заряд. Во время последнего визита в Россию, связанного со съемками документального фильма, Пьер Ришар впервые побывал в русской глубинке, всколыхнув сонную жизнь Вологодской области.

Доброжелательность по контракту

Между прочим, впервые приезд Ришара на Вологодчину был анонсирован еще пять лет назад: ему предстояло сыграть одновременно детского писателя, покинутого музой, и российского Деда Мороза, за помощью к которому обращается литератор. В одной из гостиниц Великого Устюга подготовили специальный номер с учетом всех пожеланий актера, но проект тогда так и не состоялся.

В программе визита не предусматривались встречи со зрителями, а в контракте отсутствовали указания на общение с прессой, и ни одного слова в диктофон или на камеру Пьер Ришар не сказал ни в Москве, где также проходили съемки, ни в Вологде. Для поклонников,

впрочем, актер сделал несколько исключений. «Ну вон же – он нам машет рукой и приветливо улыбается. Может быть, согласится на короткое интервью? У меня же задание редактора», – умоляла молоденькая вологодская журналистка переводчика Ришара Анастасию. «Об интервью он и слушать не будет, а улыбается, потому что ему по сценарию положено излучать доброжелательность ко всем русским людям», – сурово объясняет та.

Журналисты принялись «пытать» его приближенных. Выяснилось, что идея фильма принадлежит Игорю Лысенко, директору прошедшего в Вологде минувшим летом фестиваля молодого европейского кино VOICES. После посещения Вологодчины ему чуть ли не во сне привиделась встреча двух старичков с седыми бородами, которые много лет дарят людям добро. Пьера Ришара и Деда Мороза.

«Как такового сценария, в котором был бы прописан каждый шаг главного героя, у нас нет, – рассказывает Игорь. – Есть ключевые сцены. Надо понимать, что Пьер Ришар здесь выступает не как актер, а, скорее, как любопытный путешественник. И он не играет. Все реакции на увиденное настоящие, а встречи спонтанны, подставных актеров мы не используем. Фильм уникален тем, что покажет истинную, самую что ни на есть российскую Россию глазами самого французского француза».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Съемки начались несколько недель назад в доме Пьера Ришара. В кадре он разворачивает конверт с приглашением и начинает собираться в дорогу. Первый съемочный день на территории России прошел на Красной площади в Москве. «Там мы застали какой-то митинг. В процессе съемок, после того как митингующие узнали Ришара, они все постепенно собрались вокруг него», – смеется Лысенко.

«Фильм расскажет о путешествии актера Пьера Ришара из Парижа в Великий Устюг, – добавляет на прекрасном русском продюсер Марк Рускар. – Но это вкратце... Вообще, в фильме будет много поэзии, ностальгии, мечтательности разной. И Пьер идеально подходит на эту роль, потому что в своем возрасте не перестал быть ребенком. Он уверен, что где Дед Мороз и может существовать в реальности, так только среди снегов и льдов, то есть на севере России. Во Франции и вообще в Европе давно исчезло такое трепетное отношение к этому новому персонажу. У нас вообще

В контракте Пьера Ришара общение с людьми на улицах не значилось, однако он не отказывал в автографах и совместном фотографировании

не принято верить в него, это во многом бизнес, и все это понимают. А Россия для Пьера – страна чудес».

Темно и холодно

В Вологду Пьер Ришар и съемочная группа фильма с черновым названием «Снегурочка и Дед Мороз» приехали на поезде из Москвы. Могли и на самолете, но для картинке поезд интереснее. На ногах валенки, на плечах – теплый полушубок.

Голову от русских морозов защищает шикарная меховая шапка. «Как у вас темно и холодно», – заявил на перроне актер, но так искренне и с такой доброй улыбкой, что верилось: Ришару совсем не хочется, чтобы было светло и жарко. Гости отбыли в гостиницу и в следующий раз появились на людях в час дня на площади у главного вологодского собора – Софийского. Здесь, по сценарию, Пьер Ришар не спеша

ПЬЕР РИШАР В РУССКОЙ ГЛУБИНКЕ

обходит лотки местных торговцев сувенирами, выбирает какие-то безделушки. Приезда актера на мини-базаре ждали около полусотни человек – преимущественно журналисты и их знакомые, хотя информация о визите французского гостя была секретной. Больше других волновался предприниматель из деревни Вотча Вологодского района Николай Сайкин. Ему, производителю и торговцу валенками, загодя сообщили о намерении гостя под взглядом телекамеры деловито ощупать войлочный товар и купить приглянувшуюся обувь. На самое видное место на прилавке Сайкин выложил дорогие подарочные валенки с забавными рисунками, а детские убрал под прилавок.

Помощники актера уговаривали журналистов и зевак разойтись: «Он пожилой человек, ему 76 лет, мы не можем его долго морозить. Имейте уважение». Сам актер в это время выглядывал из окна черного «мерседеса». Площадку для съемки наконец расчистили.

Вблизи любимец публики, вопреки названию его культовой комедии, оказался хотя и блондином, но далеко не высоким. Да и черные ботинки были заменены коричневыми полусапожками. Деревенский полубок, из которого клоками торчал белый мех, забавно контрастировал с модными шарфом и очками, загаром и белозубой улыбкой. Лицо комика ни на секунду не оставалось в состоянии покоя, демонстрируя такую богатую мимику, которую северные люди видели только в кино. И только в «ришаровском».

Ришару махнули рукой, и он без всякой подготовки вошел в кадр. Не спеша рассмотрев товары, актер приблизился к развалу валенок. За камерой вскрикнула режиссер Наташа, француженка русского происхождения. «Денег-то мы ему не дали, – шепнула она помощнице. – Второй дубль объявим – обидится». Жестами режиссер передала стоящему за прилавком Сайкину: мол, отдай ему валенки, которые выберет, а мы потом заплатим. Сцена прошла как по маслу. Камеры включились, Ришар неожиданно для всех водрузил валенки на руки поверх рукавиц и не снимал их на всем протяжении уличной прогулки.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Из 21-й поездки в Россию Ришар увез домой три пары валенок – одни купил в Москве, другие в Вологде, третьи в Великом Устюге

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Дорогу к черной машине француз у неожиданно преградила пара новобрачных, венчавшихся в церкви по соседству. А потом и вторая. К тем и другим актер отнесся по-отечески: сфотографировался, с удовольствием чмокнул обеих невест и что-то тихо сказал каждой паре. «Артист известный, я смотрел комедии с его участием. Названий не помню, – признался один из молодоженов, Меньшиков. – Когда сфотографировались, он нам что-то сказал по-французски. Что конкретно,

не знаю. Наверное, пожелание какое-то доброе».

Актеры и операторы двинулись к Софийскому собору. Под прицелом камер Пьер Ришар немного походил по площади знакомой по фильмам слегка косолапой походкой, приблизился к монастырским стенам, задрал голову на колокольню и вошел в Кремль.

В тот же день гости посетили вологодский детский дом, посидели у лунок с местными рыбаками и «моржами», после чего отбыли самолетом в Великий Устюг.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Знаменитый француз впервые посетил российскую глубинку – особо его заинтересовали православные батюшки и молодожены

Выручает в холода борода

С самого первого посещения Советского Союза Пьер Ришар высказывал мечту ощутить настоящий русский мороз. Но доселе не складывалось – российская погода лишь считанное количество раз, на Урале и в Сибири, заставила Ришара надеть шапку. Вологодская область не подвела: с морозом-воеводой актер познакомился раньше, чем с Дедом Морозом. В Москве в конце февраля, когда состоялся визит, термометры фиксировали минус 15 градусов, в Вологде шкала опускалась делений

на пять ниже, а на вотчине новогоднего волшебника, затерянной в сосновом бору, царил «тридцатник». Пьер Ришар, казалось, упивался долгожданным морозом и проводил на улице больше времени, чем было определено по программе, составленной в теплом Париже. Гуляя в бору, француз заметил, что здешние воздух и сосны напомнили ему Швейцарские Альпы. На приеме у Деда Мороза его угощали северными шаньгами, калитками и настойкой на хрене (по местному – «хреновуха»).

Собственно, встреча Ришара с Дедом Морозом состоялась под вечер. Ее детали строго засекречены. «Потому что это – кульминация нашего фильма, – объяснил Игорь Лысенко. – В кабинет зашли Дед Мороз, Пьер Ришар, переводчик и оператор. Через час первые двое вышли лучшими друзьями. Было видно, что на обоих эта встреча произвела огромное впечатление».

Ришар презентовал Деду Морозу тряпичную куклу, хозяин – волшебную подушку-думку, сундучок сладостей и третью пару валенок (первую Ришар приобрел в Москве, готовясь к морозам, вторую – в Вологде).

Остаток времени был посвящен прогулкам по Великому Устюгу, растянувшемуся по берегам реки с несеверным названием «Юг». Шагая мимо крохотных, будто игрушечных, соборов, в один из них – самый неприметный и затянутый строительными лесами – Ришар заглянул. Завидев священника в рясе, попросил помощников сфотографировать его с православным батюшкой для личного архива. Священнослужителя уговаривать не пришлось. «Очень люблю ваши фильмы», – сильно окая, признался он густым басом. Актер был растроган. 🍷

Памятник
Кириллу
и Мефодию

МОНАСТЫРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

**ЛАДА КЛОКОВА,
АЛЕКСАНДР БУРЫЙ**
ФОТО АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

30 ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ, СКИТЫ, СОТНИ ЦЕРКВЕЙ И КАПЛИЦ, КРЕСТЫ И ИЗОБРАЖЕНИЯ СВЯТЫХ ВДОЛЬ ДОРОГ, ПОДСЧИТАТЬ КОТОРЫЕ ХОТЯ БЫ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО НЕТ ВОЗМОЖНОСТИ... И ВСЕ ЭТО – НА ПЛОЩАДИ ВСЕГО-ТО 13 ТЫСЯЧ КВАДРАТНЫХ КИЛОМЕТРОВ!

...СТОИТ ТОЛЬКО УВИДЕТЬ Карпаты, вдохнуть их прохладный сладкий воздух, зажмуриться от яркого солнца в пронзительно-синем небе, зачерпнуть хрустальной воды в горной реке – и вы уже не властны над своим сердцем. Оно навечно попало в плен. Местные жители, прощаясь, убеждали: рано или поздно сюда возвращаются все, кто хоть раз побывал здесь. Мы и не спорили. Потому что знали: мы тоже сюда вернемся.

Своя работа

...Невысокая ограда. Калитка не заперта. Залитый солнцем монастырский двор пуст, но двери храма распахнуты. Здесь в церковной лавке маленькая старушка раскладывает книги и свечи. Поверх рясы – ветхая телогрейка, на голове – старый платок с выцветшим рисунком.

– Здравствуйте, матушка! А можно ли нам увидеть игуменью?

– Айно, айно! (Да, да!). – Она семнит к выходу из храма.

Мы тоже выходим, осматриваемся. Вокруг чисто и опрятно, три церкви и колокольня сияют побелкой, трава подстрижена, на вымощенных дорожках соринки не найти. Даже не верится, что это – одна из древнейших закарпатских обителей. Точная дата основания Успенского монастыря в селе Угля неизвестна. Исследователи считают, что он был основан учениками святых Кирилла и Мефодия еще в X веке! Зато точно известно, что здесь в 1558 году останавливались, возвращаясь из Константинополя, послы Ивана Грозного, писавшие царю в отчете:

«В том монастыре есть криница, в которой вода так сладка, как грушевый квас...» Монастырь был огромный, в XVII столетии здесь жило более 300 монахов. Но, как и большинство православных монастырей на этой земле, он был закрыт во время господства унии (Ужгородская уния – акт 1646 года о присоединении 63 русинских православных священников к Римско-католической церкви на условиях Брестской унии 1596 года. К 1721 году православие на территории Закарпатья было практи-

чески уничтожено. В 1949 году советская власть загнала униатов в подполье. Уния восстановилась в Закарпатье в 1980 году. – Прим. авт.). В конце 30-х годов XX века его открыли как женскую обитель. А в 1959 году он вновь был закрыт. На этот раз советской властью.

...От жилого корпуса спешила та самая старушка, что встретила нас в церкви. Сначала мы не поверили своим глазам, но клобук, мантия и большой наперсный крест не оставляли никаких сомнений – игуменья!

Алтарь церкви
Успения
Пресвятой
Богородицы
Успенского
женского
монастыря

Игуменья
Екатерина

– Так это вы – матушка Екатерина?

– Я и есть. – Она ласково улыбалась. – Вот уже двадцать лет игуменья. Раба Божия Екатерина.

Она рассказывает, как в 1959 году милиция выгоняла отсюда монахинь, показывает поблекшие фотографии тех лет...

– А что здесь было вместо монастыря?

– Школа для детей. А в церкви устроили склад. – Игуменья опускает глаза и перестает улыбаться. – Нам тогда пришлось разойтись по домам, тридцать лет ждали, когда разрешат вернуться. В начале 90-х вернулись. Здесь все было разрушено. Восстанавливали сами, на пожертвования людей. Ну а теперь все – слава богу, хозяйство свое, 20 сестер, жаловаться не на что. У нас, правда, все просто, ничего дорогого нет, да разве это главное? Как могли, так и обустроивали.

– А сколько вам лет, матушка?

– Мне? 85 рокив.

– Зачем же вы книги и коробки со свечами сами таскаете?!

– У каждого своя работа. Незачем ее на других перекладывать.

С чистой душой

В Закарпатье легко узнать, что ждет за очередным поворотом горной дороги. Если видите у обочины огромный крест, значит, скоро въедете в село или деревеньку. На выезде обязательно будет еще один крест. Если село большое, в нем может быть несколько храмов разных конфессий. Здесь уживаются и католики, и униаты, и православные, и даже сектанты. – И смешанные семьи есть, – рассказывает наш гид и водитель Иван Балаж. – Вот мой знакомый – православный, а у него зять – римокатолик. И никаких проблем. Другой мой знакомый – греко-католик, а зять у него – иеговист... Что тут поделаешь?.. Ну, вот и Свято-Троицкий монастырь. Добрались.

Многие горные монастыри здесь не имеют никакого забора или ограды. Осматриваемся: дорога, дикий лес, расчищенная площадка, веселенькие разноцветные ульи, пара скромных домиков, две церкви и колокольня. Тишина. На ступеньках церковной лестницы сидит монах. Вокруг него кружат несколько крупных бабочек.

– Откуда приехали? – От низкого голоса монаха бабочки яркими брызгами разлетаются в стороны и исчезают из вида.

– Из Москвы!

– Из Москвы-ы? Добре!

Через минуту иеромонах Киприан уже водит нас по монастырю, объясняя: «в высокую траву не заходите – змеи», «здесь у нас за иконостасом сони живут», «храмы фотографировать надо, а меня-то зачем?» Мы находим солидный белый гриб и вручаем его отцу Киприану. «Вот еще бы пяток таких и готова похлебка!» – смеется иеромонах.

– Двое монахов здесь землянку выкопали и молились. И им были видения: то свеча горела на месте, где церква сейчас стоит, а там вот ангелы пели. В 30-х годах образовался монастырь, – рассказывает отец Киприан. – В самом начале настоятелем здесь был будущий преподобный Алексей Карпаторусский. Выходцы из нашего монастыря – два архиерея, а архимандритов и не счесть. У нас тут все архимандриты, только я иеромонах.

Церковь
Покрова
Пресвятой
Богородицы
Свято-Троицкого
мужского
монастыря

Иеромонах
Киприан

– А вы когда архимандритом станете?

– А я не рвусь в архимандриты, – улыбается отец Киприан, – мне главное, чтобы Там меня приняли с чистой душой.

В 1953 году обитель закрыли, сначала устроили пионерский лагерь, затем – склад лесокombината. Восстановливать монастырь начали в 1989-м.

– Он одним из первых в Закарпатье открылся после коммунистической разрухи. Я родителям сказал, что пойду на стройке помочь, иначе бы непустили. А вернулся домой погостить уже в подряснике, – усмеяется отец Киприан. – Сейчас нас тут четверо. С хозяйством управляемся, без него невозможно, вот отец настоятель пчелами занимается. Паства помогает. Зимой только сурово, ни одна машина подняться не может. На себе продукты носим.

На прощание отец Киприан подарил книгу о православных монастырях Хустского района. Когда он, присев на ступеньки той же лестницы, старательно начал выводить автограф, в воздухе снова закружились непонятно откуда взявшиеся бабочки...

Кирилло-
Мефодиевский
монастырь

Сияющий крест

До Кирилло-Мефодиевского женского монастыря в Сваляве мы добрались ближе к вечеру, когда изумрудные горы уже потемнели, а воздух стал холоднее и прозрачнее. Вошли в монастырь и будто оказались в России! Здешняя Троицкая церковь явно строилась в стиле владимиросуздалских храмов. А идеально ухоженная территория монастыря напоминала выставку достижений ландшафтного дизайна.

– Наша игуменья, матушка Нина, в миру была ландшафтным дизайнером. А позже училась в Троице-Сергиевой лавре. Обитель начали строить в 1996 году. Вот за двенадцать лет построились, – объясняет сестра Еликонида – молодая монахиня, показывающая нам монастырь.

– Ваш Троицкий храм очень похож на храмы Владимира и Суздаля...

– Когда мы его возводили, он был многим в диковинку. А матушка просто хотела принести сюда частичку русского духа. Когда к нам люди приезжают – для нас радость, а когда из России приезжают – двойная радость.

Почти все работы по обустройству монастыря монахини делали сами. Мешали бетон, золотили иконостас, таскали камни из реки для строительных работ, даже красили купол!

– Матушка купила альпинистское снаряжение, ну мы и красили. Сначала страшно было, потом привыкли. Сила Божия в немощи человеческой! – улыбается монахиня.

Сейчас 20 сестер сами управляют с хозяйством: садом, 6 коровами, птицей, тремя «рыбниками» и пасекой. При монастыре действует воскресная школа для детей и взрослых. На Рождество сестры устраивают вертеп. А пасхальное представление именуется «Великий кошмар».

– Ставится большая корзина с пасхой, только не с сырной, как у вас. У нас пасха – это кулич. И мы его глазурью не поливаем.

– Так и в России из сыра пасху не делают, – удивляемся мы.

– Как же не делают, когда делают? Кулинарный спор разрешился быстро: оказывается, «сыром» здесь называют еще и творог...

Солнце уже клонилось к закату, когда мы покидали монастырь. Через дорогу, напротив входа в обитель, красуется великолепный памятник равноапостольным Кириллу и Мефодию. Обычный будний день, никаких торжеств, а у ног святых лежали свежие букеты. Солнце уже почти ушло за горы, вечерние тени легли на каменных братьев, и только высвеченный над ними восьмиугольный крест сиял ярким золотым светом...

Главная причина

Пройти мимо кафедрального собора в Хусте – третьем по численности населения городе Закарпаття – никак нельзя. Он тоже посвящен святым Кириллу и Мефодию. «Если Русь крестил святой Владимир, то Подкарпатскую Русь крестили Кирилл и Мефодий. В 1988 году праздновалось 1000-летие Крещения Руси, а в 1989 году мы праздновали 1100-летие крещения Закарпаття, – говорит настоятель собора протоиерей Василий. – Тогда и решили построить храм. Но не могли определить с местом. В те же годы стала возрождаться уния, в 1990 году одним из первых униатам передали православный собор в Хусте. И было решено строить храм в честь святых Кирилла и Мефодия здесь. Вот и строим собор с 1994 года».

До завершения работ далеко: огромный белый храм в русском стиле только оштукатурен, к росписи можно будет приступить года через три.

– А почему храм так долго строился?

– Ну, вот храм Христа Спасителя в Москве – разве он строился исключительно на церковные деньги? – с укоризной смотрит отец Василий. – У нас не Россия. Мы строимся на пожертвования небольшой общины. Население Хуста 36 тысяч, а зарегистрировано здесь 40 конфессий. Православные, римо-

католики, греко-католики, иудеи, «Свидетели Иеговы», евангелисты, пять разновидностей адвентистов седьмого дня...

– Даже трудно вообразить, кто еще помимо перечисленных...

– А у нас ряд конфессий не связан с понятием «религия». Зачастую это такие экономические «предприятия», сплавляющие сюда продукцию, которая не соответствует стандартам. Дьякон одной из таких конфессий перешел в православие и рассказал нам про этот механизм. Собрали епископов и объявили, что поступила гуманитарная помощь в виде макарон, которые надо раздать. Но главный их епископ предложил: у нас три молитвенных дома, мы нуждаемся в средствах, поэтому гуманитарную помощь надо продать за 10 процентов от себестоимости. Через полгода ситуация повторилась, но

продать предложили уже за 30 процентов себестоимости. Когда дошло до 70 процентов, некоторые выступили против, а им предложили покинуть общину. Кто-то перешел в православие, кто-то в католицизм.

– Отец Василий, а вы не пробовали обращаться за помощью в строительстве храма в Московскую патриархию?

– Я думаю, этого не надо делать по семи причинам. Назову главную. Святой Иоанн Златоуст пишет, что храм стоит построить хотя бы ради того, что в нем будет совершена одна Божественная Литургия. Мы здесь уже не одну совершили. Вот у нас как выборы начинаются, кандидаты бегают, предлагают помощь всякую... Я считаю, это – лишнее. Мы можем без них прожить. А иначе потом придется совестью рассчитывать. Зачем? Разве нам негде молиться?

Строгий устав

...На шатком заборчике, ограждающем цветник, сушились шерстяные носки, куры деловито рылись в соломе, скромный огород, пара старых вагончиков, две маленькие церкви. И опять – никакой ограды. Это – Свято-Введенский женский монастырь, расположенный высоко в горах у села Кушница.

Под древней вишней грелась на солнышке пожилая монахиня в компании двух собачек. Игуменья, матушка Сусанна, и основала обитель в 1998 году.

– Мы пришли сюда вдвоем с сестрой. Жили в вагончике – во-о-н он стоит. Сами все робили сначала. Тяжко было. Сейчас легче. Церковь построили, жилой корпус. Огород есть, виноградник. Восемь сестер у нас, самой молодой 42 года. Непросто у нас – Афонский устав. Совсем молодые не задерживаются, побудут и идут дальше. Спонсоров нет. То, что прихожане приносят, каждая копеечка сюда и вкладывается. На церковное крыльцо вышел молодой священник. Знакомимся. Отец Иоанн учился в Москве, три года как приписан к монастырю. Под впечатлением от разговора с настоятелем хустского собора спрашиваем его, как уживаются здесь различные конфессии.

– Сектанты воюют, – вздыхает священник. – В Кушнице есть «Свидетели Иеговы», четыре разных направления баптистов, адвентисты... Таких сел, чтобы все жители были крещены в православии, – единицы. А что вы хотите? В XIX и XX веках православие здесь выживало. Австро-Венгрия насаждала унию, православных гнали и убивали, затем Чехия поддерживала унию, а потом немцы благоволили к иеговистам и пятидесятникам. А советская власть боролась со всеми подряд.

– А вы общаетесь со священниками из римо- и греко-католиков?

– Священники из разных конфессий особо не общаются. Споры начинаются. Я обычно им говорю: если мы хотим быть друзьями, давайте не будем в разговорах поднимать темы, которые окажутся болезненными и для вас, и для меня. Если получается этому следовать, тогда общаемся нормально.

Игуменья
Сусанна

ЗАКАРПАТЬЕ

Жребий служения

...Горной дорогой пробираемся через густой лес. Чаща такая буйная, что монастырской ограды почти не видно. Только большие ворота с маковкой и крестом на верхушке подсказывают, что мы у цели. «Сейчас медведь из зарослей вылезет», – пошутил кто-то из нас. Подходим к воротам... Свято-Серафимовский женский монастырь! Вовремя, получается, про медведя вспомнили... – Разве не удивительно то, что когда в России большевики рушили

церкви и убивали священников, здесь – на Подкарпатской Руси – начался расцвет православия? – говорит иеромонах Серафим. – Жребий служения, хоть и короткий, падает на нашу землю. Закарпатье – это кладенец, сюда эмиграция перевозила иконы и богослужебные книги. Русские эмигранты рассказывали о святом Серафиме Саровском, его тут полюбили, многие принимали в постриге его имя. И начало этого монастыря связано с именем преподобного. Наша обитель была

основана в 1933 году. В этот год Россия должна была праздновать 100-летие со дня кончины Серафима Саровского. А ведь Саров был закрыт в 1927 году, мощи – утеряны. Но именно в 1933 году здесь, далеко от России, открывается монастырь в честь святого Серафима Саровского! Монастырь был закрыт в 1959 году. Милицейские наряды окружили обитель, сестер выгнали, они еле успели погрузить утварь на телеги, обоз отправили в Липчанский женский монастырь, а здесь организовали пионерский лагерь.

– И вот вам промыслительное совпадение: мощи святого Серафима Саровского в России обрели в январе 1990 года, а здесь первое богослужение в возрожденном монастыре состоялось в феврале того же года, – продолжает отец Серафим. – Сейчас в монастыре 20 сестер. Из Москвы нам помогают, благодаря этому мы тут много в монастыре смогли построить.

Оказывается, здесь живет сестра, восемнадцать лет проработавшая в Московской патриархии. Матушке Марине 82 года, она очень общительна, но сильно смущается, когда ее фотографируют.

– Я тогда в Мукачевском монастыре была. Вот нас, четырех монахинь, оттуда и отправили в Москву в 1970 году, чтобы мы готовили для патриарха Пимена (Патриарх Московский и всея Руси в 1970–1990 годах. – Прим. авт.). Патриарх монастырскую пищу любил, – вспоминает матушка Марина. – Я ему подаю котлетку рыбную, он половину оставляет. А мне обидно: наверное, не понравилось. Ему сказали, что я расстроилась, так он меня позвал и стал объяснять: я не все съел не потому, что невкусно, а потому, что мне много есть нельзя. Он часто приходил и спрашивал: вы сегодня гуляли на улице? Да откуда же, Ваше Святейшество, отвечаем, у нас работы много. А он: немедленно все бросайте и идите! Погуляем немного и обратно на кухню.

– А патриарха Алексия II вы лично знали?

– Ему мы три месяца готовили, когда его избрали, а потом уж обратно запросились. Годы все-таки. И нынешнего нашего патриарха, Кирилла, я еще совсем молодым помню.

Иеромонах
Серафим

Монахиня
Марина

Храм
Святого Николая
Николаевского
мужского
монастыря

Иеромонах
Амфилох

– По Москве не скучаете?

– Я в Москве в позапрошлом году была. Дюже все поменялось. Раньше намного беднее люди жили... Но я не скучаю, нет. Здесь спокойнее.

Обыкновенное чудо

Нас предупредили заранее: в Свято-Николаевском мужском монастыре кельи находятся на втором этаже туберкулезного диспансера. Лечебница была организована здесь в 1960 году, когда обитель была закрыта, и работает до сих пор, хотя с 1990 года монастырь снова действует. И никто не заболел? – интересуемся мы. – Никто! – отвечает иеромонах Амфилох. – У нас же в храме Николая Чудотворца лежат мощи апостола нашей земли – Алексия Карпаторусского. Он основал этот монастырь, и он же был его первым настоятелем. Здесь он и упокоился в 1947 году в возрасте семидесяти лет. В 1999 году, после многих чудес на могиле, были обретены его нетленные мощи, а канонизация состоялась через два года.

Преподобный Алексей Карпаторусский (Александр Иванович Кабалюк) родился в 1877 году в Закарпатье, входившем тогда в состав Австро-Венгрии. Окончив церковно-приходскую школу, он поступил послушником в греко-католический монастырь. В 1905 году отправился в Россию, где проникся православием, и, вернувшись, стал проповедовать его среди русинов. В 1909 году, после поездки Кабалюка в Русский Свято-Пантелеймоновский монастырь на

Афоне, в Хусте был собран тайный съезд православных русинов. Тогда же было принято решение отправить Кабалюка в Россию, где он принял монашеский постриг с именем Алексей. Вернувшись, он продолжил проповедь и служение, за что подвергался преследованиям со стороны властей. В итоге ему пришлось покинуть Закарпатье, перебравшись сначала в Россию, потом в Америку. Однако он вернулся на родину, как только узнал о начале в 1913 году судебного процес-

са против православных русинов. Его приговорили к четырем с половиной годам лишения свободы. Этот процесс вызвал огромный резонанс в России, а Николай II передал в дар отцу Алексею золотой напрестольный крест.

Величайшие ценности обители – пастырский жезл преподобного Алексея и его Библия, на форзаце которой каллиграфически выведено: «Сия св. книга Библия принесена из славной Москвы архимандритом Алексием Кобылюком, который трудно нес пешком на своих плечах через границы мадыарские...»

Проходим мимо высокой новой колокольни, мимо трапезной и кухни – у двери стоит огромная корзина с грибами – и выходим к рощице, за которой – монастырское кладбище. Отец Амфилох идет впереди и рассуждает: – Люди ведь как? Все чудес ищут. А чудеса у нас под носом происходят, но мы их не замечаем. Вы видели колокольню? Высокая? (Мы киваем: колокольня и вправду очень высокая.) Вот я с нее спикировал. И что? Только ногу сломал да сотрясение мозга получил. А вот это – видите?

Библия Алексея
Карпаторусского

Архангело-
Михайловский
женский монастырь

Вся рощица усеяна цветами шафрана, ярко-фиолетовые звездочки будто горят в зеленой траве. Глаз от этой красоты отвести невозможно.

– Они у нас и зимой цветут, против всех законов природы, – улыбается иеромонах.

Один цветок шафрана мы сорвали себе на память.

В соседстве с миром

– С миру по нитке – голому рубашка, – смеется отец Алексей, монах Свято-Покровского мужского монастыря в Ракошино. – Прихожане нам помогают, живем помаленьку. Вы извините, наш настоятель отец Митрофан с вами встретиться не сможет, он с другими монахами скот с пастбища перегоняет.

Этот монастырь был основан десять лет назад. Именно здесь находится церковь в честь Покрова Божией Матери, возведенная в 1927 году, о строителе которой стоит рассказать особо. Всеволод Коломацкий родился в 1896 году, учился в Киевской духовной семинарии, но не окончил ее. Воевал в Первую мировую, получил семь ранений. После революции эмигрировал на Подкарпатскую Русь, входившую тогда в Чехословакию. В 1924 году был рукоположен в сан священника. Преследовался властями, семь раз был арестован, но продолжал служить, строить храмы и писать иконы. При этом архитектурного и художественного образования у него не было. В 1942 году он был арестован нацистами и отправлен на принудительные работы в Германию. После окончания Второй мировой войны служил в Чехии, где принял монашеский постриг под именем Андрея. Скончался в 1980 году в словацком городе Румбурк, где и похоронен.

– Храм Коломацкому помогли строить князья Юсуповы и баронесса Врангель. Здесь было много белоэмигрантов. Храм не закрывали до 1978 года, а потом здесь устроили музей религии и атеизма, – рассказывает отец Алексей. – Церкви его вернули в 2001 году. Храм находился в плачевном состоянии. На день памяти Иверской иконы Божией Матери здесь прошла первая служба монастырского чина: священник службу служил, а пономарь над ним зонтик держал. Сейчас здесь 11 монахов, среди трудников немало сирот – выпускников

Сельская церковь
на пути к озеру
Синевир

Иеромонах
Алексей

Иоанно-Предтеченский
женский монастырь

местного детского дома. Хозяйство большое – овцы, коровы, птица, пекарня, сыроварня... Еще есть черные и белые лебеди, пара осликов, декоративные куры и голуби разных пород. «Наш настоятель очень живность любит», – поясняет отец Алексей.

Монастырь находится прямо у оживленной дороги, по которой шумно проносятся автомобили.

– Не мешает вам такое соседство?

– Люди раньше уходили в пустыни от мира, а теперь куда от мира уйдешь? Он тебя сам найдет, – усмехнулся отец Алексей.

Удивительные люди

Как вместить в один рассказ все те впечатления и знакомства, которые нам подарило Закарпатье?

За шесть дней мы преодолели две с лишним тысячи километров, побывали в 17 монастырях, увидели множество храмов. Со стен старинных замков любовались Карпатами, смотрелись в воды Синевира, кормили с рук оленей и мололи муку на водяной мельнице. Нас научили готовить такан и объяснили, как делается домашнее вино из винограда, запах которого едва не свел нас с ума. На второй день мы привыкли к тому, что

здесь здороваются друг с другом даже незнакомые люди, и сами не заметили, как в кафе стали заказывать чашечку «кавы», а не «кофе». На третий – перестали удивляться отсутствию высоких заборов в монастырях и деревнях, а также решеток на окнах домов. Единственное, с чем мы не смогли смириться, так это с попытками хозяйки гостиницы кормить нас на завтрак огромными порциями супа и жаркого с гарниром. На все наши просьбы дать нам каши, она заламывала руки и трагически вопрошала: «Як это: завтрак – и без супа? Як же вы голодные поедете?!» В конце концов мы перестали удивляться и тому, что громада (община) каждой, даже самой маленькой, деревеньки, не рассчитывая ни на чью помощь, самостоятельно строит себе церковь. Жизнь здесь непростая, люди в основном выживают за счет натурального хозяйства и поездок «на заработки» в Европу и Россию. И обязательно часть заработанных денег жертвуют на строительство храма. Потом долго копят на церковную утварь и на оплату работы художников. Иногда отыскивается художник-самоучка из самой общины, который расписывает храм совершенно бескорыстно.

Источник

...В один из последних дней мы добрались до села Нанково, где в 1690 году была найдена икона Богородицы. Местное предание гласит, что народ решил построить на этом месте часовню, но собственник пожадничал и отказался предоставить землю. Икону положили на подводу, но волы не могли сдвинуть ее с места. Увезти икону смогли лишь тогда, когда народ решил передать ее венгерскому королю. Где сегодня находится икона – неизвестно. А на том самом месте, где ее нашли, забил целебный источник.

...Вода в источнике ледяная и вкусная. Вокруг все чисто и прибрано, беседка украшена живыми и искусственными цветами. За ней ухаживает старенькая бабушка, живущая в селе. Она пришла, когда мы уже собирались уходить.

– Братья русские! Здравствуйтесь! – Как она узнала, что мы из России, неизвестно.

– Здравствуйтесь, бабушка!

– Як вас звати? Я за вас помолюсь.

– Бабушка, помолитесь лучше за Россию, пожалуйста.

– За Россию я всегда молюсь... ❀